

Д Ъ Т С К О Е
Ч Т Е Н І Е

Д Л Я

С Е Р Д Ц А и Р А З У М А.

Ч А С Т Ь Х Х.

М О С К В А,
в ъ У н и в е р с и т е т с к о й Т и п о г р а ф і и,
у Н. Новикова.

1 7 8 9.

П Р И Л Ъ Ж А Н І Е

И

П О К О Й.

Аллегорическая повѣсть.

Въ первыя времена міра, когда невинность еще сохраняла чистоту свою и простота нравовъ была еще не испорчена, щастливый человекъ наслаждался ненарушимымъ удовольствіемъ и всегдашнимъ изобиліемъ подъ покровительствомъ Покоя. Сіе крошечное божество не требовало отъ почитателей своихъ ни алтарей, ни жертвъ. Все служеніе, ему воздаемое, состояло только въ поверженіи себя на покрытыхъ цвѣтами лугахъ подъ тѣнистыми жасминами и миршами, или въ пляскѣ на берегахъ рѣкъ молокомъ и нектаромъ текущихъ.

Подъ симъ пріятнымъ владычествомъ первые человекѣ дышали благовоніемъ вѣчной вѣсны; бѣли плоды, безъ всякаго хожденія за ними созрѣвавшіе; спали подъ сѣнями, самою нашурою приуготовленными, гдѣ пшцы пѣли надъ ихъ головами и другія живошныя играли вокругъ ихъ. Но мало по малу начали они перяшь непорочность. Хотя всѣ имѣли болѣе, нежели имъ нужно было; но каждый спалъ спарашь присвоить себя какую нибудь часъ особливо. Ввелись между ими Насильство, Орманъ, Воровство и Грабежъ. Вскорѣ по томъ появились въ мірѣ Гордостъ и Зависъ, и ввели въ употребленіе новую мѣру богатства. Люди, прежде почипавшіе себя уже богатыми, когда ни въ чемъ недостатка не имѣли, спали располагать желанія свои не по естественнымъ потребностямъ, но по изобилію другихъ, и начали почипать себя бѣдными, когда сосѣди болѣе ихъ имѣли. Тогда уже одинъ только могъ быть щастливымъ, ибо одинъ только могъ имѣть болѣе всѣхъ; и сей одинъ человекъ находился въ непрестанномъ страхѣ, опасаясь, чтобъ не лишиться своего имущества пѣми жъ хитростями, какими самъ онъ другихъ обманывалъ. Когда

Когда усилилось сіе развращеніе, состояніе земли перемѣнилось. Годъ раздѣленъ былъ на разные времена. Часть земли сдѣлалась пустою степью, а прочее приносило только ягоды, дубовые желуди и травы. Лѣто и осень хотя доставляли невкусную пищу на удовлетвореніе нуждъ, но зима безъ всякой помощи оставалась. Голодъ, сопровождаемый множествомъ разныхъ болѣзней, суровою погодою наносимыхъ, производилъ опустошеніе въ родѣ человѣческомъ, и надлежало бы опасаться совершеннаго истребленія онаго, естлибъ не получилъ онъ помощи.

Для прекращенія опустошеній, производимыхъ голодомъ, копорый повсюду сѣялъ мершвые прупы, сошло на землю *Прилѣжаніе*, сынъ *Нужды*, воспитанный *Надеждою* и наученный *Искусствомъ*. Оно имѣло силу мащери своей, духъ воспиташельницы и знаніе учительницы своей. Лицо его покрыто было морщинами отъ вѣщру и загорѣло отъ солнца. Въ одной рукѣ несло оно земледѣльческія, а въ другой строишельскія орудія, и взывало суровымъ голосомъ: „Смершныя! зрите во мнѣ божество, къ копорому прибѣгнуть вамъ опредѣлено,

и отъ котораго должно вамъ ожидать всего удовольствія и вся безопасности. Долго уже помились вы подъ владычествомъ *Покоя*, божества безсильнаго и обманчиваго, которое не могло подать вамъ ни защиты, ни помощи, но предавало васъ первымъ нападеніямъ голода и болѣзни, и попускало похищать тѣни свои всякому врагу, и всякому случаю истреблять. Услышьте жъ голосъ прудобія и пробудитесь отъ сна! Я научу васъ отвращать неплодородіе земли и строгость погоды. Я заставлю лѣто снабжать васъ запасомъ для зимы; принужу воду доставлять вамъ рыбъ своихъ, воздухъ птицъ, и лѣсъ дикихъ его звѣрей. Я научу васъ разрывать внутренность земли, и доставать изъ пещеръ горныхъ металлы, которыя придадутъ рукамъ вашимъ силу и будутъ служить надежною защитою тѣламъ: вы можете ими ограждать себя отъ нападеній лютойшихъ звѣрей, рубить дубы, раздроблять камни, и всю нашуру своей пользы и удовольствію своему покорять.,,

Симъ лестнымъ призываніемъ ободренные, жители земли признали *Прилжаніе* единственнымъ другомъ своимъ и повиновались его повелѣніямъ. Оно по-
вело

вело ихъ на поля и горы, научило ихъ открывать рудники, срывать холмы, высушать болота, и печеніе рѣкъ перемѣнять. Вдругъ все новый видъ воспріяло. Земля покрылась городами и селами; полями, усѣянными хлѣбомъ и обсаженными вокругъ плодовитыми деревьями; не видно было ничего, кромѣ грудъ хлѣба и корзинъ съ плодами; вездѣ столы уставлены были пищею и жишницы наполнены запасомъ.

Такимъ образомъ *Прилѣжаніе* и преданные ему сообщники ежечасно распространяли власть свою, и мало по малу совсѣмъ лишили Голодъ владычества его. Но напоследокъ посредѣ ихъ веселія и торжественныхъ пѣсней приблизилось къ нимъ *Утомленіе*. Всякой могъ узнать его по впалымъ глазамъ и опустившемуся лицу. Оно пришло дрожа и задыкаясь. При каждомъ его глубокомъ вздохѣ сердца видѣвшихъ его бодрости лишались; нервы ихъ ослабѣвали, члены дрожали, и рабшныя орудія изъ рукъ валялись.

Успрашенные симъ ужаснымъ видѣніемъ раскаялись въ томъ, что допустили *Прилѣжаніе* столь легко уговорить себя, и начали желать возвращенія тѣхъ пріятныхъ часовъ, которыми подъ вла-

дычествомъ *Покоя* наслаждались. Они рѣшились посвящать сему божеству остатокъ своей жизни. *Покой* не оставилъ еще міра: они скоро нашли его, и дабы примириться съ нимъ послѣ оказанной ему невѣрности, пригласили его участвовать въ приобщеніяхъ, копорыя *Прилѣжаніе* имъ доставило.

И такъ *Покой* оставилъ долины и рощи, гдѣ жилъ прежде, и переселился въ палаты; лежалъ въ великолѣпныхъ алковахъ; зимою спалъ на пуховыхъ постеляхъ, а лѣтомъ въ прекрасныхъ гроздахъ, искусствомъ сдѣланныхъ, предъ которыми были фонтаны. Однако при всемъ томъ блаженство его было еще несовершенно, и не могъ онъ доставлять возвратившимся къ нему всего того удовольствія, какимъ наслаждались они прежде, пока не были еще въ союзѣ съ *Прилѣжаніемъ*. Также и власть его была ограничена; ибо ложный другъ его, *Рокошь*, присвоивала себѣ участіе въ оной, хотя *Покой* примѣчалъ въ ней невѣрность, и она препятствовала его дѣйствіямъ, притворяясь, будто споспѣшествуетъ онымъ.

Нѣсколько времени царствовали оба сіи нѣжныя божества безъ явнаго несогласія,

гласія , пока наконецъ *Роскошь* забыла припворство и выдала почипашелей своихъ *Болѣзни*. *Покой* удалился и оставилъ владѣніе свое неправеднымъ похищителямъ , которыѣ всѣми силами старались утвердиться въ ономъ и споспѣшествовать взаимно выгодамъ другъ друга.

Покой имѣлъ не однихъ сихъ непріятелей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ укрывался онъ отъ нападеній *Болѣзни*. Но шамъ хитрая и лукавая пріятельница нарушала его спокойствіе. Часто когда все было тихо и спокойно , когда никакая печаль не грызла внутренности его , и совнѣ никакая опасность не угрожала ; когда всякой цвѣшокъ былъ въ полномъ своемъ великолѣпїи , и всякой вѣперокъ обремененъ благовоніями , — входила въ жилище его *Скука* съ помнымъ и мучительнымъ взоромъ , и садилась на ложе , для *Покоя* пріуготовленное и украшенное. Какъ скоро она садилась , повсюду мракъ распростирался ; лѣса вдругъ лишались прекрасной своей зелени , и обипашели ихъ прелестныя мелодїи свои прекращали ; Зефиръ вѣялъ вздохами ; цвѣшки сжимались и запахъ свой въ себѣ замыкали. Не видно было ничего инаго , кромѣ множества людей , которые ходили , сами не

зналъ куда, искали, сами не зналъ чего. Ничего отъ нихъ не слышно было, кромѣ жалобъ, хошя сами они не могли ска-
зашь, на что жалуются; не слышно бы-
ло ничего, кромѣ роппанія, хошя и ни-
какого нещаспія не случилось.

Покой лишился всего уваженія. Преж-
ніе почитатели его начали вшорично ока-
зывать ему презрѣніе. Нѣкоторые изъ
нихъ сговорились передаться къ *Роскоши*,
которая обѣщала имъ прогонять *Скуку*
искусствомъ. Другіе, будучи умнѣе, или
болѣе имѣя бодрости, возвратились къ
Прилѣжанію, которымъ хошя и изба-
вляемы были отъ *Скуки*, но *Утомленіе*
часто принуждало ихъ брать прибѣжище
къ сѣнямъ *Покоя*.

Такимъ образомъ *Покой* и *Прилѣжа-
ніе* видѣли, что владычество ихъ было
маловременно и непердо, и области
подвержены нападеніямъ враговъ, кото-
рые обоихъ ихъ равно обижали. Оба
они мало находили вѣрности въ своихъ
подданныхъ, которые при всякомъ слу-
чаѣ были готовы ихъ оставить. *При-
лѣжаніе* видѣло пріобрѣтенныя имъ бо-
гатства уносимыя на жертву *Покою*; а
почитатели *Покоя* при всякой нуждѣ
оста-

оставляли его и просили помощи у *Прилѣжанія*.

Наконецъ рѣшились они свидѣться другъ съ другомъ, и на семъ свиданіи согласились, раздѣлишь между собою міръ и царствовать попеременно, такъ, чшобъ одинъ правилъ днемъ, а другой ночью. Также условились они рачительно оберегать границы другъ друга, и въ случаѣ непріятельскаго нападенія, *Прилѣжаніе* должно было пропивишься *Скукъ*, а *Покою* надлежало прогоняшь *Утомленіе*. Такимъ образомъ прекрашилось древнее несогласіе между ими. Они вмѣстѣ воспихали *Здравіе*, благодѣтельное божество, копрое немало способствовало къ ушверженію союза воспихателей своихъ, и весьма споспѣшествуетъ учрежденному распредѣленію владычества ихъ; ибо оно сообщаетъ дары свои только тому, кто раздѣляетъ жизнь свою на труды и успокоеніе съ правильною соразмѣрностію.

Различныя опредѣленія.

Персидская Басня.

Въ одинъ день (разсказываетъ Сади, Персидской стихотворецъ) пошелъ я домой съ сердцемъ исполненнымъ неудовольствія. Негодуя на всѣхъ человѣковъ и на самого себя, я палъ въ глубокой сонъ, и видѣлъ слѣдующее сновидѣніе. Представилось мнѣ, будто преселенъ я въ пустыню, отъ всѣхъ пороковъ и глупостей человѣческихъ удаленную. Въ тихомъ спокойствіи пришелъ я въ большой лѣсъ, гдѣ казалось мнѣ, что жижины моя безопасна отъ всѣхъ жестокихъ вѣтровъ Арабіи, и въ тишинѣ ея забылъ я всѣ непріятности, жизнь нашу помрачающія.

Взошло солнце. Лучи его позлашили зеленую лиственную кровлю надо мною, но слабо только сквозь ея проницали. Я слышалъ пѣніе множества птицъ, внималъ всѣмъ ихъ понамъ и замѣчалъ различность ихъ вида, перьевъ и полета. Небо сообщило мнѣ силу разумѣть разные ихъ языки. Орелъ смѣялся надъ слабымъ зрѣніемъ совы. Горлица поносила орла; а онъ презиралъ ее за ея слабость. Дроздъ насмѣхался орлиному крику.

крику. Галка и сорока шутили другъ надъ другомъ, но соглашались въ насмѣлкахъ надъ меланхолическимъ видомъ ворона, и съ презрѣніемъ говорили о воробѣ.

Вдругъ увидѣлъ я чудное явленіе, съ неба сходящее. То былъ юноша, цвѣтомъ подобный розамъ, копорыми рѣзвая Черкасская дѣвушка усыпаетъ дѣвственный снѣгъ. Лазурныя крылья его по краямъ обведены были золопомъ, подобно, какъ лѣпнія облака увѣнчивающія лучами зари упренней. Волосы его были черны, какъ гебенное дерево; глаза еще чернѣе. Никакой лицемѣръ не могъ бы снести пронзительнаго взора его, въ самую душу пронизавшаго. Онъ сѣлъ на высокой плащанъ, превышающей высочайшіе кедры, и позвалъ пшиць по именамъ ихъ. Онъ повиновались, слѣдѣлись къ нему, сѣли на вѣшняхъ окружавшихъ его кедровъ, и въ молчаніи шрепешали, когда онъ говорилъ:

„Внемлите шому, что, великой Творецъ міра повелѣлъ возвѣститъ вамъ. Всѣ вы предъ очами Его равное имѣете достоинство: вамъ даны шолько разныя дарованія; ибо къ разнымъ дѣламъ вы опредѣлены.“

„Ты,

„Ты, орелъ, рожденъ для войны;
крикъ твой, изъясняющій силу, не мо-
жетъ быть приятнымъ пѣніемъ. Сова
не освобождаетъ землю отъ пресмы-
кающихся животныхъ и несѣкомыхъ,
еслибы короткое ночное ея зрѣніе
могло сносить лучъ полуденнаго солнца.
Нѣженъ и слабъ составъ соловья и ко-
ноплянки, но то для приятнаго пѣнія
ихъ нужно. Горлица сотворена для
любви; ястребъ сотворенъ для хищенія.
И такъ каждая изъ васъ дѣлай что ей
прилично; думай о себѣ безъ гордости,
о другихъ безъ презрѣнія. Разность въ
родѣ вашемъ не почитайте за порокъ,
и если кому либо изъ васъ кажется,
что имѣетъ нѣкоторыя преимущества
предъ другими, благодарите за то Про-
видѣніе. Какое было бы скучное едино-
образіе, если бы всѣ вы имѣли оди-
накой видъ, одинакія дѣла и одинакія
способности! „

Выслушавъ слова сіи, пшцы раз-
лѣшались по всему лѣсу. Геній, подни-
маясь къ облакамъ, кинулъ на меня зна-
чительный взоръ.

Я проснулся и говорилъ: „Могу ли
отъ Кадія требовать гибкости царе-
дворца,

дворца, отъ Имана храбрости воина? отъ торгующаго могу ли превозвать безкорыстія мудреца, отъ мудреца ревности въ дѣлахъ, съ какою искагель почестей прудится? О небесный Геній! ты научилъ Садія. Ученія твои пребудутъ впечатлѣнны въ сердце моемъ, и уста мои возвѣспяшъ ихъ сынамъ человѣческимъ.,,

Разныя мысли.

Человѣкъ говорящій ложь не разсуждаетъ, какому великому пруду онъ подвергается: ибо для подшверженія одной лжи принужденъ будетъ выдумывать еще дваццать.

Нѣкоторые люди ничему выучиваться не могутъ, по той причинѣ, что все слишкомъ скоро понимаютъ.

Многіе обвиняютъ другихъ въ гордости, по тому только, что сами, будучи на ихъ мѣстѣ, были бы горды.

Лжець начинаетъ съ того, чтобъ ложь дѣлать подобною истинѣ; а наконецъ и самой истинѣ даетъ видъ лжи.

Кто проводитъ лѣтнее утро лежа на постелѣ, тотъ лишается лучшей прія-

пріятности дня: такой же потерѣ подвергается и попѣ, кто молодость свою проводитъ въ лѣнности.

Быть злодѣемъ и хвастать симъ свойствомъ, показываетъ купно и худое сердце и худой вкусъ.

Знаніе подобно ршупи, которая въ рукахъ умѣющаго ее употреблять есть одна изъ лучшихъ и полезнѣйшихъ вещей, а въ рукахъ неумѣющаго вещь весьма вредная.

Часто случается, что тѣ люди суть изъ самыхъ лучшихъ, которые болѣе всѣхъ клеветниками поносимы: подобно тому, какъ самые лучшіе плоды шищами бывають расклеваны.

Человѣку никогда бы не надлежало стыдиться признанія въ своихъ ошибкахъ, которое есть не иное что, какъ другими словами сказать, что онъ сегодня спалъ умнѣе, нежели былъ вчера.

Находя въ бѣдномъ человѣкѣ много благодарности, за вѣрное полагаю, что онъ, будучи богатъ, былъ бы столько же щедръ.

Распочитель грабитъ наслѣдниковъ своихъ, сунецъ самого себя.

Реинской водопадъ.

(Изъ описанія одного путешественника.)

— Главная цѣль поѣздки моей сюда были та, чтобъ увидѣть славною Реинской водопадъ при Лауфенъ за полчаса ѣзды отъ Шафгаузена. И такъ въ провожаніи нѣсколькихъ пріятелей оправились мы смотрѣть сего примѣчанія достойнаго зрѣлища.

Ожиданіе мое ни мало не было тамъ обмануто; но вѣроятно, что къ сожалѣнію моему обманется ожиданіе молодыхъ моихъ чинашелей. Ибо не думаете ли вы, что я споялъ тамъ съ біющимъ сердцемъ, дрожащими членами и слезящими глазами; и что такъ же, какъ другіе путешественники, описывавшіе сей великолѣпный водопадъ, въ восхищеніи непрестанно буду кричать: *о! ахъ!* — Если вы такъ думаете, то послушайте жь, что въ самомъ дѣлѣ случилось.

Выѣхавъ изъ Шафгаузена, слышали мы еще издалека шумъ водопада, подобный глухому грому вдали идущей грозы: чѣмъ ближе мы подѣзжали, шумъ увеличивался и ожиданіе мое напрягалось

сильнѣе. Наконецъ взбѣхали мы на одну изъ тѣхъ двухъ горъ, между которыми Рейнъ падаетъ, и великое зрѣлище представилось глазамъ нашимъ.

Великолѣпно! вскричалъ я, выскочилъ изъ коляски, спалъ и довольно долго смотрѣлъ на сію сцену, въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно величественную и прекрасную. Надлежитъ представить себѣ большую рѣку, свергающуюся съ горы сажень на двѣнапцать внизъ. Какой шумъ! какая пѣна! вода бьетъ фонца-нами, ломится вверхъ горами, волнуется и кружится; когдажъ солнце на нее свѣтитъ, какъ прекрасно изображается тогда радуга на пылящемся бѣломъ водяномъ облакѣ! — Великолѣпно! говорилъ я, но біенія сердца и шептанія членовъ не чувствовалъ.

Я смотрѣлъ еще, особенножъ на древнія каменные громады, которыя выставлясь изъ воды, наподобіе башенъ, презирающъ ярость спремлящейся рѣки; обращалъ глаза свои на стремнистую гору, съ которой замокъ Лауфенъ перпендикулярно внизъ на водопадъ смотритъ; смотрѣлъ на проволочную мельницу, стоящую подлѣ самаго водопада на той же самой горѣ, съ которой рѣка льется,

лется, и приводимую въ дѣйствиѣ спре-
мящуюся водою; обозрѣвалъ всѣ гори-
стыя окрестности, отчасти дикія, от-
частижъ усаженныя виноградомъ, и вскри-
чалъ еще: великолѣпно! но все еще не
чувствовалъ ни бѣнія сердца, ни пре-
пешанія членовъ.

По томъ сошли мы съ горы, на
кошорой спояли, ниже водопада; сѣли въ
длинную, но весьма узкую рыбацью лод-
ку, и по вертящейся и волнующейся во-
дѣ, кошорая долго еще послѣ паденія
справиться не можешъ, переѣхали на
другой берегъ. Тамъ, на той же самой
горѣ, на кошорой стоитъ замокъ Лау-
фенъ, сдѣланъ деревянной обрубъ, съ ко-
шораго можно доставать руками до спре-
мящейся рѣки, и гдѣ посѣцающіе се мѣ-
сто обыкновенно высѣкаютъ на камнѣ
имена свои. Изъ пенящейся бѣлой водя-
ной горы, кошорая у подошвы водопада
безпрерывно вверхъ ломится, выскаки-
ваютъ рыбы и щещно селятся плыть
противъ быспроты рѣки. Шумъ воды
шамъ столь громокъ, что собственнѣй
свой голосъ едва слышать можно. — Ве-
ликолѣпно! великолѣпно! вскричалъ я; но
сердце и шумъ еще не билось, а щеки
мои хощя и омочались, однакожъ не сле-

зами чувствительности, но водяною пылью, которая падаетъ на обрубъ, какъ спонкой шуманъ.

Отъ чегожъ происходила такая необычайная умеренность чувствованій? Для чего сей водопадъ не произвелъ и во мнѣ таковажъ движенія, какое многие другіе путешественники описываютъ? Не уже ли сила чувствительности такъ во мнѣ ослабла, что я могу смотрѣть съ флегматическимъ равнодушіемъ на такое великое и прекрасное зрѣлище? Это было бы мнѣ весьма прискорно. Но я, хотя и старъ, могу смотрѣть на покрытую плодами яблонь съ жаркимъ чувствованіемъ мягкосердечнаго юноши, и со слезящими глазами любоваться благословеніемъ Божиимъ, ее покрывающимъ. Да я и не сказалъ, что былъ равнодушенъ, но признавался только, что не чувствовалъ въ себѣ страстнаго восхищенія. Отъ чего жъ это происходило? Отъ одной мысли, которая тогда, можетъ быть и не вовремя, пришла мнѣ въ голову, и которой не могъ уже я забыть.

Мнѣ представилось великое сходство между Реиномъ въ семъ мѣстѣ и молодымъ человекомъ хотя сильнаго, но
 слыш-

блишкомъ высокопарнаго ума, который всегда старается оказывать нѣчто необычайное, странное и удивительное; пренебрегаетъ общіе обычаи и правила благоприспособности; думаетъ, что онъ не можетъ ничего дѣлать иначе, какъ только по сильному внушреннему стремленію, и по тому не способенъ въ общежитіи ни къ какимъ правильнымъ дѣламъ, распредѣляемымъ по времени и мѣсту. Смотрѣть нѣсколько времени на необычайные прыжки шакого быстраго ума, можетъ быть весьма забавно. Я самъ иногда пѣмъ любовался; но никогда не могъ я восхищаться пѣмъ и приходилъ въ себя отъ удивленія.

Точно шаковъ же казался мнѣ Рейнъ въ семъ мѣстѣ. Прыжки, которые онъ тамъ и еще въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ дѣлаетъ, въ самомъ дѣлѣ удивительны и прекрасны. Однакожъ не могъ я удержаться, чтобъ не спросить: къ чему они служатъ? приносятъ ли какуюнибудь пользу роду человѣческому? — Ни малой; они еще преяцствуютъ рѣкѣ въ сей странѣ быть полезною. Еслибъ Рейнъ былъ тамъ не такъ высокопаренъ, еслибъ онъ, такъ же, какъ и другія добрыя рѣки, текъ смирно и

Б 3

поряд-

порядочно, шо могъ бы поднимать грузныя суда, могъ бы споспѣшествовать торговлѣ и промысламъ; продукты обѣихъ Индій, къ удовольствію и пользѣ жишелей сея страны, могли бы доставляемы бышь по водамъ его даже въ Шафгаузенъ и въ Констанцъ. Но въ семъ состояніи, въ какомъ онъ находится, эшо не возможно. Къ чему жъ онъ служилъ? Къ увеселенію зрѣнія праздныхъ людей и къ доставленію матеріи для каршинъ и стихотворческихъ описаній. — Отъ чего жъ сердцу моему бишься? отъ чего печь слезамъ?

П и с ь м о

*сельскаго священника къ Милорду * * **

Милордъ!

Проспите старому вашему другу, котораго иногда осмѣливался дѣлать вамъ увѣщанія, проспите ему, что онъ еще беретъ такую смѣлость. Вы сами подали ему поводъ къ шому. Въ послѣднемъ вашемъ письмѣ пишете вы, что проиграли 2000 фунтовъ стерлинговъ. Эшо извѣстіе прискорбно было сердцу моему:

моему: ибо намъ, сельскимъ жителямъ, 2000 фунт. стер. кажутся весьма важною суммою; и естлибъ я не зналъ васъ корешко, то удивился бы, что вы можете шутя писать о такой потерѣ. Я знаю, что вы господа городскіе почтиваете игру препровожденіемъ времени, или по крайней мѣрѣ небольшою только слабостію. Но я давно уже вашу игру почишаю однимъ изъ самыхъ *тяжкихъ ерѣховъ*, какіе только мнѣ извѣстны. — Простите старому Паспору упребленіе этова слова, которое, какъ я слышалъ, совсѣмъ уже изъ моды вышло. — Чтожъ подаетъ мнѣ причину такъ думать? То, что игра самага честнѣйшаго человѣка можетъ сдѣлать ни къ чему годнымъ.

Я васъ знаю; увѣренъ я, что сердце ваше склонно къ благошворенію, и что вы желаете имѣть добрую славу въ свѣтѣ. Еще въ дѣтствѣ были вы нѣжны и жалосптивы, и я видалъ, какъ вы отдавали бѣдному престарелому человѣку шесть пенсовъ, когда у самихъ васъ не больше восьми въ карманѣ было. Боже мой! какъ же могло спастся, чтобъ вы предались такой спраси, которая современемъ можетъ лишитъ васъ му-

дрѣспи, чести, великодушія, — и даже можешъ довести васъ до худыхъ дѣлъ. — Вы будете смѣяться, Милордъ; вы скажете, что я проповѣдывашъ началъ. Что жъ? всякой свое ремесло опправляетъ; и я надѣюсь, что мое ремесло не постыдно. „Но какъ можешъ игра имѣшь тѣ слѣдствія, которыя я себѣ представляю?“, Поштерпите, Милордъ, я скажу вамъ эпо, и скажу въ немногихъ словахъ, хотя я и старой говорунъ.

Сколько худы общества, посѣщаемыя молодымъ человѣкомъ, въ такой же степени и нравъ его поршился; а я не думаю, Милордъ, чтобъ дома, въ которыхъ карточную игру держашъ, были училища мудрости. Правила, которыя тамъ обнаруживаются; рѣчи, какія тамъ говорятся; видъ самыхъ подлыхъ страстей, корысполюбіе, жестокой гнѣвъ, брань и кляшвы, и проч. — все эпо, кажешся мнѣ, не служилъ способомъ къ наученію молодаго человѣка добродѣтели. Что касается до чести и добраго имени, то, я думаю, всякой удобно согласится со мною въ томъ, что нѣтъ почти никакова характера, который былъ бы хуже характера игрока. Хотя люди и весьма развращены, однакожъ еще ни одинъ

одинъ человѣкъ не пользовался всеобщимъ почетомъ за охоту къ игрѣ.

Вспомните, прошу васъ, (ибо я знаю доброе ваше сердце) какъ иногда желали вы помочь достойному человѣку, помившемуся въ нищету, но не могли, для того только, что вы ночи двѣ передъ тѣмъ въ игрѣ были несчастливы.

Игра поглощаетъ значную часть доходовъ, и какъ долги по картамъ надобно платить прежде всѣхъ другихъ, то изъ этого необходимо слѣдуетъ, что другіе заимодавцы должны бывающъ долге ждать платы. Подлинная цѣна денегъ въ торговлѣ состоитъ въ скоромъ ихъ обращеніи. Если купецъ принужденъ долго ждать денегъ, то либо съ его стороны, либо со стороны должника, непременно происходитъ несправедливость. Либо онъ продаетъ вамъ товары за такую же цѣну, какъ и другому, который платитъ наличныя деньги. Въ такомъ случаѣ вы дѣлаете несправедливость, лишая его надолго принадлежащихъ ему денегъ. Либо купецъ спавитъ вамъ товары свои на счетъ дороже надлежащей цѣны. Въ этомъ случаѣ онъ несправедливо поступаетъ; а вы подаете ему къ тому поводъ. И такъ я думаю,

что все сказанное мною объ игрѣ основательно.

Но я долженъ признаться, что при скорбиѣ всего для меня то, что сія несчастная спрась должна разспроивать такое прекрасное расположеніе духа и сердца, каково ваше, и препяпствовавъ вамъ дѣлавъ сполько добра, сколько бы вы могли. Теперь сполько сдѣлалъ я вычисленіе, сколько добрыхъ дѣлъ въ прошедшій годъ могли бы вы сдѣлавать, но не сдѣлали! Вопъ мой щеть:

*Щеть тому, что Милордъ *** въ 1763 году
могъ бы сдѣлать для благополучія
рода человѣческаго.*

Ф. сп.

За двухъ солдатскихъ дѣшей, ко- рыхъ отецъ, сражавшись храбро, лишился жизни на сраженіи при Минденѣ, отданныхъ учиться ре- меслу,	40
Бѣдному священнику со многочислен- нымъ семействомъ	110
Пяти дѣвушкамъ къ свадьбѣ съ че- спными ремесленниками въ при- даное	100
Десяти мальчикамъ на одежду и на ученье	100
	За

За 14 мальчиковъ и 6 дѣвушекъ, опданныхъ учиться ремесламъ,	200
Четыремъ молодымъ ремесленникамъ на заведеніе хозяйства	150
Бѣднымъ купцамъ заемъ безъ про- центовъ на три года	200
Бѣднымъ офицерскимъ дѣшамъ	250
Достойному дворянину, лишившему- ся по несчастію своего имѣнія,	300
Благородной женщинѣ, которой опецъ отъ игры разорился и ее привелъ въ крайнюю нищету, за годъ	300
На подающія при разныхъ случаяхъ	250

и всего 2000.

Но я опасаясь, что вмѣсто всего этого щещъ вашъ будетъ состоятъ только въ слѣдующей запискѣ:

Въ 1763 году проиграно 2000 ф. ст.

Ахъ, Милордъ! прошу, заклинаю васъ, сравните со вниманіемъ оба сіи щета! Естьлибъ вы имѣли щастіе сдѣлать первой изъ нихъ, какую радость при разсмащиваніи его вливала бы въ васъ та мысль, что вы въ одинъ годъ въ состояніи были, споль многихъ несчастныхъ на всю жизнь ихъ сдѣлать щасщливыми. Но вмѣсто того что
 еспа-

остаётся вамъ, кромѣ печальнаго напоминанія — я не хочу выговорить; пусть вы сами прибавите то, чего я не договаривалъ. — Помыслите оъбъ этомъ хотя одну минушу, естли только вы размышлять можете. Любезной Милордъ! я любилъ васъ всегда, какъ роднаго моего сына; вы дали мнѣ мѣсто мое, и издавна осыпали меня благодѣянiями. Съ радостiю опдалъ бы я все, что у меня ни есть, только бы имѣлъ за то удовольствiе, слышать отовсюду похвалу вашему поведенiю, такъ, какъ уже многiя добрыя ваши дѣла похваляются и славятся. Добрая о васъ слава, Милордъ, есть утѣшенiе сѣдой головы моей! Но когда слышу о васъ чтонибудь худое, оно пронзаетъ мое сердце. Естлибъ вы написали ко мнѣ, что вѣ годъ послѣ сего половину изсбилiя своего употребили вы на благотворенiе, это извѣстiе, какъ я за вѣрное думаю, столько бы меня обрадовало, что вы прибавили бы лѣтъ два или три года къ малому уже остатку жизни

Вашего вѣрнѣйшаго слуги
Филиппа Коверлея.

Дѣйствіе совѣснїи.

Одинъ богатшій Голландской ювелирѣ по дѣламъ своимъ долженъ былъ отправиться въ путешествованіе, взявши съ собою своего слугу. Онъ везъ съ собою нѣкоторыя изъ лучшихъ своихъ вещей и значную сумму денегъ. Слуга зналъ сіе, и какъ господину случилось на дорогѣ сойти съ лошади, то онъ воспользовавшись симъ случаемъ, вынялъ изъ сѣдла писмолетъ и застрѣлилъ его на мѣстѣ; по помѣ обобравъ дорогія вещи и деньги, привязалъ убитому къ шеѣ большой камень и бросилъ тѣло въ каналъ. Убийца уѣхалъ со своею добычею въ небольшой Англійской городъ, гдѣ ни онъ, ни господинъ его, никому не были знакомы. Поселившись тамъ, завелъ онъ сначала самой малой торгъ, дабы не оказашъ вдругъ своего богатства и чрезъ то не обратитъ на себя вниманія. Современемъ увеличивалъ онъ свой торгъ мало по малу, и болѣе приходилъ въ славу. Щастіе его казалось слѣдствіемъ и награжденіемъ его трудолюбія и честности; ибо онъ столько умѣлъ притвориться честнымъ человекомъ, что нажилъ значный кредитъ и вступилъ чрезъ женидбу

женидбу въ свойство съ хорошею фамилією. Оказывая мало по малу при случаяхъ свое богатство и обходясь со всякимъ ласково, получилъ онъ участіе въ городскомъ правленіи; доходилъ отъ одного чина до другаго, и наконецъ избранъ былъ Главнымъ Судьею. Во всѣхъ сихъ чинахъ онъ опправлялъ должности свои съ похвалою и заслуживалъ славу. Но въ одинъ день, когда сидѣлъ онъ въ судѣ со своими товарищами, представленъ имъ былъ преступникъ, на котораго доносили, что онъ убилъ своего господина. Выслушаны были свидѣтели; двѣнашцать присяжныхъ судей признали преступника виновнымъ, и все собраніе ожидало рѣшительнаго приговора отъ Главнаго Судьи. Между тѣмъ онъ казался бытъ въ чрезвычайномъ безпокойствѣ; часто перемѣнялся въ лицѣ; а напослѣдокъ сошелъ со своего мѣста, спалъ подлѣ преступника и къ великому удивленію всѣхъ присутствовавшихъ шамъ, говорилъ судьямъ слѣдующее: „Государи мои! вы видите предъ собою достопамятный примѣръ праведнаго мщенія Небесъ. Сей день представляетъ вамъ злодѣя, скрывавшагося шрипцать лѣтъ, который гораздо виновнѣе сего обвиненнаго

наго вами пресупника,, По помѣ на-
чалъ онѣ подробно разсказывать обстоя-
тельствва своей жизни, признался въ
своей винѣ и неблагодарности къ своему
господину, который извлекши его изъ
крайней бѣдности, имѣлъ къ нему совер-
шенную довѣренность; онѣ открылъ спо-
собы, которыми дошолѣ укрывался отѣ
правосудія, и какѣ притворствомѣ сво-
имѣ умѣлъ обманывать людей и вну-
шать доброе о себѣ мнѣніе. „Но какѣ
скоро, продолжалъ онѣ, сей несчастный
былъ намѣ предсавленѣ, одинакія обстоя-
тельствва преступленія, въ которомѣ
его обвиняли, предсавили мнѣ мою вину
во всей ея мерзости; совѣсть моя про-
будилась, и злодѣяніе мое полъ гнусно
мнѣ показалось, что не могѣ я сдѣлать
приговорѣ равному мнѣ злодѣю, не обли-
чивѣ и самого себя. Я прошу Правосу-
діе наказать и меня, за сдѣланное мною
усійство, публично и со всею строгостію.
Иначе не могу освободиться отѣ мученія
совѣсти. Объявляю предѣ вездѣсущимѣ
Богомѣ, великимѣ свидѣтелемѣ и судію
моего преступленія, и предѣ всѣми ва-
ми, бывшими свидѣтелями притворства
моего, объявляю, что я пресупникѣ,
и требую, чтобы меня, какѣ злодѣя, при-
знав-

знавшася въ своемъ преступленіи, казнили смертію.,, Удобно представивъ себѣ изумленіе всѣхъ присутствовавшихъ, особливожъ бывшихъ его товарищей. — Онъ былъ осужденъ, и лишился жизни со всѣми знаками раскаянія.

Достопамятный примѣръ дѣйствія совѣсти и спрашнаго правосудія Божія въ обличеніи хладнокровнаго и хитраго злодѣя; полъ долго скривавшагося!

Неравные братья.

Испанская повѣсть.

Баронесса Валешпо была женщина соединявшая въ себѣ пороки обоихъ половъ, не имѣя добродѣтелей ни копрогаго. Еще съ самаго младенчества вкоренились въ ней ужасныя правила Испанской гордости. Походка ея показывала спѣсь; взоръ насмѣшливой; все въ ней изъявляло душу находящую удовольствіе въ томъ, чѣмъ давать другимъ почувствовать преимущества свои предъ ними. Она рѣдко говорила; когдажъ говорила, въ рѣчахъ ея обнаруживалась несносная надмѣнность. Однако вспоминая иногда о своемъ родѣ, проливала она горькія слезы, и при имени отца своего пошупляла глаза отъ стыда. Алфонсъ, отецъ ея, былъ камердинеромъ у одного знатнаго и весьма сильнаго при Дворѣ господина, сдѣлался сперва повѣреннымъ его, а наконецъ и равнымъ ему. Многими хитростями умѣлъ онъ дойти до того, что люди, которые за нѣсколько лѣтъ и чрезъ плечо посмотришь на него не хотѣли, искали его покровительства. Въ короткое время накопилъ онъ столько богатства, что въ сословіи былъ

Часть XX. No. 42. В наку-

накупить себѣ шипуловѣ, деревень и лспецовѣ. Но тщетно онѣ старался пышностію своею привести въ забвеніе низкое его произхожденіе; и для того рѣшился оставить Мадридѣ и Дворѣ, и переѣхалѣ жить въ свои деревни при границахѣ Капалоніи.

Онѣ имѣлѣ дочь, копорой далѣ шипулѣ Баронессы. Она воспитана была подѣ его надзираніемѣ и прежде всего научена гордо попирашь ногами всѣхѣ низкаго рода и состоянія людей. Алфонсѣ подражалѣ во всемѣ Испанскимѣ Грандамѣ и перенималѣ всякіе ихѣ пороки. Онѣ не называлѣ дочери своей сѣ самаго нѣжнѣйшаго ея дѣшства иначе, какѣ *Мадамѣ*. Но вскорѣ смерть сдѣлала конецѣ всей его пышности. Умирая, самѣ онѣ учредилѣ для себя погребательную церемонію. Множество дворянства и простаго народу, провожавшіе шѣло его, печальные каншаты, надгробныя рѣчи, все возвѣщало, что знашной человекѣ въ шѣсномѣ гробѣ заключается; но ни одной слезы не пролито было при погребеніи. Баронесса почишала за непристойное своему состоянію много печалиться; а какѣ сказали ей, что шраурное
плашье

плащѣ весьма ей пристало, по она и совершенно утѣшилась.

Гордость и тщеславіе были единственною ея спрассію. Она не имѣла ни малѣйшаго чувствованія любви и нѣжности, копорымъ могла бы когда нибудь достойнаго супруга сдѣлать щасливымъ. Ея намѣреніе клонилось къ тому, чшобъ выйши за такога человѣка, копорого знатный родъ могъ бы прикрышь низость ея произхожденія, и выѣоръ ея палъ на Графа Лозинго. Начало сея Графской фамиліи перялось въ опдаленной древности. Многіе изъ предковъ Графа служили правою рукою своимъ Государямъ и подпорою престолу; но дѣдъ его первой привелъ славную сію фамилію въ упадокъ нѣкоторымъ проступкомъ. Тщешно опецъ его жертвовалъ всѣмъ своимъ имѣніемъ, домогавшись снова открышь себѣ путь ко Двору: спаранія его были безуспѣшны, и при смерти не оставилъ онъ сыну своему ничего, кромѣ славнаго имени и одной деревни, съ кошорой доходовъ едва доставало на содержаніе умѣренному человѣку.

Лозинго опъ природы склоненъ былъ къ меланхоліи и весьма любилъ уединеніе. Его можно было бы почищать филосо-

фомъ, еспьлибъ добродѣшель его не имѣла суроваго и угрюмага виду. Онъ думалъ, что человекѣки не заслуживаютъ того, чтобъ жертвоватъ имъ дарованіями, которыхъ цѣны они не познаютъ. Бѣдной Графъ! онъ не имѣлъ еще столь великаго духа, чтобъ чувствоватъ, сколь хорошо служить даже и неблагодарнымъ!

Самъ Графъ никогда бы не вздумалъ жениться на Баронессѣ; но фамилія его, особливожъ дядя, Маркизъ Позилла, старались уговорить его къ тому, и представляли сію женидбу способомъ къ возобновленію пышности ихъ дому. Онъ склонился. Маркизъ взялъ на себя сдѣлать предложеніе Баронессѣ, и хошя сперва принятъ былъ съ великою холодностію, но мало по малу Баронесса уменьшила свою надмѣнность, и Графъ получилъ позволеніе явиться къ ней. Первой ихъ разговоръ былъ весьма кладнокровенъ и сухъ; пышныя слова безъ чувствованія. „Я люблю васъ,“ въ сихъ словахъ состоялъ весь ея опвѣтъ на пылкія изъясненія Графа; и сіи слова произнесены были такимъ тономъ, какъ бы она хотѣла сказать: „я вамъ приказываю,“ Лозинго жалѣлъ о своемъ намѣре-

мѣреніи, но поздно; онѣ уже не могѣ оставишь онаго.

Хитрая Баронесса претбовала, чтобѣ Графѣ продалѣ свою деревню и упопретбилѣ деньги на брачное празднество. Онѣ принужденѣ былѣ принести упрямству шпрогой своей повелишельницы сію шяжкую жершву. Деревня была продана, и бракосочетаніе вскорѣ совершилось съ шакою пышностію, копорая могла и вѣ самыхѣ богатѣйшихѣ людяхѣ вѣ государствѣ возбудишь зависть. Балы, шурниры и разныя зрѣлища продолжались цѣлой мѣсяцѣ вѣ замкѣ новобрачныхѣ. Баронесса, почитая щедрость за пристойное высокому своему состоянію, раздавала поселянамѣ богатые подарки. Но гордость ея всѣ сіи благодѣянія ядомѣ заражала! Тяжко принимашь дары отѣ шакой руки, копорая для шого только раскрывается, чшобѣ зашавишь насѣ почувствовашь слабость нашу и зависимость.

Графѣ Лозинго, учившись долго шрудному искусству бышь шчастливымѣ, а гко усмотрѣлѣ напередѣ, что совершенная прошивность свойствѣ его и шупруги его будущѣ для обоихѣ ихѣ неизчерпаемымѣ испочникомѣ неудовольствія. Однако онѣ

скрывалъ. сіе опасеніе отъ своей фамиліи; спарался даже скрыватьъ оное отъ себя самого и увѣрялъ себя, что предвидѣнное имъ не сбудется. Онъ дѣлалъ еще болѣе: не хотѣлъ видѣть пороковъ супруги своей, и спарался выискиватьъ въ ней только любви достойныя качества. Цѣлой годъ сносилъ онъ смертельную скуку, терпѣлъ молчаливо самыя огорчительнѣйшіе знаки гордости и презрѣнія, и не ропталъ ни однажды.

Сія философская твердость возбуждала только новую досаду въ сердцѣ Графини. Хладнокровіе его совсѣмъ не входило въ ея планъ. Она для того только унизи- лась и вышла за бѣднаго дворянина, чтобъ называться *Сіятельнѣйшею Графинею*: сей титулъ щекоталъ ея гордость. Но какъ скоро привыкъ слухъ ея къ сему лестно- му тону, начала спараться освободить себя отъ такого мужа, котораго Спони- ческая независимость ни мало не согла- совалась съ ея властолюбіемъ. Она употребляла всякія хитрости, чтобъ наноситьъ ему досаду и оскорбленіе, чрезъ то зажечь раздоръ въ фамиліи, и въ сихъ безпокойствахъ произвеспи тайный планъ свой въ дѣйство.

Наконецъ ей удалось, и Графъ принужденъ былъ открытъ свое неудовольствіе. Сначала говорилъ онъ съ великою кропосшію; но жестокія укоризны, которыми она его бсыпала, разрушили его равнодушіе. Произошла между ими жестокая ссора, и весь домъ приведенъ былъ въ смяшеніе. Всѣ шѣ, кого подлое корысполюбіе привязывало къ Графинѣ, приняли ея сторону и клялись въ вѣчной ненависти къ Графу. Оставленъ друзьями, неблагодарною женою ненавидимъ, презираемъ домашними, онъ оставался почти одинъ, безъ всякаго утѣшенія, кромѣ своей добродѣтели.

Графиня поѣхала въ В**, и требовала защиты законовъ, какъ супруга приптѣсняемая неблагодарнѣйшимъ изъ всѣхъ людей. Щедрость придала сугубую силу ея краснорѣчію, и подкупленные судьи сдѣлали приговоръ о разводѣ. Графъ оправдалъ невинность свою въ сочиненіи, которое онъ издалъ въ публику. Слѣдствіемъ сего было то, что Графиня уговорила одного своего родственника, вызвать его на поединокъ. Графъ вышелъ и имѣлъ щастіе — или нещастіе, заколотъ своего соперника: Опасаясь новыхъ гоненій какъ отъ правосудія, такъ

и отъ жены своей, спѣшилъ онъ удалиться изъ опечеснва, взявъ съ собою одного только вѣрнаго слугу, и нѣсколько лѣтъ совсѣмъ неизвѣстно было, куда онъ скрылся.

Прискорбно было Графу оставить опечеснво, но еще чувствительнѣе, лишиться дѣтей. Два сына были плодъ сего несчастливаго брака. Они были двойни; но ни въ лицѣ, ни въ характерѣ ихъ, не видно было ни одной черты сходства, которое обыкновенно Натура въ двойняхъ наблюдаетъ. Одинъ изъ нихъ былъ живой образъ несчастнаго Графа Лозинго; а другой совершенно походилъ на гордую мать свою. Первой еще въ младенчествѣ любимъ былъ всѣми, кто только зналъ его; въ самыхъ дѣтскихъ играхъ оказывалъ онъ знаки доброй души, привлекавшіе сердца. Онъ любилъ правду, еще не знавъ ее, и одна только пѣнь жи покрывала уже лице его любви достойною краскою стыдливости. Ласковъ будучи ко всякому, находилъ онъ удовольствіе въ томъ, чтобъ забывая значность свою, быть съ несчастными. Графиня вздыхала о томъ, почиая сіе благородное, достойное человека расположеніе сердца склонностію къ

кѢ подлости. „НѣшѢ, говорила она, эшто дия не будешѢ никогда достойно своей матери! ЧѣмѢ онѢ спарѣ спановишся, шѣмѢ болѣе удаляется отѢ природнаго своего благородства. О небо! что изѢ него будешѢ? „

Другой братѢ несравненно лучше соотвѣшсвовалѢ чеспособивымѢ намѣреніямѢ своей матери. ОнѢ оказывалѢ уже гордое презрѣніе приспавленнымѢ смотрѣшѢ за нимѢ вѢ дѣшсвѣ, и какѢ бы дѣлалѢ имѢ великую милость, когда выслушивалѢ, что они говорили. Мать его радовалась, видя вѢ немѢ свой образѢ; одного только его ласкала; вспылчивость его почитала живостью; гордость его называла величствомѢ души. Она дала ему шишулѢ Маркиза Вилledo, и весьма рано учила лепешать слова: *мон помѣстья, мой экипажѢ, мои люди*, и пр. Она хотѣла научишѢ тому же и маленькаго Барона Аццелло (такѢ названѢ былѢ первой ея сынѢ); но онѢ опвѣчалѢ сѢ любезною невинностью: „Мапушка, могу ли я говоришѢ: *мон помѣстья?* У меня нѣшѢ ничего своего. Все, что есть у меня, ваше. Я и жизнь свою не могу назвашѢ *моєю*; В 5 знаю,

знаю, что и ее отъ васъ же я получилъ.,,

Какая подлая душа! вскричала Графиня; и съ того времени смотрѣла она на своего сына съ презрѣніемъ, которое весьма мало ошличалось отъ ненависти. Она не хотѣла держать его при себѣ, и сослала въ другой замокъ за нѣсколькими милями. Съ нимъ опущено было множество слугъ и Гофмейстеръ, который имѣлъ всѣ способности, потребныя для сего важнаго званія.

Плашено, такъ назывался сей Гофмейстеръ, былъ мудрый человекъ, не имѣвшій ни надмѣнности, ни смѣшной суешности педанта, ни мизантропской угрюмости; съ великою опытною соединялъ онъ глубокое знаніе сердца человеческого. Онъ происходилъ отъ знатнаго рода; но былъ игрищемъ счастья; испыталъ и суровость бѣдности и пріятности блистательнаго благополучія. Онъ былъ великъ безъ гордости, и несчастенъ безъ малодушія. Всегда будучи одинаковъ, казалось, принималъ онъ благосклонность судьбы только въ угодность другимъ, и умѣлъ выдерживать ея гоненіе. Сія твердость тѣмъ паче достойна была почтенія, что кромѣ собствен-

собственной совѣсти, добродѣшель его не имѣла свидѣтелей.

Таковъ былъ надзиратель, выбранный Графинею для своего сына. Одна только гордость склонила ее къ сему выбору. Она слышала, что Плашено происходилъ отъ знатной фамиліи, которая нѣкогда была въ славѣ, и самъ игралъ важную роль въ свѣшѣ. Ея тщеславію лестно было имѣть въ числѣ служителей своихъ такого человѣка; и одна сія мысль все рѣшила.

Плашено удалился съ питомцомъ своимъ въ назначенное ему уединеніе. То былъ старинной, давно уже оставленный замокъ, который Графиня никогда не удостоивала своего присутствія. Положеніе онаго вселяло ужасъ. Спращныя башни, глубокіе рвы, древніе монуменсы гражданскихъ междуусобій, дѣлали его весьма печальнымъ жилищемъ. Но и самое мрачнѣйшее жилище превращается во храмъ щастія, когда мудрымъ человѣкомъ обитаетъ.

Молодой Баронъ не ропсалъ ни одной минушы на мать свою за то, что она осудила его проводить весну жизни своея въ полѣ грустномъ мѣстѣ. Онъ имѣлъ врожденную пихую меланхолію,

копо-

кошорая еще вѣ первыя лѣта всѣ шумныя веселости дѣлала ему непріятными, и придавала тѣмъ новую прелесть дѣтскому его возрасту. Онѣ почиталъ Плашено вторымъ отцомъ, называлъ его шакъ, и произносилъ сіе имя шоль нѣжно, что сей чувствительный человекъ часто обнималъ его и окроплялъ слезами.

Плашено имѣлъ отъ природы рѣдкое дарованіе *образовать человека*. Рачительно посѣвалъ онѣ вѣ сердцѣ своего питомца драгоценное сѣмя добродѣтели, и старался всѣ склонности его, вѣ то время еще неутвердившіяся, усмирить къ добру. Онѣ украсилъ духъ его всѣми науками, ведущими насъ къ *истинному и полезному*. Однако онѣ не ошягощалъ слабый еще разумъ его излишними знаніями, которыя бывають шолько предметомъ бесполезнаго любопытства и часто источникомъ смѣшной гордости. Заблаговременно пріучалъ онѣ его сохранять вѣ сердцѣ своемъ равновѣсіе страстей, вѣ кошоромъ состоить щастіе мудраго человека. Онѣ училъ его судить справедливо о людяхъ и вещахъ; увѣрилъ его, что человекъ, поставляющій во всемъ цѣлю шолько самого себя,

испин-

истиннаго щастія имѣшь не можешь, и что оно состоитъ единственно въ томъ, чтобъ другихъ щастливыми дѣлать.

Такимъ образомъ прошло нѣсколько лѣтъ, и во все сіе время Графиня шолько однажды освѣдомлялась о своемъ сынѣ. Но такое небреженіе было еще весьма малое зло для него въ сравненіи съ тѣмъ, что ему непосредственно предшяло.

По естественному влеченію человѣчества, молодой Баронъ часто посѣщалъ самыхъ бѣднѣйшихъ поселянъ въ ихъ хижинахъ; разговаривалъ съ ними охотно и много, и представлялъ имъ, сколь они щастливы, будучи бѣдны, но честны. Его присутствіе возвращало спокойствіе и радость въ самомъ жилищѣ печали, и бѣдный не стыдился уже своего состоянія, видя, что молодой господинъ и его не пренебрегаетъ. Въ одинъ день Графиня застала сына своего въ семъ благородномъ упражненіи. Онъ осушалъ слезы крестьянскаго мальчика, котораго безвременная смерть лишила матери, единственной опоры несчастнаго семейства. Въ ту самую минуту пріѣхала Графиня въ великолѣпной каретѣ. Воздухъ наполнился пылью и шумомъ. Она увидѣла

увидѣла сына своего окруженнаго полпою бѣдныхъ мужиковъ; (какое зрѣлище для сея гордой женщины!) бросила на него спрашный взоръ, исполненный гнѣва и презрѣнія; пошла въ замокъ, и первой предметъ, встрѣпившійся ей шамъ, былъ мудрый Плашено.

Что вы сдѣлали изъ моего сына? говорила она грознымъ голосомъ: знаете ли вы, гдѣ я его нашла? — Знаю, милоспивая государыня, ошвѣстповалъ Гофмейстеръ: я и самъ пошелъ бы съ нимъ; но мнѣ хотѣлось дать ему одному наслаждаться удовольствіемъ великодушнаго дѣла. — Какъ! перервала рѣчь его Графиня, такія-то правила вы ему преподаете? Такія ли поступки приличны высокому соспоянію, въ которомъ онъ рожденъ? Сынъ Графини Лозинго забываетъ въ крестьянскихъ избахъ свое имя и соспояніе, обращается съ подлыми шварями, да еще и почишаетъ подлоспъ свою за добродѣпель! Подите, государь мой! убѣгайте моего присупспвія, и никогда на глаза мнѣ не кажите!

Тогда вошелъ молодой Баронъ. Сердце его лѣшѣло къ матери; но какъ ужаснулся онъ, увидя ее въ такомъ гнѣвѣ, и встрѣченъ будучи жесточайшими уко-

ризна-

ризнами! „Нѣтъ, говорила она: я обманула; никогда не носила я тебя подъ своимъ сердцемъ; не признаю крови, текущей въ твоихъ жилахъ, мою; недостойный сынъ!„ — Успрашенный Баронъ упалъ къ ногамъ ея, окроплялъ ихъ слезами, и просилъ ее сказать, въ чемъ преступленіе его состояло? Она оттолкнула его отъ себя съ величайшимъ презрѣніемъ, и при томъ сказала ему, что онъ навсегда разлученъ будетъ съ добродѣтельнымъ своимъ Плашено.

О, небо! вскричалъ онъ: удаливъ меня отъ себя, лишивъ меня родителя моего, когда я не могъ еще чувствовать нѣжной его ласки, вы хотите лишить меня и друга отца моего! Ктожъ будетъ указывать мнѣ путь добродѣтели? Оставшись одинъ, я буду впадать изъ заблужденія въ заблужденіе. Ахъ, милоспивая государыня! (имя матери вамъ ненавистно) избавьте самое себя отъ мучительнаго раскаянія; избавьте себя отъ укоризнъ, копорыя вы сами себѣ спали бы дѣлать, когда бы порокъ или заблужденіе евергли меня въ бездну погибели.

Нѣтъ, отвѣчала Графиня, я не намѣрена оставить тебя одного. Я хочу
истре-

истребишь всѣ правила подлаго воспитанія, вкорененныя въ тебя, естли по уже не поздно. Я хочу извлечь тебя изъ пины, въ кошую Плашено тебя ввергнулъ, и научишь чувствовать, кто ты. Подъ надзираніемъ новаго Гофмейстера, кошораго я для тебя выбрала, ты сдѣлаешься совсѣмъ другимъ человекомъ.

При сихъ словахъ Графиня указала на одного педанша, бывшаго въ ея свитѣ; она кинула на него милоспивый взоръ, и сказала ему, что онъ одинъ достоинъ быть воспитателемъ знашнаго молодаго господина. Педаншъ принялъ новаго своего питомца съ такимъ видомъ, въ кошоромъ изображалось спранное смѣшеніе гордости съ подлостію.

Нещасному Плашену шутъ же отказано было опъ прежней его должности. Нѣжный воспитанникъ бросился въ его объятія, и оба не могли ничего выговорить, кромѣ нѣсколька словъ, перерываемыхъ слезами и вздохами.

(Продолженіе будетъ впрядь.)

(Продолженіе повѣсти, начатой въ предъ-
идущемъ листѣ.)

Тщешно вы его у меня опниваете, вскричалъ молодой Баронъ швердымъ мужественнымъ голосомъ: сердце мое всюду за нимъ послѣдуетъ. Вамъ, сударыня, обязанъ я жизнью, но ему добродѣтелию. Ваша немилость перзааетъ мое сердце; но я всегда буду любить и васъ и его, хотя бы вы весь свой гнѣвъ на меня испостили.

Графиня, еще болѣе симъ раздраженная, ушла не сказавъ ни слова, сблв въ карету, и оставила опечаленнаго своего сына съ новымъ его наставникомъ.

Молодой Баронъ скоро изнемогъ подъ бременемъ грызущей досады и мучительной скуки, живучи съ грубымъ и гордымъ педантомъ, котораго не могъ онъ не презирать. Уединеніе, прежде любимое, стало ему ненавистно; онъ искалъ въ сосѣдствѣ какого нибудь пріятнаго сообщества, которое замѣнило бы ему нѣсколько потерю друга его, и нашелъ оное.

Между замкомъ Графини и сына ея, въ небольшой деревнѣ жилъ одинъ дворянинъ, который прежде имѣлъ весьма

Часть XX. Но. 43. Г знач-

знашную гражданскую должность. Голосъ его долго былъ оракуломъ правосудія, страхомъ порока и надеждою невинности. Но по несчастію, ошибаться есть жребій человѣчества! Нѣкоторой знашной и богатой фамиліи нанесено было приговоромъ его великое безчестіе и разореніе. Онъ обольщенъ былъ краснорѣчіемъ одного адвоката, употребившаго дарованія свои за деньги къ неправдѣ и обману. По томъ усмопрѣлъ онъ свою ошибку, но уже поздно: бездѣльникъ, обогатившійся на щепѣ невинности, получилъ несправедливое пріобрѣтеніе, выѣхалъ изъ Государства. Несчастный судья проливалъ слезы; добровольно сложилъ съ себя судейское достоинство, думая, что несправедливымъ приговоромъ нарушилъ его святость; признался публично въ своей ошибкѣ, и возвратилъ чрезъ то несчастной фамиліи *чистъ* ея, драгоцѣннѣйшее сокровище, кошораго она лишалась. Онъ сдѣлалъ еще болѣе: пожертвовалъ почти всѣмъ своимъ имѣніемъ; заплашилъ обвиненной несправедливо фамиліи ея убытокъ; по томъ удалился въ сію деревню, съ которою весьма умѣренный доходъ составлялъ все его богатство.

Почте-

Почтеніе согражданъ и чувствованіе своей добродѣтели провождали его въ сіе уединеніе. Онъ жилъ шамъ нѣсколько лѣтъ, будучи уважаемъ и любимъ поселянами и забытъ ложными своими друзьями. Главнымъ его попеченіемъ было воспитаніе дочери, копорая называлась Аканшою. Она достигла погѣ опаснаго возраста, въ копоромъ сердце и чувствованіямъ добродѣтели и движеніямъ, спрасстей равно опверсто. Однакожъ опъ природы имѣла она щаспливѣйшее расположеніе къ добру; скромный и веселый видъ ея служилъ зеркаломъ ея душѣ; огонь, блиставшій въ ея глазахъ, шихая невинность, умѣрившая сей огонь, изъявляли доброту ея сердца.

Необычайная испорія сего благороднаго челоука извѣсна была молодому Барону. Давно желалъ онъ познакомиться съ симъ доспойнымъ мужемъ и оказать ему свое почтеніе. Жестокая гроза, заспигшая его въ прогулкѣ, была щаспливымъ случаемъ къ тому, что онъ осмѣлился войти въ домъ къ Панемону (пакъ назывался почтенный спарецъ). Панемонъ принялъ его весьма ласково, просилъ оспашься у него дошолъ, пока гроза совсѣмъ пройдетъ, и

разговаривалъ съ опшмѣнною пріятностію. Но еще несравненно пріятнѣйшее чувствованіе разлилось въ сердцѣ Барона, когда онъ увидѣлъ Аканшу. Нѣжной взоръ его, румянецъ, ея щеки покрывшій, и пошупленные глаза, ясно сказывали, что происходило въ сердцахъ ихъ обоихъ. Между шѣмъ гроза прошла, хотя молодой Баронъ желалъ бы, чтобъ она еще продолжалась. Онъ простился, и при прощаніи общалъ Панемону, вскорѣ посѣтитъ его въ другой разъ.

Не долго откладывалъ онъ случай избавишься отъ скучнаго присмотра своего надзирашеля, и спѣшилъ туда, куда сердце его вело. Панемонъ любилъ охоту и часто уѣзжалъ въ лѣсѣ весьма рано поутру; по чему Баронъ скоро имѣлъ удовольствіе найти Аканшу одну. Онъ открылъ ей любовь свою; примѣтилъ, что и Аканша его не ненавидѣла; но она не хотѣла ничего общать ему безъ согласія отца своего. Баронъ ни мало не сомнѣвался въ семъ согласіи, и въ надеждѣ почиталъ себя щасливѣйшимъ изъ смертныхъ.

Но на другой день обстоятельство совсѣмъ переменились. Слуга принесъ ему слѣдующее письмо, которое онъ раз-

развернулъ съ восхищеніемъ, но чипалъ съ препеномъ:

„Я догадывалась уже, что вчерашній нашъ разговоръ не будетъ имѣть добрыхъ слѣдствій; однако есть еще время загладить нашу глупость. Батюшка мой приказываетъ мнѣ навсегда попустить любовь къ вамъ и оставить всю тщешную надежду. Причины его справедливы; и если мое благополучіе и добродѣшель моя подлинно для васъ дороги, то постарайтесь, чтобы я никогда васъ не видала. Помогите мнѣ одержать трудную побѣду надъ собою: это сдѣлаетъ васъ достойнымъ моего почтенія.

А канша.,,

Молодой Баронъ едва могъ повѣрить глазамъ своимъ. Трепеща прочитывалъ онъ письмо нѣсколько разъ, и оставался особенно при словахъ: *причины его справедливы*. „Какъ! вскричалъ онъ съ горестію, Аканша сама соглашается меня лишиться? Она оправдываетъ мнѣніе отца своего? Какими причинами можно опорочить любовь, на добродѣтели основанную? И я самъ долженъ помогать ей забыть меня? и дол-

женѣ не видашься болѣе съ нею? —
Нѣтъ, я хочу услышать эпитѣ при-
говорѣ изѣ уснѣ ея!,,

Немедленно пошелѣ онѣ къ Панемону,
и отккрылѣ ему свое сердце. Панемонѣ
принялѣ его съ великою нѣжностію и
дружбою, и увѣрялѣ его вѣ своей любви.
„Однако, продолжалѣ онѣ, вы знаете, вы
видите, что нынѣшній жребій мой естѣ
недостатокѣ и неизвѣстность. Напро-
тивѣ того вамѣ происхожденіе ваше от-
крываетѣ самыя блистательнѣйшіе виды
вѣ свѣтѣ. Вы богаты; а люди почти
одно только богатство за достоинство
почитаютѣ. Естѣлибѣ вы вѣ своемѣ
соспояніи захопѣли женишься на бѣдной
нещастливой дѣвушкѣ, всѣ назвали бы
то слабостію. Раздраженная ваша фа-
милія пропивилась бы тому, и вы ни-
когда не получили бы ея согласія на
такой союзѣ. Самая добродѣтель обя-
зываетѣ васѣ пожертвовать своимѣ ща-
стіемѣ намѣреніямѣ вашей фамиліи. И
такѣ научитесь преодолевать себя, и
забудьте несчастную дочь мою.

Молодой Баронѣ, выслушавѣ съ горе-
стію всѣ сіи убѣжденія, заклиналѣ Пана-
мона, чтобѣ онѣ позволилѣ ему по край-
ней мѣрѣ дошолѣ питать нѣкоторую
надежду,

надежду, пока онъ посовѣтуется со своею фамилією. „Я соглашаюсь на это, сказалъ Панемонъ, посмотривъ на него съ сожалѣніемъ: но берегитесь, чтобъ эта отсрочка не послужила къ вашему несчастію. „

Въ то время, какъ все сіе происходило, Маркизъ Вилledo также распался съ нѣжною своею матерью и вѣдиль въ Мадридъ. Онъ перенялъ тамъ всѣ модныя глупости и пороки. Душа его заразилась опасными правилами большаго свѣта. Онъ зналъ уже, что свѣтскому человѣку должно въ одно время обманывать честную женщину, и самому даваться въ обманъ непогрѣбной. Съ сими правилами возвратился онъ домой къ Графинѣ, и одно изъ первыхъ его поведеній было сыскасть какой нибудь предметъ подлому своему сластолюбію.

Въ одинъ день былъ онъ съ нѣкоплыми своими пріятелями на охотѣ, и олень, за копорымъ они съ жаромъ гнались, завелъ ихъ въ Панемонову деревню. Аканша съ пріятельницею прогуливалась тогда въ аллеѣ. „Какой Ангелъ! сказалъ Маркизъ одному изъ своихъ пріятелей: признайся, что глаза твои ничего прекраснѣе не ви-

дѣлали.,, — „Прекрасная Нимфа, продолжалъ онъ оборотясь къ ней, позвольте познакомиться съ вами. Эша обѣдная деревнишка васъ не достойна. Оставьте эту пустыню, и поѣдемъ въ Мадридъ, гдѣ радость и восхищеніе васъ ожидаютъ.,,

Въ эпомѣ уединеніи я нахожу удовольствіе, отвѣчала Аканша съ оскорбленною благородною гордостью: оно для меня храмъ добродѣтели; и я не думала, чтобъ безстыдство могло когда нибудь отважиться нарушить его святость.

Поѣдемъ! вскричалъ Маркизу пріятель его: что ты хочешь дѣлать съ эшою романическою героинею? Олень уже далеко; мы можемъ потерять его, ешьли съ нею здѣсь промедлимъ.

Маркизъ поѣхалъ съ нимъ, но пропивъ воли. Онъ опскавалъ мало по малу отъ охотниковъ, и между тѣмъ, какъ они гнались за оленемъ, онъ, не будучи ни къмъ примѣченъ, возвратился къ Аканшѣ, сошелъ съ лошади, и повторялъ первое свое изъясненіе со всѣмъ краснорѣчіемъ, къ какому только онъ былъ способенъ. Однако онъ принявъ былъ еще хуже, нежели въ первой разѣ, и оставилъ Аканшу. Оскорбленная гордостью

доспѣ и мщеніе волновались въ его сердцѣ.

Едва только Маркизъ пріѣхалъ домой, какъ Графиня вошла въ его комнату въ великомъ гнѣвѣ. „А! сынъ мой, вскричала она, одинъ мой любезной сынъ! ушѣшь меня; братъ швой нанесъ намъ ужасное посрамленіе. Прочитай поносное письмо, которое онъ ко мнѣ писалъ; вошѣ оно. Онъ сполько дерзокъ, что осмѣлился просить меня, чтооъ я позволяла ему жениться на дочери чловѣка безъ имени и безъ имѣнія. Достойный пестъ, котораго онъ сеоъ выбралъ, называется Панемономъ. Еспьли не ошибаюсь я въ своей догадкѣ, то онъ предупредилъ мой опказъ, и шайной союзъ соединилъ уже его съ недостойною его любезною. Я не хочу теоъ ничего больше сказапъ: эпо письмо покажетъ теоъ, чего должность чести отъ тебя преуетъ. Спроси у своего сердца: узнаешь ли ты въ крови Барона Асцелло свою кровь?

Маркизъ, принимая участіе въ ярости своей матери, читалъ слѣдующее:

„Милоспивая государыня,

„Судьба не согласна съ вашими на-
„мѣреніями въ разсужденіи меня. Я люб-
„лю дѣвицу, которой добродѣшель не-
„сравненно драгоценнѣе всякаго богатства
„и знатнаго роду. Она дочь великодуш-
„наго Панемона, которому исторія его
„приноситъ болѣе чести, нежели самое
„древнее поколѣніе. Оба они согласны
„сдѣлать меня щасливымъ. Я прошу и
„вашего соизволенія на то; но легко мо-
„гу предвидѣть, что получу отказъ. Вы
„можете сдѣлать меня несчастнымъ; од-
„нако не въ вашей власти опяять сердце
„мое у добродѣтельной Аканты.„

А! вскричалъ Маркизъ, я нахожу въ
немъ ненавистнаго соперника! Такъ вся
эша пришворная добродѣшель, которую
и въ самомъ дѣлѣ я почелъ было за ве-
ликость души, не иное что, какъ лю-
бовь къ другому; и любовь къ брату
моему! Я разрываю союзъ родства. Все
меня къ тому побуждаетъ. Сегодняжъ
мы съ нимъ увидимся со шпагами въ
рукахъ!

Онъ немедленно послалъ къ Барону
записку, въ которой вызывалъ его на
поединокъ, и въ назначенный часъ вы-
шелъ

шелъ самъ со множествомъ проводниковъ. Вскорѣ пришелъ и несчастный Баронъ. Онъ шелъ тихо, одинъ и безъ всякаго оружія; на лицѣ его изображалось спокойствіе, и кротость сіяла изъ глазъ. Посмотрѣвъ на Маркиза, онъ вздохнулъ и подошелъ къ нему. Маркизъ схватился за шпагу, спалъ въ позисуру, и съ неперпѣливостію дожидался шой минушы, въ которую могъ удовлетворить своей ярости. „Ну! готовы ли вы? вскричалъ онъ угрожающимъ голосомъ. — „Готовъ, отвѣщствовалъ Баронъ: умертви меня! я не врагъ тебѣ, но жертва швоя. Ты ненавидишь меня; а я, по добродѣтели ли шо, или по слабости, не могу тебя ненавидѣть. Не хочу омочить рукъ въ крови брата; но ты можешь это сдѣлать, и я тебя прощаю. Жизнь мнѣ въ тягость: кто опниметъ ее у меня, шотъ будетъ мой благодѣтель.„

Сіи слова, произнесенныя твердымъ голосомъ, возбудили чувство натуры въ сердцѣ Маркизовомъ. Онъ хотѣлъ уже бросить шпагу и кинуться въ объятія брата своего; но гордость скоро одержала верхъ. Не сказавъ ни слова, оставилъ онъ Барона и ушелъ къ проводникамъ своимъ. Сіи люди, не способ-

ные

ные ни къ какому доброму чувствованію, всѣ признали несчастнаго Барона прусомъ, и описали его Графинѣ такимъ человекомъ, котораго подлая любовь къ жизни дѣлаеиъ недостойнымъ жизни.

Графиня не знала, куда скрышья отъ стыда. Она жаловалась на напуру за то, что она произвела отъ ея крови споль подлую душу; иногдажъ вѣ самомъ дѣлѣ хотѣла увѣришь себя, что Баронъ не ея сынъ. „Нѣтъ! говорила она, естли бы онъ былъ мой сынъ, естлибъ вѣ немъ была моя кровь; то была бы вѣ немъ хотя искра и того духа, который меня оживляетъ. Но сынъ ли онъ мой, или нѣтъ, я хочу навсегда загладишь или пресупленіе мое, или ошибку. Съ эшой минушы лишаю его всѣхъ правъ на мое сердце, и гнушаюсь его, какъ чудовища.“

Графиня вѣ другой разъ отправила вѣ В * *. Несправедливые судьи, обвинившіе добродѣтельнаго супруга, не усомнились, вѣ угодность ей, осудишь и невижнаго сына, чшобъ онъ лишенъ былъ наслѣдства и совсѣмъ изключенъ изъ фамиліи.

Опецъ мой! вскричалъ молодой Баронъ, идучи пѣшкомъ изъ В * *, гдѣ онъ
пщешно

пщешно старался защищать свою невинность: — отецъ мой! вскричалъ онъ, вспомнивъ о Плашенѣ: какою благодарностию я тебѣ обязанъ! Безъ тебѣя изнемогъ бы я подъ тяжкими ударами судьбы. Но твои наставленія вооружили духъ мой непреодолимою крѣпостию. Буря, ярящаяся нынѣ пропивъ меня, не можетъ разрушить внутренняго спокойствія моего. Теперь я человекъ, не иное что, какъ только человекъ, и клянусь небомъ, что не нанесу безчестія этому благородному имени.

Тогда не оставалось ему ничего, какъ оставить свое отечество и искать счастья въ другой землѣ. Аканша, одна только Аканша его удерживала. Сердце его долго влекло его почти непреодолимою силою, еще увидѣвшись съ нею. И съ какою бы нѣжностію она приняла его, потерпѣвшаго за нее столь много! Однако онъ преодолѣлъ себя, и послалъ къ ней только слѣдующее письмо:

„Не пошлѣ уже счастливой человекѣ,
„который нѣкогда надѣялся называться
„вашимъ супругомъ, пишешь теперь къ
„вамъ; нѣтъ! несчастный изгнанный,
„покрытый поношеніемъ, отверженный
„самою природою, и который не имѣетъ
„теперь

„теперь ничего болѣе, кромѣ своей не-
 „винности и любви. Жестокосердая мать
 „отняла у меня священнѣйшее изъ всѣхъ
 „правъ; несправедливые или слабоумные
 „судьи поноснымъ своимъ приговоромъ
 „лишили меня чести; и общество гну-
 „шается нынѣ того, кого вы прежде
 „удостоивали уваженія. Но что мнѣ
 „нужды въ почтеніи или презрѣніи всего
 „свѣта? Дражайшая Аканша, пусть одно
 „ваше сердце меня судитъ. Если въ
 „вашихъ глазахъ я невиненъ, то пре-
 „зираю всѣ нападенія клеветы, и смѣюсь
 „пщещнымъ спараніямъ гонителей мо-
 „ихъ. Простите, дражайшая Аканша,
 „будьте всегда щастливы! Если судьба
 „перестанетъ когда нибудь гнать меня,
 „если когда нибудь возвратитъ меня
 „къ вамъ, то вы конечно найдете меня
 „достоиннымъ васъ. „

Удобно представить себѣ, что сіе
 письмо произвело въ сердцѣ Аканши.
 Престарелый Панемонъ самъ поѣхалъ
 искать Барона; онъ самъ хотѣлъ воз-
 вратить его своей дочери. Но трудъ
 его былъ пщещенъ. Молодой Баронъ
 переѣхалъ уже во Францію, которую
 издавна предпочиталъ онъ всякой дру-
 гой землѣ, кромѣ своего отечества.

Фландрія была тогда театромъ войны, и Фельдмаршалъ Морицъ Саксонской покрывалъ всю сію землю многочисленнымъ войскомъ. Молодой Баронъ услышалъ, что при Пиринейскихъ горахъ Полковникъ, по имени Далвансъ, набиралъ солдатъ въ свой полкъ, съ копорымъ онъ долженъ былъ присоединиться къ войску. Онъ немедленно пошелъ къ нему, и просилъ принять его простымъ солдатомъ. Полковникъ съ перваго взору узналъ, что сей молодой человекъ не низкаго произхожденія, обошелся съ нимъ весьма ласково, принялъ его въ свой полкъ, совѣщивалъ ему вести себя хорошо, и обѣщалъ, что служба его не останется безъ награжденія.

Полкъ отправился и прибылъ благополучно во Фландрію. Баронъ привыкъ скоро къ новому своему званію и умѣлъ заслужить себѣ отъ всѣхъ похвалу и любовь. Вскорѣ нашелъ онъ также случай оказать свою храбрость и приобрести честь. Однажды въ вечеру вдругъ поднялась тревога; всѣ побѣжали къ ружью. Непріятель сдѣлалъ нечаянное нападеніе. Далвансъ спѣшилъ съ неуспрашимостію къ своимъ солдатамъ, построилъ ихъ въ порядокъ, и пошелъ
про-

противъ непріятеля. Но по несчастію попался онъ въ засаду, и вдругъ окруженъ былъ непріятелемъ. Молодой Баронъ, увидѣвъ то, побѣжалъ съ весьма немногими людьми къ нему на помощь, и пробился съ невѣроятною отважно-стію и скоростію между непріятелями, которые приведены тѣмъ были въ безпорядокъ и побѣжали. Полковникъ встрѣшилъ его съ распроспертыми объятіями. Но между тѣмъ увидѣлъ онъ еще непріятельскую партію, которая хотѣла овладѣть знаменемъ его полку. Онъ вырвался изъ объятій своего Полковника, бросился въ другой разъ къ непріятелямъ, отнялъ знамя у того, который имѣлъ уже его въ рукахъ, и возвратился съ нимъ израненный. Онъ отдалъ знамя Полковнику, но самъ упалъ безчувственъ и покрытъ смертною блѣдностію. Отнесли его въ палатку, и старались возвратитъ ему жизнь. Какъ скоро получилъ онъ употребленіе чувствъ, Полковникъ приказалъ всѣмъ выйти войнъ и остался съ нимъ одинъ.

(Окончаніе сообщено будетъ въ слѣдующемъ листѣ.)

Неравные братья. Испанская повѣсть.
(Окончаніе.)

Храбрый юноша! говорилъ Полковникъ, оставшись наединѣ съ Барономъ: не унижая тебя, не могу ничѣмъ, кромѣ моей дружбы, награждать тебя за такую чрезвычайную услугу. Я долженъ тебѣ жизнь мою, и что для меня еще въ тысячу разъ дороже, честью моего полку. Я всегда ожидалъ отъ тебя чего нибудь важнаго. Съ перваго взору читалъ уже я въ глазахъ твоихъ, что ты не простаго произхожденія. Тщепно ты отъ меня скрываешься. Благородство написано у тебя на лицѣ, и ты знаешь, что съ самаго начала твоей службы я оплечалъ тебя отъ другихъ. Открой мнѣ свою тайну, и скажи, кто ты. Имѣй ко мнѣ довѣренность; отложи все принужденіе подчиненности, и говори со мною, какъ съ нѣжнѣйшимъ своимъ другомъ.

Хотя молодой Баронъ твердо предпринялъ не открывать никому своей тайны, но не могъ проповишья поль нѣжнѣйшимъ убѣжденіямъ и прозьбамъ. И такъ онъ рассказалъ Далвансу исторію своей фамиліи и тайныя причины, по

Часть XX. Но. 44. Д кошо-

которымъ лишился всѣхъ своихъ правъ. „Ахъ! говорилъ онъ по помѣ со слезами, можеше ли вы бышь нечувствительны къ несчастію молодаго человѣка, который ненавидимъ матерью и никогда не имѣлъ удовольствія знать отца своего. Графиня Лозинго, жестокосердая прошивъ супруга столь же, какъ и прошивъ сына, гнала несчастнаго моего родителя. Онъ скрылся, когда я былъ еще въ младенчествѣ, и я не знаю, куда судьба его завела. О небо! естлибъ я когда нибудь нашелъ его, я умеръ бы отъ радости въ его объятіяхъ! Не знаю отъ чего это происходитъ, но когда бываю съ вами, надежда моя получаетъ новую силу, и какъ бы Небо обѣщаетъ мнѣ, что оно возвратитъ мнѣ отца моего, котораго я, и не зная еще, люблю.„

Полковникъ въ продолженіе повѣспи молодаго Барона показывалъ знаки живѣйшаго участія; иногда отъ чрезмѣрной радости и нѣжности едва могъ выговорить: „Небо совершаетъ свои желанія — Сынъ мой! любезной сынъ! — ты видишь предъ собою несчастнаго Графа Лозинго.„

Баронъ въ восхищеніи бросился въ его объятія и омочалъ его слезами. „Родитель

дипель мой! вскричалъ онъ: — Небо правосудно! Благословляю шеперь всѣ прешерпѣнныя мною нещасія; они привели меня къ вамъ. Я васъ нашель, и шеперь нѣшѣ чловѣка щаспливѣе меня.,,

Больной раненый не можешѣ долго переносишѣ шакихѣ сценѣ. Однакожѣ молодой Баронѣ не могѣ удержашѣся, чшобѣ не разскашѣ еще о своей Аканшѣ, и нѣжный ошецѣ подалѣ ему новое ушѣшеніе и новую надежду. „Вѣ молодости, сказалѣ онѣ, я знакомѣ былѣ сѣ благороднымѣ Панемономѣ, и часшо завидовалѣ величешву его души. Могу ли хощя мало сомнѣвашѣся, чшобѣ дочь его, самимѣ имѣ воспішанная, не была его достойна и во всемѣ ему подобна? Пишай, сынѣ мой, любовь свою къ ней. Можешѣ бышѣ когда нибудѣ Небо ее увѣнчашѣ. Ты видишѣ, чшо оно уже начинаешѣ осушашѣ слезы наши и снимашѣ сѣ насѣ шяжкую руку свою. Вѣрь мнѣ, чшо порокѣ не долго шоржешествуешѣ. Угнѣшпаемая невинность должна наконецѣ одержашѣ побѣду, и шогда прешнее возвышеніе порока послужишѣ шолько къ штому, чшобѣ паденіе его еще страшнѣе сдѣлашѣ. Да, любезной сынѣ, я швердо надѣюсь, чшо добродѣшельный

Панемонъ проведешъ остатокъ жизни своей въ покоѣ. Еспьлижъ Небо по не-испытаннымъ судьбамъ своимъ и оставишъ его помилъся въ бѣдности и низкомъ состояніи, но ты непусти никогда охладѣшь любви своей къ Аканшѣ.,,

Сіе увѣщаніе менѣе всего нужно было Барону. На другой день Полковникъ собралъ всѣхъ своихъ Офицеровъ и объявилъ имъ о происшедшемъ вчера. Всякой бралъ участіе въ его благополучіи. Офицеры приняли новаго своего товарища съ уваженіемъ и дружесствомъ; солдаты радовались его повышенію: они почивали сугубымъ для себя щастіемъ служить подъ его командою, по тому, что самъ онъ прежде раздѣлялъ съ ними ихъ участь съ такою славою.

Въ короткое время Баронъ совершенно вылѣчился отъ ранъ своихъ, и безъ сомнѣнія прославился бы еще болѣе воинскими дѣлами, еспьлибъ между тѣмъ не заключенъ былъ Ахенской миръ. При Французскомъ Дворѣ никогда бы и не думали оставишь Графа Лозинго и его сына; но оба они сами о томъ просили. Любовь къ отечеству снова возбудилась въ сердцѣ Графа. Онъ имѣлъ основательныя причины надѣяться,

ся,

ся, что похвальныя его и сына его дѣла извѣстны были и въ Испаніи, и что сіе послуживъ ему памѣ въ пользу. Онъ хотѣлъ проливатьъ кровь свою лучше за опечесство, нежели за чужое Государство. И пакъ получивъ отспавку, они отправились въ Мадридъ, хѣтя молодому Барону и прискорбно было, что онъ ѣдетъ не къ Каталонскимъ границамъ.

Видъ великолѣпной столицы, коюрой Баронъ никогда еще не видалъ, сдѣлалъ въ немъ сильное впечатлѣніе, и между тѣмъ, какъ отецъ его искалъ нѣкоторыхъ изъ старыхъ друзей своихъ, посредствомъ которыхъ надѣялся получить мѣсто, онъ ходилъ по городу и осматривалъ все достойное примѣчанія. Но вскорѣ нашелъ онъ нѣчто гораздо пріятнѣйшее всѣхъ великолѣпныхъ церквей и домовъ. Прогуливаясь однажды, увидѣлъ онъ идущаго къ нему человека, благороднаго и величественнаго вида, и котораго наружность показывала значное его достоинство. Барону казалось, что онъ ему знакомъ; подошедшижъ ближе, узналъ въ немъ стараго почтеннаго Плашено. „Отецъ мой! вскричалъ онъ въ восхищеніи, бросившись въ его объ-

дшя: васъ ли я вижу? знаете ли вы о моихъ несчастіяхъ? знаете ли, какъ вашъ совѣтъ, какъ примѣръ вашъ, который всегда душѣ моей представлялся, спасалъ меня отъ гибели? Вы безъ сомнѣнія сожалѣли обо мнѣ. — Но вы — какая щасливая переменна произошла съ вами? Великолѣпіе, васъ окружающее, не позволяешъ мнѣ сомнѣваться, что достоинствамъ вашимъ наконецъ отдается справедливоспъ.,,

Любезной сынъ! дражайшій сынъ мой! опвѣчалъ Плашено: да, я нынѣ столь щасливъ, что могу быть полезенъ моему опечеству. Меня вывели изъ неизвѣспности и бездѣйспвія, и теперь я раздѣляю съ Миниспромъ бремя Государспвенныхъ дѣлъ. Пойдемъ, раздѣли со мною все, что у меня ни есть. Ты оскорбишь меня, еспли не будешь жить въ моемъ домѣ. Можетъ быть найду я способы переменить твою учаспъ. Несчастіе не пощадило твоей фамиліи; мать твоя, братъ твой гораздо болѣе, нежели ты, достойны сожалѣнія. Ты ужаснешься, когда я все обстоятельно тебѣ расскажу. — Баронъ рассказалъ, какъ онъ нашелъ отца своего. „Гдѣ онъ? вскричалъ Плашено: могу ли я его видѣть?“

дѣть? Я всегда сожалѣлъ о его несчастіяхъ, и всегда почиалъ его добродѣтель. „

Вскорѣ щасливой случай привелъ къ нимъ и Графа Лозинго. Тогда снова послѣдовали нѣжныя обниманія и взаимныя поздравленія. По помѣ пошли они въ домъ къ Плапено, который пребоваалъ, чтобъ они на время у него оспались. Какъ всѣ поспоронніе ушли, Плапено повелъ госпей своихъ въ кабинетъ и рассказывалъ Барону слѣдующее:

Вы безъ сомнѣнія помните еще нѣ наставленія, которыми спарался я вооружить молодость вашу прошивъ ударовъ судьбы. Сіи удары постигли всю фамилію вашу. Гонима была ваша невинность; но и порокъ безъ наказанія не остался. Братъ вашъ, котораго порочное сердце не способно было къ постоянной любви, скоро пересталъ думать объ Аканшѣ. Въпреная склонность его перелетала отъ одной красавицы къ другой, пока наконецъ одна, по имени Елеонора, плѣнила его сердце. Онъ вознамѣрился жениться на ней. Богатство его и надежда, что нѣкогда можешъ онъ играть весьма значную роль въ свѣшѣ, склонили Елеонориныхъ родителей пред-

почестъ его другому, за котораго прежде обѣщали уже они выдать дочь свою. Обиженный гордый соперникъ спарался отмститьъ вашему брату. Онъ зналъ обстоятельно произхожденіе вашей фамиліи (проспите мнѣ сіи непріятныя истины); также извѣстны ему были и подлинныя источники великаго богатства Графини. Онъ поѣхалъ въ Мадридъ и предсталъ Правительству со множествомъ несчастныхъ, приведенныхъ насильствами Алфонсовыми въ нищету; разорвалъ завѣсу, долго закрывавшую полъ многія несправедливости. Все открылось; строгой судъ опредѣлилъ лишить вашу фамилію всего имѣнія, и несчастная ваша мать съ братомъ вашимъ скрылись. Небо свидѣтель мнѣ еѣ помѣ, что я позабылъ всѣ сдѣланныя мнѣ ею обиды. Я спарался сыскать тайное жилище ея и предлагалъ ей помощь; но она меня убѣгаетъ и не хочетъ ничего отъ меня принять.

Графъ и Баронъ весьма пронуты были сею повѣстію, и добродѣтельный сынъ непришворно плакалъ о печальной участи жестокосердой своей матери.

Плашено нанялъ для друзей своихъ изрядной домъ, куда приказалъ перенести

сти многія украшенія изъ собственнаго своего дому; также доставилъ имъ и нужныхъ служителей. Чрезъ нѣсколько дней умеръ камердинеръ Бароновъ. На мѣсто его представленъ былъ Графу молодой человекъ, одѣтой весьма бѣдно; въ глазахъ его видна была нѣкоторая дикость; казалось, что досада грызла сердце его; гордость и стыдъ изображались у него на лицѣ; онъ краснѣлъ и пощуплялъ глаза, когда привели его къ господину. Кто ты? спросилъ Графъ. „Кѣмъ бы мнѣ быть не должно!“, отвѣчалъ онъ. Какое имѣлъ ты воспитаніе? — „Довольно хорошее, чтобы чувствовать страшное мое состояніе.“ Скажи же мнѣ, кто ты? — „Я желалъ бы теперь, быть человекомъ самаго низкаго рода.“ Учился ли ты чемунибудь? знаешь ли какуюнибудь науку, или какоенибудь ремесло? — „Я не учился одному только искусству, которое всѣхъ нужно: искусству спрадась.“ — Какоежъ прежде имѣлъ ты состояніе? — „Ахъ! помогите мнѣ лучше совѣмъ испребишь его изъ памяти!“

Печальный тонъ сихъ отвѣтовъ возбудилъ въ Графѣ сожалѣніе. „Сынъ мой,

мой, сказалъ онъ вошедшему тогда Барону, вопи́ молодой человекъ, который предлагаетъ тебѣ свои услуги. Кажется, что онъ не низкаго произхожденія. Пожалѣй объ немъ, и вспомни, что нѣкогда самъ ты былъ игральцемъ щастія., Баронъ смотрѣлъ пристально на сего молодого человека; сердце его трепетало. Вдругъ бросился онъ обнимать его и вскричалъ: „братъ мой! любезной братъ! обними колѣни своего родителя, и раздѣли со мною его любовь и нѣжность!.,

Какъ! вскричалъ Графъ со внутреннимъ движеніемъ, ты сынъ мой? — Несчастіе очищаетъ сердце человеческое, и я надѣюсь, что нынѣ ты меня достоинъ. — Но гдѣ мать твоя? Небо свидѣтель мнѣ въ томъ, что въ сію минушу забываю всѣ прежнія ея поступки, и почту за величайшее щастіе извлечь ее изъ бѣдности. Говори, гдѣ ты ее оставилъ? — Ты краснѣешь? ты пошупляешь глаза? — Стыдъ твой обличаетъ твою вину. Несчастный! конечно ты оставилъ ее въ горестной ея участи! Она жертвовала тебѣ всѣмъ имѣніемъ, и даже несчастнымъ братомъ твоимъ; а ты въ награду за порочную ея нѣжность оставилъ ее одну носить

все бремя стыда и бѣдности. Неблагодарный! братъ твой, котораго она ненавидѣла, котораго она прогнала отъ себя для того, чтобъ тебя обогатить, братъ твой отдалъ бы теперь все, что у него ни есть, чтобы поправить хотя нѣсколько ея состояніе. Безчеловѣчный сынъ!

Молодой человѣкъ, отягченный чувствованіемъ порочнаго своего поступка, стоялъ недвижимъ и наблюдалъ глубокое молчаніе. Наконецъ Графъ смяхчился и посмотрѣлъ на него съ сожалѣніемъ.

Черезъ нѣсколько дней по томъ Баронъ, прогуливаясь въ Королевскомъ саду, остановленъ былъ незнакомою женщиною, которая одѣша была весьма худо и на лицѣ имѣла покрывало. „Государь мой, говорила она, человѣколюбіе и сожалѣніе написано у васъ на лицѣ. Сжальтесь надъ участію женщины, сверженной съ самаго верьху щастія въ бездну поношенія и нищеты.„ Сердце Бароново проникнуто было симъ голосомъ. Онъ отважился поднять покрывало, которымъ лицо сея женщины было закрыто. Чтожъ онъ увидѣлъ? то была мать его. Онъ упалъ къ ногамъ ея и омочалъ ихъ слезами радости и нѣжности. „Ахъ, мапушка!

шка! вскричалъ онъ, вы въ такомъ плачевномъ состояніи?», — „Небо правосудно, опвѣчала Графиня: несчастіе мое шѣмъ болѣе, что я его заслужила. Я гнала себя. Я чудовище, недостойное видѣть свѣтъ дневной! я испощала безумную нѣжность свою на неблагодарнаго, который меня оставилъ. Нищета моя, мои вздохи, слезы мои несносны были гордой и дикой душѣ его. Тогда голосъ природы возбудился въ перзаемомъ печалію сердцѣ моемъ; несправедливость моя, швоя добродѣшель мучили меня тысячами укоризнъ. Ахъ! я чувствую, что и самое швое присутствіе для меня мучительно. Помощь, которую ты мнѣ подаешь, есть спрашная укоризна за всѣ мои преступленія.», — „Мадушка, опвѣчалъ Баронъ, позабудемъ навсегда все прошедшее.», Онъ взялъ ее за руку и повелъ въ свой домъ, гдѣ добродѣшельный ея супругъ принялъ ее въ свои объятія и примирился съ нею совершенно.

Вскорѣ по томъ Графъ получилъ достойное его мѣсто при арміи съ значнымъ жалованьемъ. Плашено, споспѣшествовавшій тому своимъ стараніемъ, сдѣлалъ еще болѣе: онъ вызвалъ добродѣшельнаго Панемона изъ его уединенія
въ

въ Мадриштѣ. Красота и нѣжность Аканшты увеличились. Она скоро сочепалась бракомъ съ Барономъ Асцелло. Нужно ли присовокупить къ сему, что они были щасшливы?

О деревѣ Саго.

Дерево Саго растетъ на всѣхъ Молуккскихъ островахъ, особливожъ въ Тернатѣ, Тидорѣ и Жилоло. Урожденцыгъ тамошніе называютъ его *Либби*. Оно принадлежитъ къ роду пальмъ, но отличается отъ кокосовыхъ деревъ тѣмъ, что листья его длиннѣе, пень ниже, и плоды мелче, впрочемъ же весьма похоже на оныя. Будучи еще молодо, покрыто бываетъ спицами. Растетъ сначала весьма медленно; но какъ скоро пень его получитъ надлежащій видъ, то вырастаетъ въ короткое время до прищипки фушовъ въ вышину и около шести фушовъ въ окружность, и спицы мало по малу пропадаютъ. Когда на листьяхъ его покажется тонкая бѣлая пыль, изъ сего заключающъ, что Саго поспѣло.

Оно состоишѣ изѣ одного длиннаго ствола пвердаго дерева, дюйма на два толщиною, вѣ копоромѣ заключаешя мяккая внутренность, подобная пѣсиу, окруженная и переплешенная длинными волокнами. Срубивѣ дерево, разрубаю ѣго на части отѣ пяти до шести фушовѣ вѣ длину. Пошомѣ вынимаюшѣ изѣ средины часть пвердаго дерева, оставляя только по нѣскольку на обоихѣ концахѣ. Такимѣ образомѣ отккрытая свѣрху внутренность разрубаетя деревянными шопорами и вынимаетя вмѣстѣ сѣ волокнами, при чемѣ также оставляешя на обоихѣ концахѣ то, что оставленнымѣ пвердымѣ деревомѣ покрыто. Отѣ сего пень получаешѣ видѣ корыша. По шомѣ смѣшавѣ внутренность дерева сѣ водою, кладушѣ ее вѣ сѣ корышо, и шолкушѣ деревяннымѣ пестомѣ дошолѣ, пока волокна отѣ мучныхѣ частей отдѣлятяся. Мучныя части остаютяся на днѣ, а волокна поднимаютяся кѣ верьху. Очистивѣ такимѣ образомѣ муку водою нѣсколько разѣ, держатѣ ее вѣ корзинахѣ, дѣлаемыхѣ изѣ древесныхѣ листьевѣ наподобіе кашка, и для сбереженія ставятѣ вѣ прѣсную воду. Одно дерево доставляешѣ отѣ 2 до 400 фуншовѣ муки.

Естьли мука не сбережена бываетъ отъ воздуху, то окисаетъ; но впрочемъ держится долго. Оспровишяне обыкновенно пекутъ изъ нея для употребленія въ пищу хлѣбъ, или лучше сказать пироги. Нѣкоторыя употребляютъ къ сему глиняную печку, имѣющую дюймовъ 6 въ квадрапъ и 4 дюйма глубины. Въ сей печкѣ дѣлается клетка съ двумя рядами гнѣздъ, изъ которыхъ каждое шириною бываетъ около дюйма, и отдѣлено одно отъ другаго перегородочкою. Пекаръ спавитъ всю сію печку на огонь и даетъ ей довольно нагрѣться. Между тѣмъ онъ расширяетъ глыбки въ мукѣ, разводитъ ее съ водою, и процѣживаетъ разъ или два сквозь сито. Все почернѣлое и окиснувшее выбрасывается. По томъ пекаръ наполняетъ гнѣзда тѣстомъ, кладетъ на него чистой листокъ, и вдавливаютъ его въ гнѣзда пальцами. Послѣ сего печка закрывается листьями и закладывается деревомъ, чтобъ удержатъ въ ней жаръ. Въ 10 или 12 минутъ хлѣбы довольно пропекаются, и могутъ держаться нѣсколько лѣтъ. Свѣжій шакой хлѣбъ, какъ скоро вынятъ бываетъ изъ печи, имѣетъ вкусъ мягкаго калача; кождажъ зачерствѣетъ, то

по надобно для употребленія въ пищу размачивать его въ водѣ, отъ чего онъ разбухнетъ, какъ размоченой сухарь.

Сіе дерево есть весьма полезный для островитянъ даръ Божій, ибо шрехъ пакихъ деревъ довольно одному человѣку на цѣлой годъ, и 5 человекъ, занимающихся рубкою деревъ, приугоповленіемъ муки и печеніемъ хлѣба, удобно могутъ прокормить своею работою сто человекъ. Изъ листьевъ его дѣлаются кровли, которыя обыкновенно держатся семь лѣтъ. Изъ корней одного срубленнаго дерева вырастаетъ нѣсколько новыхъ пней.

Въ Европу привозятъ Саго не иначе, какъ въ зернахъ, которыя по ихъ виду многими починаются за икру. Даютъ ему сей видъ проширая намоченую муку сквозь сито въ споящій надъ огнемъ плоской желѣзный кошелъ.

О хлѣбномъ деревѣ.

Хлѣбное дерево растетъ въ Сумагрѣ, Явѣ, на всѣхъ Маріанскихъ островахъ, особливожъ въ Тиніанѣ, на нѣкоторыхъ Филиппинскихъ островахъ, въ Отагити и еще на нѣкоторыхъ островахъ Южнаго моря. На островѣ Тиніанѣ найдено оно славнымъ Лордомъ Ансономъ, и пріятность сего острова для бывшихъ при немъ морскихъ служителей весьма увеличиваема была изобиліемъ вкусныхъ плодовъ сего дерева. Во все время пребыванія ихъ тамъ не было имъ раздавано хлѣба, по чему и дано сему плоду названіе *хлѣбнаго плода* (Bread fruit), принятое также и во Французскомъ языкѣ (fruit à pain). Индійцы называютъ сей плодъ *Рима*. По увѣдомленію Лорда Ансона, растетъ онъ на высокомъ деревѣ, котораго вершину составляютъ большіе и широко распространяющіеся сучья. Листья цвѣтомъ темнозеленыя, съ зубчиками по краямъ, длиною отъ 1 фута до 18 дюймовъ. Плодъ, который вырастаетъ на каждомъ сучкѣ одинъ, продолговато-круглой и окруженъ жесткою корою. Длиною бываетъ по большей части отъ семи до осьми дюймовъ.

Когда онъ уже совершенно выросъ, но цвѣтомъ еще зеленъ, походитъ вкусомъ на арпишковое зерно, и тогда почищается самымъ лучшимъ для употребленія. Созрѣвши, становится мякче и получаетъ желтой цвѣтъ и весьма сладкой вкусъ, съ запахомъ подобнымъ запаху сливы; но тогда почищается нездоровымъ.

По увѣдомленію Кукову, хлѣбное дерево на островѣ Опагипи величиною бываетъ съ посредственный дубъ. Листья его весьма похожи на смоковныя, и когда ихъ разорвешь, то выходитъ изъ нихъ сокъ молочнаго цвѣту. Плодъ величиною съ младенческую голову, и почти такой же фигуры. Наружная его сторона покрыта сѣшкою, какъ у шрифелей; кожа тонка, а зерно толщиною съ толстое перо. Употребляемая въ пищу часть плода, или шѣло, находится между кожей и зерномъ, бѣло, какъ снѣгъ, и мякко, какъ недавно испеченной хлѣбъ. Для употребленія въ пищу разрѣзываютъ его на три или на четыре куска и поджариваютъ. Вкусъ его имѣетъ тогда великое сходство со пшеничнымъ хлѣбомъ смѣшаннымъ съ карпофельною мукою. Нѣкоторые островитяне собираютъ

рають плоды еще не совсѣмъ поспѣлые; варящъ ихъ, пока корка почернѣетъ, и по томъ облупливають. Симъ образомъ готовится небольшой хлѣбецъ съ тонкою желтою кожицею, копорого мякишь, или внутренность, мякоть, шакъ, какъ свѣжій калачъ. Однакожъ они должны варить не больше, какъ сколько надобно для употребленія въ одинъ день; ибо на другой день плодъ начинаетъ твердѣть и черствѣть. Также сушатъ только свѣжіе плоды на солнцѣ, разрѣзавъ на части, что доставляетъ вкусную пищу. Жители Ошагитскіе толкутъ сей плодъ каменными пестами, и дѣлають пѣсто, разводя его либо на водѣ, либо на молокѣ изъ кокосовыхъ орѣховъ. Также дѣлають они изъ него кислое пѣсто, называемое *magic*. Приготовляють оно слѣдующимъ образомъ: собирають плоды не задолго предъ шѣмъ, какъ они созрѣвають, кладуть ихъ въ кучи и прикрываютъ листьями. Въ семъ состояніи они бродящъ и получаютъ весьма сладкой и непріятной вкусъ. По томъ вырываютъ изъ нихъ зерно со стеблемъ, и бросаютъ пѣло въ ямы, копорыя на сей конецъ обыкновенно въ домахъ дѣлаются и какъ по сторонамъ,

шакъ и на днѣ, устилаются справою. Въ сихъ ямахъ шѣсто закрывается листьями и придавливается камнями; тогда оно еще бродитъ и спановится кисло. По томъ уже держится оно чрезъ многие мѣсяцы безъ всякой перемѣны. Всякой разъ беруть его изъ ямы, сколько надобно для употребленія, капаютъ изъ него шары, обвертываютъ ихъ листьями и пекутъ. Такой печеной хлѣбъ держится недѣль пять или шесть, и жители Опагитскіе рѣдко безъ него ѣдятъ. Въ Опагити ѣдятъ также сей плодъ сырой въ началѣ обѣда: для сего слупливаютъ только съ него корку, вынимаютъ зерно, и по томъ кусаютъ, какъ хлѣбъ. Жители острововъ Маркезскихъ поджариваютъ хлѣбные плоды на огнѣ, сыпаютъ ихъ въ корыто, и подливши воды, дѣлаютъ изъ того кашу, которая составляетъ главную ихъ пищу. Но также они дѣлаютъ изъ нихъ маіе, какъ Опагитцы.

Разводитъ хлѣбное дерево весьма удобно: надлежитъ только отрѣзать свѣжую вѣтвь и воткнуть въ землю. Въ пѣхъ земляхъ, гдѣ оно рождается, кто посадитъ десять такихъ деревьевъ, потъ исполняетъ для себя и для дѣшей своихъ

ихъ

ихъ такуюжъ должность, какую въ нашемъ суровомъ климатѣ земледѣлецъ исполняетъ работая цѣлой годъ, чтобъ прокормить себя со своимъ семействомъ и наслѣдникамъ своимъ что нибудь оставить.

О Г Н Ъ В Ъ.

(Изъ *Англійскаго періодическаго изданія: Бродяга.*)

Обладай своимъ гнѣвомъ! — Такое правило оставилъ намъ Періандръ, одинъ изъ семи мудрецовъ Греческихъ, въ воспоминаніе любви его къ подобнымъ себѣ человѣкамъ.

Сей философъ почиталъ гнѣвъ великимъ возмущеніемъ жизни человѣческой и главнымъ врагомъ общественнаго благосостоянія, равно, какъ и спокойствія семействъ. Не могъ онъ сильнѣе обязать потомство къ почитанію памяти его, какъ оставивъ ему спасительное увѣщаніе, осперегаться опъ сея яростной спраспи.

Краткость сего Періандрова правила едва позволяетъ намъ догадываться

о пространствѣ смысла, вѣ какомъ онѣ его принималъ. Безѣ сомнѣнія гнѣвъ, принявъ будучи вѣ самомъ пространномъ смыслѣ, доведенный даже до злобы и оканчивающійся мщеніемъ, причиняетъ большую часть золъ, какимъ жизнь человѣческая подвержена. Сія спрашиваетъ, овладевая могущественными людьми, производила разрушеніе городовъ, опустошеніе государствъ, истребленіе цѣлыхъ народовъ, и всѣ тѣ ужасныя и удивительныя бѣдствія, которыми Исторія наполнена.

Но не о семъ ужасномъ гнѣвѣ буду я говорить. Также не намѣренъ я представить плачевныхъ дѣйствій, производимыхъ сею страстію во внутренности семействъ. Предметомъ слѣдующаго разсужденія будетъ шопъ болѣе шумный, нежели спрашный гнѣвъ, копорый подверженныхъ ему людей дѣлаетъ болѣе скучными, нежели опасными. Надлежало бы означить свойство сихъ гнѣвливыхъ людей такимъ словомъ, копорое выражало бы болѣе шумъ производимой ими, нежели зло, какое они причиняютъ.

Находяпся люди, довольно извѣстные подѣ именемъ *сердитыхъ*, думающіе, что сіе названіе даетъ имъ право приходить

ходитъ въ ярость при самомъ малѣйшемъ случаѣ и изливать свой гнѣвъ жестокимъ крикомъ, страшными угрозами и самую оскорбительнѣйшею бранью.

Хотя ярость сія по большей части проходитъ въ шумныхъ ругательствахъ и въ обѣщаніяхъ мщенія, которыя рѣдко обращаются въ самое дѣло, развѣ только въ такомъ случаѣ, когда попадется сердитымъ людямъ пьяной или дуракъ; однакожъ они нарушаютъ спокойствіе тѣхъ, которыя принуждены слушать ихъ крикъ, прерываютъ печеніе разговоровъ и лишаютъ общество удовольствія.

Такіе люди бывають иногда не безъ разсудка и не безъ добрыхъ качествъ; по чему и не поступають съ ними всегда съ тою строгостію, какую заслуживало бы ихъ небреженіе о соблюденіи спокойствія въ томъ кругѣ, въ которомъ они находятся. Они получаютъ какъ бы нѣкоторое право на свою глупость, и живущіе съ ними почитаютъ ихъ людьми покоренными сильной и непреодолимой страсти, не дающей имъ воли ни въ поступкахъ ихъ, ни въ словахъ. Жалуютъ болѣе объ нихъ, нежели хулятъ ихъ, и сносятъ изступленія ихъ

такъ же, какъ должно сносить невольные удары отъ чловѣка подверженнаго конвульсіямъ.

Не можно безъ негодованія видѣть столь подлаго свойства въ чловѣкѣ, что онъ можетъ перпѣть такое о себѣ мнѣніе, въ сосояніи пользоваться одинакимъ правомъ съ сумасшедшими, и знаетъ безъ стыда и прискорія, что онъ живущимъ съ нимъ непреспанно подаетъ случаи испытывать свое перпѣніе и гордиться великодушіемъ, какое они прощая ему оказываютъ.

Гордость безъ сомнѣнія есть источникъ гнѣва; но гордость, равно, какъ и другія страсти, не будучи управляема разсудкомъ, сама стремится противъ своей цѣли. Еслибъ сердитой чловѣкѣ разсмотрѣлъ, какъ онъ проводилъ день, мало бы удовольствія суешности его принесло разсужденіе о шѣхъ обидахъ, которыя онъ надѣлалъ, какъ оныя снесены были, и какія слѣдствія вѣроятно имѣть должны. Скорыя возгорѣнія ярости вообще должны причиняемы бытъ весьма маловажными предметами; ибо жизнь, сколь бы несчастлива ни была, не можетъ приносить съ собою столь часто большихъ золъ, сколько надобно гнѣвацъ

гнѣвливому человѣку, чшобѣ сердиться. И пакѣ вопервыхъ гнѣвѣ его долженѣ бы дашь ему почувствоватѣ, что онѣ сполько слабѣ, что попускаетѣ самому маловажному приключенію лишатѣ его спокойствія; что онѣ рабѣ случая, и что разсудокѣ его и добродѣшель самому легкому дуновенію вѣпра подвластны. Крикѣ и испуленія сердитаго человѣка имѣютѣ иногда иную причину, которую весьма стараетѣ онѣ скрывать отѣ другихѣ, и вѣ которой часто и самѣ себѣ прямо не признаетѣся. Кшо чувствуетѣ малость своихѣ знаній, слабость доказательствѣ и слѣдовательно маловажность своего мнѣнія, шотѣ надеется крикомѣ достигчь того, чего бы иначе получитьь не могѣ; находитѣ удовольствіе вѣ томѣ, что онѣ по крайней мѣрѣ заставилѣ выслушатѣ себя, и былѣ вѣ состояніи принудить того замолчатѣ, кого не могѣ оспорить; или что могѣ сдѣлатѣ оспановку вѣ такомѣ рѣшеніи, которымѣ управлять былѣ не вѣ состояніи.

Подобную ярость многіе позволяють себѣ проливѣ своихѣ домашнихѣ: они чувствуютѣ свое невѣжество, видятѣ слабоуміе свое; однакожѣ спараютѣся гнѣ-

вомъ своимъ по крайней мѣрѣ не допус-
спить, чѣмъ имъ оказано было пре-
зрѣніе, зная, что оно должно ихъ пре-
слѣдовать. И такъ они думаютъ, что
въ самомъ дѣлѣ господствуютъ, видя
что имъ угождаютъ въ какой нибудь
ихъ глупости, хотя бы то было только
изъ опасенія, чѣмъ неисполненіемъ
ихъ желанія не подашь имъ повода надѣ-
лать еще большихъ глупостей.

Должно признаться, что всѣ сіи
различныя причины ко гнѣву равно силь-
ны. Всякому прискорбно видѣть себя
въ совершенномъ пренебреженіи, по чему
и должно позволить искать какихъ ни-
будь способовъ къ приданію себѣ нѣко-
торого достоинства и стараться за-
мѣнить недослапокъ важности гнѣвли-
востію. Но по внимательномъ разсмо-
трѣніи, найдено будетъ, что такія
поступки, хотя и весьма обыкновенныя,
не приносятъ выгодъ, которыя могли
бы замѣнить ихъ нелѣпость. Человѣкъ
не можетъ крикомъ и шумомъ пере-
менить ни чьего мнѣнія, ниже принудить
къ тому кого либо, кромѣ зависящихъ
отъ него по природѣ или по обстоя-
тельствамъ. Пребывая постоянно въ
своей жестокости, можно пугать своихъ
дѣшей,

дѣшей, или мучить домашнихъ; но въ другихъ будешь возбуждать только смѣхъ, и наконецъ увидишь, что возбуждаешь только презрѣніе и ненависть, такія чувствованія, которыхъ мудрость и добродѣтель никогда внушаютъ не пожелаютъ. Такой человекъ величается тѣмъ, что его боялся тѣ люди, которыхъ любовь всякой разумной человекъ ласкою приобращаетъ старается; онъ долженъ довольствоваться шоржествомъ своимъ, заставляя покоряться себѣ тѣхъ, кто проповишься ему не въ состояніи. Но ему надлежало бы видѣть, что страхъ, причиняемый его присутствіемъ, происходитъ не отъ почтенія къ его мужеству, но отъ опасенія жестокости его, и что онъ лишается счастья быть любимымъ, не получая даже и той печальной чести, чтобы его боялись.

Человекъ, предающийся часто сей мятежной страсти, подвергается еще другому печальному слѣдствію; а именно въ короткое время она становится привыкомъ и загарается съ непреодолимою силою безъ всякихъ признаковъ, которые могли бы предвозвѣщать сей припадокъ, такъ, что и самъ онъ не въ состояніи предвидѣть наступленіе онаго.

При

При самомъ малѣйшемъ признакѣ оскорбленія находить уже онъ поводъ разсердиться, совсѣмъ неспособенъ бываетъ удержатъ гнѣвъ свой до полнѣ, пока совершенно увѣрился въ томъ, что другой подлинно имѣлъ намѣреніе обидѣть его, и не въ состояніи уменьшать силу сего чувствованія по мѣрѣ возбуждающаго оное предмета, и покоряетъ его правиламъ благоразумія и должности. Заразившійся однажды симъ ядомъ спавши на ненавистнѣйшимъ и купно несчастнѣйшимъ человѣкомъ. Онъ самъ не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что при первомъ свиданіи не удалилъ отъ себя любезнѣйшаго своего друга какимъ нибудь внезапнымъ изъявленіемъ своея страсти; или что при самомъ легкомъ противорѣчіи не удержится отъ какихъ нибудь оскорбительныхъ словъ, которыя никогда совсѣмъ забыты бытъ не могутъ. Живущій съ нимъ живетъ въ недовѣрчивости и безпокойствѣ, подобно, какъ человѣкъ играющій съ приученнымъ шигромъ, который всегда долженъ ожидать той минутой, въ которую сей неукротимый звѣрь начнетъ злиться.

Одинъ славный Англійской спикеръ въ похвальной рѣчи нѣкоторому Герцогу

Герцогу упоминаетъ, что домашніе его обыкновенно старались попадаться ему, когда онъ бывалъ сердитъ, увѣрены будучи, что послѣ награждены будутъ за всякую несправедливость, какую отъ него потерпятъ. — Такова есть жизнь сердитаго человѣка! Онъ дѣлаетъ въ ярости своей такія дѣла, за которыя добродѣшель, еслии онъ еще имѣетъ ее, по возвращеніи разсудка обязываетъ его плашиться; онъ проводитъ дни свои въ томъ, чтобъ обижать и просить прощенія, причиняя вредъ и замѣняя оный. Еслижъ, проливъ чаянія, онъ сколько ожесточился, что въ состояніи будетъ стараться оправдывать несправедливость для того только, что имъ она сдѣлана, такая нечувствительность не послужитъ ни къ похвалѣ его, ни къ счастью: онъ будетъ только прибавлять глупость съ намѣреніемъ ко глупости безъ намѣренія; будетъ увеличивать грубость свою непоколебимымъ упрямствомъ, и лишится единственнаго извиненія, которымъ могъ бы снискивать себѣ прощеніе и терпѣніе отъ живущихъ съ нимъ.

Но мы должны только жалѣть и о сей степени нравственнаго поврежденія,

ибо рѣдко остается оно безъ наказанія: Нѣтъ ничего презрительнѣе и купно несчастнѣе старости сердитаго человѣка. Когда бодрость молодости его оставитъ, и когда лишится онъ вкуса въ забавахъ, не имѣющихъ уже для него новости, гнѣвъ, который чувствовалъ онъ только при случаяхъ, превращается съ ущербомъ силъ его въ навѣкъ и мрачный нравъ: всѣ отъ него убѣгають, и оставляють его, какъ говоритъ Гомеръ, пожирать собственное свое сердце въ уединеніи и презрѣніи.

Садоводство.

Предметъ садоводства есть размноженіе растений, приведеніе ихъ въ лучшее состояніе и придаваніе имъ большей красоты. Человѣкъ, занимающійся хожденіемъ за растеніями, получаетъ за труды свои обильную награду. Подъ нѣжнымъ только климатомъ Натура сама собою, нѣжные плоды производитъ. Въ суровомъ климатѣ плоды лѣсные пріятности не имѣють; краски цвѣтовъ единообразны, и кратко время, въ которое Натура является въ прекрасномъ своемъ

своёмъ убранствѣ. Прилѣжаніе человѣческое должно здѣсь вспомошествовать ей, дабы удовольствіе свое и наслажденіе умножать и возвышать. И по истинѣ удовольствіе его весьма увеличивается, когда его труды награждены бывающѣмъ щасливымъ успѣхомъ. Для такого человѣка, который цѣлой день окруженъ бываетъ дѣлами рукъ человѣческихъ, который въ спѣнахъ шѣсной комнаты своей не чувствуетъ живительнаго вліянія, производимаго зрѣлищемъ прекрасныхъ дѣлъ Вожіихъ — для такого человѣка нѣтъ лучшаго упражненія, которымъ могъ бы онъ въ свободные часы заниматься, какъ хожденіе за деревомъ, или за цвѣткомъ. Какую великую выгоду получаетъ отъ онаго здравіе! какая выгода для чувствованія чистой радости и простой красоты! Когдажъ онъ сниметъ плодъ со своего дерева, когда выведенный имъ цвѣтокъ распушится, тогда сугубо наслаждается онъ всѣми прекрасными утренняями и вечерними часами, которыми наслаждался, когда сажалъ и поливалъ, истреблялъ негодную траву и подчищалъ. Работающій за деньги сего не чувствуетъ; но и пошѣ чувствовать сего не способенъ, кто на-
нимаетъ

нимаешъ другихъ работашъ, а самому себѣ почитаешъ за непристойное приняться за такую работу.

Иногда насмѣхаюся надъ охотниками до цвѣшовъ, употребляющими великія суммы на такую маловременную красоту. Сія насмѣшка несправедлива, естли употребляющій сіи суммы покупаетъ себѣ удовольствіе поль дорогою цѣною безъ нарушенія вышшихъ должностей. Справедлива она тогда, естли издержки сіи превращаются въ мотовство. Употреблять на такія вещи, безъ коихъ обойтись можно, болѣе иждивенія, нежели сколько попеченіе о своемъ семействѣ и сожалѣніе о нуждающемся ближнемъ позволяющъ, есть мотовство — какой бы ни былъ его предметъ, дорогая ли книга или великолѣпный нарядъ, прекрасная ли картина или древняя гемма, дорогая мебель или драгоценный камень, сполѣнее вино или рѣдкой цвѣшокъ.

О стыдливости и смѣлости.

(Изъ Англійскаго Спектатора.)

Я не знаю другихъ двухъ словъ, которыя были бы столько злоупотребляемы разными и ложными толкованіями, какъ *стыдливость* и *смѣлость*. Назвать кого нибудъ *стыдливымъ* человекомъ, нѣкогда принимаемо было за похвалу; но нынѣ сіе названіе вѣсьма часто употребляется для означенія робкаго человека и невѣжды, не умѣющаго вести себя пристойнымъ образомъ и не знающаго свѣтскаго обращенія.

Равнымъ образомъ и названіе *смѣлой* *человѣкъ*, означавшее сперва только человека поступающаго свободно и откровенно, нынѣ почти обыкновенно приписывается наглomu повѣсѣ, могущему не краснѣясь нарушать всѣ правила благопристойности и нравственности.

Сего ради въ слѣдующемъ разсужденіи постараюсь я возвратить симъ словамъ истинной ихъ смыслъ, чшобы понятіе о стыдливости не смѣшиваемо было съ понятіемъ о робости, и чшобы безстыдства не принимали за смѣлость.

Если бы надлежало мнѣ сдѣлать опредѣленіе стыдливости, то я назвалъ

бы ее „дѣйствиємъ добро любящей души въ такомъ случаѣ, когда человекъ сдѣлалъ дѣло, за которое самъ себя осуждаетъ, или думаетъ быть подверженъ сужденію другихъ.“

По сей причинѣ истинно стыдливой человекъ бываетъ таковъ и одинъ и при людяхъ; стыдится и въ своемъ кабинетѣ такъ же, какъ бы глаза множества народа на него были обращены.

Я не помню другаго примѣра стыдливости, который бы мнѣ сполькожъ понравился, какъ славный примѣръ одного молодого Принца, котораго отецъ былъ Царь, плащившій дань Римлянамъ. Римскому Сенату принесены были многія жалобы на сего Царя въ тиранствѣ и утѣсненіи подданныхъ. Принцъ пріѣхалъ въ Римъ, защищать отца своего; но пришедши въ Сенатъ и услышавъ множество преступленій, въ которыхъ его обвиняли, приведенъ тѣмъ былъ въ такое смяшеніе, когда надлежало говорить въ его пользу, что не могъ сказать ни одного слова. Исторія повѣствуетъ, что Сенаторы болѣе пронуны были симъ примѣромъ стыдливости и добронравія, нежели бы могли быть пронуны самымъ жаркимъ краснорѣчіемъ, и скоро

скоро простили виноватаго отца за надежду добродѣтели въ сынѣ, какую подавалъ онѣ въ шоль молодыхъ лѣтахъ.

„Смѣлость почишаю я способностію владѣть самимъ собою, или говорить и дѣлать все обыкновенное безъ неловкости и смущенія.“ Человѣкъ вообще получаетъ смѣлость отъ достачнаго знанія свѣтскаго обращенія, паче же всего отъ швердаго и рѣшительнаго намѣренія не дѣлать ничего противъ правилъ честности и благоприсойности. Свободныя и смѣлыя поступки суть натуральное слѣдствіе такого рѣшительнаго намѣренія. Хотя слова или дѣла вооруженнаго онымъ человека и бывающъ иногда ложно располкованы; однакожъ онѣ уклоняется въ самого себя, и въ чувствованіи невинности своей почерпаетъ довольно силы, чшобъ презирашь малозначащіе шолки невѣжества или злобы.

Всякой можетъ питать и ободрять въ себѣ такую стыдливость и такую смѣлость, о которыхъ мы здѣсь говоримъ.

Человѣкъ безъ смѣлости удобно можетъ приведенъ бытъ въ замѣшательство глупостію или злонравіемъ всякаго, съ кѣмъ ему случится имѣть дѣло. Че-

ловѣкъ безъ стыдливости совсѣмъ не способенъ къ чувствованію честности и добродѣтели.

Вышепомянутый Принцъ безъ сомнѣнія имѣлъ оба сіи качества въ превосходной степени. Безъ смѣлости никогда не предпринялъ бы онъ говорить предъ знаменитѣйшимъ въ мірѣ собраніемъ; безъ стыдливости защищалъ бы онъ предпринятое дѣло, сколь бы по поносно ни было.

Изъ сказаннаго мною явно, что и стыдливость и смѣлость любви достойны и весьма удобно могутъ быть вмѣстѣ въ одномъ человѣкѣ. Будучи такимъ образомъ совокуплены и смѣшаны, составляютъ онѣ то, что назовемъ мы *стыдливою смѣлостію*, разумѣя подъ симъ почную средину между застенчивостію и безстыдствомъ.

Я заключаю сіе примѣчаніемъ, что какъ одинъ человѣкъ можетъ быть и стыдливъ и смѣлъ, такъ же одному человѣку возможно быть купно и безстыдно и застенчиву.

Мы часто видимъ примѣры сего страннаго смѣшенія въ злонравныхъ и худо-воспитанныхъ людяхъ. Они хощя не могутъ смотрѣть въ глаза человѣку,
или

или выговорить слово безъ замѣшательства, но въ состояніи по своей волѣ дѣлать самыя гнусныя или самыя неблагоприсойныя дѣла.

Такіе люди, кажется, рѣшились дѣлать зло вопреки самимъ себѣ и съ преодоленіемъ всѣхъ затрудненій и препятствій, которыя самой темпераменту ихъ и свойство имъ дѣлаютъ.

Наконецъ выведу я слѣдующее правило: „Исполненіе добродѣтели есть самый удобнѣйшій способъ къ сообщенію человѣку присойной смѣлости въ словахъ и поступкахъ. Порокъ всегда стараются закрываться копорю нибудь изъ двухъ крайностей, иногдажъ и обѣими сопровождается.“

Описаніе жилища Надежды.

(Изъ Англійскаго періодическаго изданія:
Бродяга.)

Нѣтъ иной спраси, копорой бы мы столько предавались, какъ надеждѣ. Другія спраси дѣйствуютъ только при особливыхъ случаяхъ, или повремениамъ; но надежда обладаетъ нами съ той са-

мой минушы, какъ скоро начинаемъ бышь въ состояніи сравнивать настоящія наши обстоятельство со всякими другими возможными обстоятельствоми; она сопровождаетъ насъ во всякихъ случаяхъ и во всякихъ лѣтахъ, непрестанно вдыхая въ насъ желаніе обладать какимъ нибудь новымъ предметомъ, показывая намъ вдали выгоды, и наконецъ обѣщая намъ либо помощь въ несчастіяхъ, либо увеличеніе благополучія.

Надежда необходимо нужна всякому состоянію: безъ нея злыя слѣдствія бѣдности, болѣзни и пѣна были бы не-сносны; и кажется даже, что самый щастливѣйшій жребій въ здѣшней жизни не препятствуетъ имѣть нужду въ семъ общемъ благополучіи, и что человекъ, надѣленный изобильнѣе всѣхъ дарами природы и щасія, не можетъ быть благополученъ, естли не ободряется и не подкрѣпляется надеждою какого нибудь новаго обладанія, или какого либо будущаго наслажденія, которое могло бы наконецъ удовлетворить его желаніямъ и все пространство сердца его наполнить.

Безъ сомнѣнія надежда весьма обманчива и рѣдко обѣщанія свои исполняетъ.
Но

Но и сіи обѣщанія пріятнѣе самыхъ даровъ щастія; и она рѣдко обманываетъ насъ, не увѣривъ, что наградишь за по самыми величайшими знаками своея благосклонности.

Недавно размышляя я о сей странной склонности человѣческой обманывать самого себя, и рассуждалъ о выгодахъ и прошивныхъ слѣдствіяхъ, производящихъ отъ того, что мы будущее представляемъ себя въ пріятномъ видѣ. Въ сихъ размышленіяхъ заснувши, увидѣлъ я себя вдругъ перенесеннаго въ великой садъ, кошорого пространства всего обозрѣшь я не могъ. Каждая часть онаго освѣщается была чистѣйшими солнечными лучами; повсюду распространялось пріятнѣйшее благовоніе. Земля украшена была смѣющимися весенними цвѣтами, и гармоническое пѣніе пѣвцовъ Напуры вездѣ раздавалось. По прошествіи перваго восхищенія, въ какое приведенъ я былъ вдругъ симъ зрѣлищемъ, собравъ чувства мои и начавъ разсмапривать прелестныя сіи мѣста съ рассужденіемъ, примѣшилъ я, что мнѣ надлежало ожидать еще большихъ пріятностей, и что весьма въ близкомъ отъ меня распояніи надлежало бытъ цвѣтамъ еще пре-

Ж 4

кра-

краснѣе, фонтанамъ чище, деревьямъ пріятнѣе, и пшицамъ истощать всѣ прелести голосовъ ихъ. Деревья вокругъ меня покрыты были прекрасною зеленью, и цвѣты весьма пріятной запахъ испускали; но я не могъ удержаться, чшобъ не пойти далѣе, видя вѣ нѣкоторомъ отъ меня разстояніи прекрасные плоды, которые, казалось, для того только и висѣли на деревьяхъ, чшобъ я могъ ихъ сорвать. Я побѣжалъ шуда; но чѣмъ далѣе я бѣжалъ, находилъ, что прекрасные цвѣты исчезали, когда я приближался; плоды упали прежде, нежели я могъ ихъ достать; пшицы продолжали свое пѣніе, но отъ меня улетали. Однакожъ не ошпанавливаясь, видѣлъ я вдали пріятности, которыми не могъ наслаждаться, и которыя казались бѣгущими отъ меня.

Хотя такая непрестанная перемѣна ободренія и неудачи смущала меня; однакожъ я шелъ далѣе, надѣясь достичь наконецъ сихъ бѣгущихъ пріятностей. Шедши долго, увидѣлъ я безчисленное множество людей всякихъ лѣтъ и обоехъ половъ, которые по видимому всѣ наслаждались одинакимъ благополучіемъ; ибо у всѣхъ веселость изображена была

на

на лицѣ, и радость у всѣхъ изъ глазъ сіяла; но при томъ казалось, что всякой имѣлъ еще особенное и шайное удовольствіе, котораго другимъ сообщить не хотѣлъ. Судя по скорости, съ какою большая часть сихъ людей взадъ и впередъ ходили, заключилъ я, что они не имѣютъ времени на удовлетвореніе любопытству незнакомаго человѣка, и по тому нѣсколько времени довольствовался только смопрѣшь на нихъ, не останавливая ихъ скучными вопросами. Наконецъ увидѣлъ я престарелаго человѣка, который былъ уже не въ состояніи суешишься вмѣстѣ съ полною прочихъ. Я думалъ, что онъ имѣетъ болѣе досугу, и подошелъ къ нему; но онъ опшоршился опѣ меня съ досадою, сказавъ мнѣ, чтообъ я его не беспокоилъ; ибо онъ шрудами своими дошелъ напоследокъ до славнаго отккрытія, которое впредъ избавишь уже несчастныхъ жителей Африки отъ тягостной работы въ золотыхъ минахъ.

Я оставилъ сего старика и подошелъ къ другому человѣку, котораго ласковый видъ подавалъ мнѣ надежду, что онъ меня лучше приметъ. Но онъ съ великою учпивостію сказалъ мнѣ,

что во всякое другое время за первое счастье в жизни почитаетъ, имѣть случай сдѣлать мнѣ услугу, кромѣ самой этой минутой, ибо онъ долженъ спѣшить, чтобъ не лишиться мѣсяца, котораго искалъ уже двадцать лѣтъ. Я подошелъ къ другому, шедшему за нимъ; но онъ спѣшилъ получить наследство послѣ дяди, которому по общему печенію Напуры уже не долго жить оставалось. Слѣдовавшій за симъ готовился съ изобрѣтенною имъ машиною опускаться въ воду, искать сокровища. Другіе заняты были иными дѣлами.

И такъ получая отказъ отъ всякаго, къ кому я ни подходилъ со своими вопросами, началъ я думать, что мнѣ лучше перестать спрашивать, и наблюдать самому. Но будучи молодъ, слѣдовательно имѣя живость и легкость сего возраста, я рѣшился еще сдѣлать покушеніе, и узналъ, что я нахожусь въ саду Надежды, дочери Желанія, и что все сіе множество людей, бѣгающихъ около меня съ такою суевливостію, возбуждаемо будучи ее обѣщаніями, помогало получать дары, которыя она въ рукахъ своихъ держала.

Поднявъ глаза, увидѣлъ я на горѣ Богиню, сидящую на прони и украшенную сіаніемъ юности. Вокругъ ея находились всѣ дары Щастія и всѣ удовольствія, какія только въ жизни вкушать возможно. Она улыбалась, и каждой изъ зришелей воображалъ себѣ, что улыбка ея къ одному только ему относилась, хотя она вообще и равно на всѣхъ была обращена. Въ семъ мѣстѣ онъ поржесшествовалъ о превосходствѣ своемъ предъ другими, копорымъ равная ошибка пакующъ подавала надежду и пакующъ гордость внушала.

По томъ взошелъ я на возвышенное мѣсто, откуда могъ обозрѣть все проспранство саду и удобно видѣть, что всѣ бывшіе тамъ дѣлали. Я примѣнилъ съ сего мѣста, что въ садѣ Надежды входятъ двумя ворошами, изъ копорыхъ у однихъ споялъ на спражѣ *Разсудокъ*, а у другихъ *Воображеніе*. Разсудокъ былъ спрогъ и склоненъ къ подозрѣнію; онъ рѣдко отворялъ вороша, не сдѣлавъ напередъ приходящему многихъ вопросовъ. Но Воображеніе было ласково и привѣпливо; его вороша всегда была отворены, и оно принимало равно всѣхъ приходившихъ въ ту часть саду,

кошо-

кошорая была подѣ его смотрѣніемъ; по чему сей входъ наполненъ былъ множествомъ людей, которые боялись вопросовъ Разсудка, или кошорыхъ онъ уже не впустилъ въ свои ворота.

Отъ воротъ Разсудка вела къ проу Надежды пропинка неровная, скользкая, со множествомъ обходовъ, кошорая называлась *стежею Трудности*, и по кошорой вошедшіе въ садъ съ позволенія Разсудка шуда пройши спарались. Сначала они смотрѣли на сію дорогу не уважая трудностей, но пошедши по ней, находили непредвидѣнныя препятствія и часто должны были оспанавливаться въ такихъ мѣстахъ, гдѣ думали найти удобной и одинакой путь. Множество обходовъ приводило ихъ въ упомленіе; часто они оступались и запусывались въ разсавленныхъ имъ сѣтяхъ. Опасности, кошорымъ они подвергались, были поль спрашны, и несчастія случались поль часто, что многіе оспавляли свое намѣреніе; другіе падали посреди дороги; весьма полько немногихъ Отважнрсть доводила до прона Надежды. Но и между сими большая часпъ, получивъ обѣщанные Надеждою дары, жалѣли о понесенныхъ ими труддахъ,

дахъ, и при самомъ успѣхѣ досадовали на то, что обманулись въ своемъ ожиданіи. Прочіе уходили съ полученнымъ награжденіемъ, и Мудрость провожала ихъ въ кусты Удовольствія.

Обратившись къ ворошамъ Воображенія, увидѣлъ я, что ошъ сихъ ворошъ не было никакой дороги къ прону Надежды. Хопя сія Богиня показывалась во всемъ своемъ великолѣпнн входящимъ въ сіи вороша и повидимому предшавляла имъ дары свои съ охопю, что воспламеняло всѣ сердца живою ревностію; но гора ея, по причинѣ крутизны, съ сея стороны была совсѣмъ неприслупна, однакожъ пакъ украшена и прикрыша пѣнью, что никшо не могъ сомнѣваться въ возможности взойти на оную, и всякой думалъ, что онъ нашелъ пущь, другимъ не извѣстный. Сіи неушомимые люди покушались всходить разными способами; нѣкошорые даже придѣлывали себѣ крылья. Но со всѣми шрудами и при всемъ ихъ искусствѣ, они весьма мало ошъ земли поднимались, и къ прону Надежды никогда приближиться не могли. Однакожъ они не шеряли его изъ виду вдали, и смѣялись надъ

надѣ медленнымъ успѣхомъ шедшихъ съ великимъ усиленіемъ по спезѣ Трудности.

Нѣкоторые изъ любимцовъ Воображенія, вошедши въ садъ, ни мало не старались взобраться на вершину горы, такъ, какъ прочіе, но уходили прямо въ долину *Лѣности*, гдѣ Надежда оставалась еще у нихъ въ виду, и имъ всегда казалось, что она намѣрена немедленно сойти въ ихъ убѣжище. Они подвержены были насмѣшкамъ другихъ; но презрѣніе, увѣщанія и упреки весьма мало ихъ прогали; ибо они рѣшились дожидаться даровъ Богини въ покоѣ.

Я сошелъ къ симъ веселымъ людямъ. Они гоповы были опшѣчашъ на всѣ мои вопросы и сдѣлашъ меня участникомъ своего веселія. Но оборотившись, увидѣлъ я двухъ спрашныхъ чудовищъ, вошедшихъ въ долину: одно изъ нихъ было *Старость*, а другое *Нужда*. Игры и пріятность удалились; повсюду раздался крикъ ужаса и скорби, и разбудилъ меня.

С к у п о й.

„Великой Боже! говорилъ нѣкогда скупой вздыхая: есъ у меня имѣннш-ко, но я желалъ бы еще больше. Не для того, чтобъ запереть сокровище навсегда въ сундукъ; не для того, чтобы предъ людьми щеславиться, ибо никшо лучше меня суешы пышности не знаетъ; но для того желалъ бы я больше имѣння, чтобъ въ состояннн бытъ больше добра дѣлать. Тогда былъ бы я опцомъ всѣхъ бѣдныхъ; всѣ несчастные находили бы у меня ушѣшеніе, и ни одного не оппустилъ бы я опъ себя безъ помощи. „

Юпитеръ услышалъ желаніе недовольнаго имѣннемъ своимъ, и вдругъ нашелъ онъ въ сундукъ у себя безсчешное сокровище. Чья радость могла сравнишься съ радостью скупаго! Онъ не могъ насмотрѣшься на деньги, и павъ на колѣни, благодарилъ Юпитера за его благосшь.

Какъ скоро первой воспоргъ миновался, услышалъ онъ спукъ у дверей и незнакомый голосъ. „Милосердой человекъ! говорилъ нѣкто вздыхая: подай милоспыню бѣдному несчастному, ко-
рый

рый долго лежалъ въ болѣзни, и не въ состояніи уже доставать себѣ пропитаніе работою рукъ своихъ.,,

Скупой отворилъ двери, но сердце его предъ несчастнымъ зашворилось. Онъ забылъ свое обѣщаніе, и подалъ бѣдному — что? — кусокъ заплеснѣвелаго хлѣба.

* * *

Благодѣтельному человеку не нужны для благошворенія великія сокровища. Хотя самъ онъ мало имѣетъ, но всегда находить довольно, чѣмъ дѣлать щастливыми другихъ, которые и его еще бѣдятъ. Ибо добродѣтель сія не въ кошелькѣ, но въ сердцѣ обитаетъ.

что просвѣщенный разумъ и красавицѣ и некрасавицѣ равно нуженъ.

Мать Августы сама ее кормила. Августа никогда не имѣла упрямой или лукавой няньки; никогда не видала она поступокъ по инымъ правиламъ, кромѣ правилъ нѣжности, и съ нею самой всегда по такимъ же правиламъ поступали; она не знала, что можно иначе думать, нежели говорить; также не знала даже, что есть между людьми бранныя слова. — Въ такомъ чистомъ сердцѣ мать Августы насаждала свои правила, и не удивительно, что сіи правила укоренились и современемъ сдѣлались непоколебимы.

Главное содержаніе наставленій матери ея было то, что добродѣтель состоитъ не въ суровомъ видѣ, но въ невинности, а прелести молодой дѣвицы не въ красотѣ, но въ скромности. Она твердила ей, что великолѣпный нарядъ не столько нравится, какъ модной, а модной не столько, какъ выбранной совкусомъ; но чистота въ комнатахъ и въ столѣ нравится еще больше всякаго наряда. Августа получала небольшой выговоръ, когда по неосторожности разбивала стаканъ или чашку, но должна была дни два или болѣе обѣдать одна
въ

въ углу, когда случилось ей выговорить подлое слово. Мать ея почитала подлымъ всякое слово иротивное благопристойности, хощя бы оно и употребительно было. у людей ѣздящихъ въ каретахъ. Августа бывала наказана, естли оказывала презрѣніе служанкѣ; но столь же строго бывала наказана и за то, когда всступала со служанкою въ пустые разговоры.

Августѣ было восемь лѣтъ отъ роду; какъ въ одинъ праздничный день, въ холодную погоду, подошла къ ея окошку маленькая дѣвушка босая, и просила милосшыни.

„Ахъ, Боже мой! не уже ли ты не озябла?“, спросила Августа съ сожалѣніемъ.

„Какъ не озябнуть!“, отвѣчала дѣвушка, дрожа отъ стужи.

„Вотъ, возьми себѣ!“, сказала Августа, снявши съ ногъ новые свои шелковые башмаки, и опдала ихъ бѣдной дѣвушкѣ.

Дѣвушка упала передъ нею на колѣни, взяла башмаки, и по томъ побѣжала съ радостнымъ крикомъ. — Августа также съ радостнымъ крикомъ побѣжала къ матери въ однихъ чулкахъ, и

просила себѣ старыхъ своихъ башмаковъ.

Мать ея весьма рѣдко подавала милостыню нищимъ, бродящимъ по улицамъ; но шѣмъ чаще помогала она несчастнымъ, о которыхъ случалось ей узнать, что они подлинно въ бѣдности спраждуютъ. Всѣ такія подавнія она дѣлала чрезъ Августу. Ей хотѣлось, чтобъ Августа и бѣдствія человѣческія узнавала, и привыкала бы находить удовольствіе въ томъ, чтобъ другимъ дѣлать радость. Августа имѣла деньги, которыхъ могла употреблять по своей волѣ. Она отдавала бѣднымъ опцамъ и маперямъ то, что мать ея къ нимъ посылала; а дѣтей ихъ надѣляла изъ своихъ собственныхъ денегъ. Деньги никогда не велись у нее долго, сколько бы мать ея ни доставляла ей новыхъ доходовъ.

Нѣкогда день рожденія маперы приближался, а казна Августина совсѣмъ истощилась. Августа подошла къ своему комоду, выдвинула ящикъ, въ которомъ уложены были ея хорошія куклы по порядку, вынимала одну послѣ другой, положила ихъ опять съ печалью и заперла ящикъ. Но чрезъ минушу она во-
роши-

рошилась, пересматривала еще свои куклы, взяла самую худую, положила ее опяшь, взяла другую получше, и наконецъ выбрала самую лучшую; поцѣловала куклу, и побѣжала съ нею къ своей служанкѣ.

„Машинька, сказала она: поди поскорѣе, продай эту куклу. Мнѣ хочется сдѣлать мамушкѣ подарокъ въ день ея рожденія. Да бѣги же скорѣе, чипобы я куклы больше не видѣла. Я уже знаю, что мамушкѣ лучше всего будетъ угодно.“

Однакожъ она еще взяла куклу, поцѣловала ее, проспилась съ нею и убѣжала. Служанка опнесла куклу къ матери. Мать купила ее, и послала Августа червонецъ. Августа, получивъ червонецъ, выпросила позволеніе повидаться со своею подругою, и вмѣстѣ съ нею купила вещицъ, которыя хотѣла подарить матери. Въ день рожденія Августа принесла къ матери свой подарокъ, и просила принять его.

„Видно, что у тебя много было денегъ, сказала мать.

„Да, отвѣчала Августа запинаясь, — у меня были деньги.“

„Конечно ты ихъ очень берегла? продолжала мать. „Я весьма довольна своимъ подаркомъ.„

„Не вправду ли, мапущка?„ спросила Августа съ радостію.

„Но охотно ли ты все это мнѣ даришь?„

„Ахъ, мапущка! сказала Августа, упавъ къ ней на колѣни и заплакавъ: „я Юлію мою продала.„

Мать поцѣловала ее, ушла въ другую комнату, и залилась слезами. Съ того времени не праздновала она никогда день своего рожденія не вспомнивъ о проданной Юліи; и можно представить себѣ, сколько сіи и другіе пакіежъ случаи ободряли ее стараться о образованіи сердца и разума Августы.

Августа научена была всему, что прилично было ея состоянію, и на тринадцатомъ году начала уже подъ надзираніемъ матери заниматься хозяйствомъ,

По большей части со старыми няньками случается то же, что и со всѣми угадчиками: весьма часто онѣ ошибаются, но иногда говорятъ правду. На сей разъ предсказаніе нянекъ сбылось, Черны лица Августина развились и ушвер-

упердились, румянецъ спалъ нѣжнѣе, глаза оживились; спанъ ея былъ самой прекраснѣйшій спанъ; однимъ словомъ, она спала красавицею. —

Дополь Августа не имѣла знакомства съ мужчинами, кромѣ нѣкоторыхъ ближнихъ родственныхниковъ. Она дѣлала щасливымъ только небольшой кругъ пріятельницъ, въ которомъ миръ, довѣренность и веселіе владычествовали. За каждую изъ сихъ пріятельницъ отдавала бы она жизнь свою, и всѣми ими нѣжно была любима.

Не удивительно, что Совѣшница мало по малу начала гордиться своею дочерью. Похвалы Августину воспишанію, великое щастіе, какое всякой предвѣщалъ Августъ, общее желаніе всѣхъ знакомыхъ, чтобъ мать ея не лишала и другихъ удовольствія бытъ знакомыми съ нею, — все сіе возбудило наконецъ щеславіе въ доброй сей женщинѣ. Она рѣшилась пожертвовать уединеніемъ щастію своей дочери, и начала въ другой разъ показываться въ большемъ свѣтѣ съ Августою.

Лишь только Августа показалась, какъ вниманіе всѣхъ къ ней обратилось. Всѣ хвалили ея красоту, разумъ и до-

брое сердце. Добродушная мать весьма довольна была шѣмѣ, что послѣдовала совѣту своихъ знакомыхъ; Августажъ радовался тому, что ея взоры, казалось, повсюду живость и удовольствіе распротраняли.

Она имѣла природное чувствованіе, которое при всякомѣ случаѣ научало ее, какѣ ей вести себя должно. Едва только въ претій разѣ показывалась она въ большихъ собраніяхъ, къ которымѣ она споль еще не привычна была, какѣ уже самыя разумнѣйшія матери представляли ее дочерямѣ своимѣ въ примѣрѣ непринужденнаго поведенія. Вскорѣ Августа всѣми признаваема была за одну изѣ совершеннѣйшихъ дѣвицѣ, какихѣ только найти можно.

Многіе начали стараться получить руку Августы; особливожѣ искали того двое или шрое молодыхъ людей, которые по всему были ея достойны. Но Августа не могла рѣшиться оставить такѣ скоро свободу, которою наслаждалась она съ такою опличностію; мать же ея ласкалась надеждою, что дочери ея предстоялѣ еще щасливѣйшій жребій.

Авгу-

Августѣ исполнилось дватцать лѣтъ отъ роду, и она наслаждалась почтеніемъ отъ всѣхъ и доброю славою, какъ женился одинъ изъ ея родственниковъ. Августа и мать ея были на свадьбѣ и сдѣлали при семъ случаѣ нѣсколько новыхъ знакомствъ.

На третій день послѣ того пріѣхалъ къ нимъ молодой Графъ С*. Онъ танцовалъ на свадебномъ балѣ съ Августою и имѣлъ случай оказать ей небольшую услугу.

Графъ былъ достойный любви молодой человѣкъ. Поведеніе его и матери и дочери нравилось. Изъ учтивости просили его продолжать свои посѣщенія, что онъ и дѣлалъ весьма часто. Черезъ нѣсколько времени просилъ онъ позволенія привезти съ собою одного родственника своего. Сіе позволеніе дано ему было съ удовольствіемъ. Родственникъ его скорѣ по томъ ввелъ къ нимъ въ домъ своего пріятеля, а послѣ еще своего. Такимъ образомъ въ годъ непримѣнно соснавился около Августы кругъ изъ знашнѣйшихъ въ городѣ молодыхъ людей. На послѣдокъ всякой, кто былъ знакомъ въ домѣ Совѣшницы могъ привезти съ собою своего знакомаго, и

положены были дни и часы, въ которые бывало у нее какъ бы публичное собраніе: разговаривали, пѣли, занимались невинною игрою, въ которой всякой могъ брать участіе. Поведеніе матери и дочери внушало молодымъ людямъ почтеніе къ нимъ, и нѣкоторыя чрезъ долгое время послѣ признавались, что они многимъ обязаны были сему дому въ разсужденіи своихъ нравовъ.

Между тѣмъ Августа не оставяла домашняго хозяйства; но занималась онымъ съ такимъ порядкомъ, что всегда оставалось ей время на общественыя увеселенія и на чтеніе. Въ кругѣ столь многихъ молодыхъ людей она вела себя со всею возможною осторожностію. Никогда не принимала она подарковъ, которые можно бы назвать подарками; не имѣла ни съ кѣмъ переписки и тайныхъ свиданій. Рѣдко случалось найсти ее въ праздности, или одну безъ матери, съ ея знакомыми. Она обходилась со всѣми одинаково. Короче скажемъ, еслибъ Августа всегда жила въ заключеніи и говорила съ людьми только изъ-за желѣзной рѣшетки, и тогда бы ея поведеніе не могло быть невиннѣе, и жизнь непорочнѣе.

Одна-

Однакожь мало по малу злословіе возспавало прошивѣ Августы.

„Когда она явно все это дѣлаешѣ, чегожь не дѣлаешѣ тайнѣ?“, говорили нѣкопорыя госпожи, знавшія по своему опыту, что втайнѣ многое дѣлать можно.

„Не лзя пому спастыся, чшобы бѣдная мать ея все знала, — говорили нѣкопорыя дѣвушки, копорымѣ бы весьма не пріятно было, естлыбѣ ихѣ мащери все обѣ нихѣ знали.

„Бѣдную незнающую дѣвушку можно еще извинить; но мащери это непростительно, — говорили другія, копорыя своимѣ мащерамѣ не желали большой прозорливости.

„Чтожь? Августа человекѣ; и она имѣешѣ чувства!“, — говорили двое молодыхѣ людей, вѣ которыхѣ не примѣшно было, чшобѣ они сами что нибудь еще, кромѣ чувствѣ, имѣли.

„Любовь кѣ ближнему все должна прикрывать, — сказала одна почтенная старушка, и шшчасѣ послала кѣ двумѣ своимѣ пріятельницамѣ, сообщитѣ имѣ новости обѣ Августѣ.

Сначала почипали только *возможнымѣ*, что вѣ домѣ Совѣшницы произходящѣ

ходящѣ шайности; вскорѣ сдѣлалось по *вброятнымъ*, а наконецъ и *завѣрное извѣстнымъ*. Клевета переползала сперва по уборнымъ столикамъ отъ одного къ другому; а на послѣдокъ говорила громко и въ переднихъ и въ гостиныхъ. Никто не слушалъ повѣстей, рассказываемыхъ на щепѣ Августы, съ большимъ удовольствіемъ, никто не разглашалъ ихъ съ большею ревностію, какъ тѣ, которыя будучи на мѣстѣ Августы, вели бы себя иначе, нежели она.

Одинъ молодой человекъ, не низкаго роду, вступившій не за долго предъ тѣмъ въ службу, наслышался о подозрительномъ поведеніи Августы. Онъ привыкъ посвящать половину праздныхъ часовъ своихъ карточной игрѣ, а другую проводить съ такими женщинами, которыхъ только въ случаѣ крайней нужды подлиннымъ ихъ именемъ называютъ. Онъ увидѣлъ Августу въ театрѣ; она понравилась ему чрезвычайно, и онъ сыскалъ случай познакомиться съ ея матерью и съ нею.

Нѣкогда пришелъ онъ къ Августѣ нечаянно и совсѣмъ въ необыкновенное время. Она была одна. Онъ былъ сполько дерзокъ, что хотѣлъ ее поцѣловать. Августа закричала, и ошполкнула его
отъ

отъ себя. Онъ не швердо споялъ на ногахъ, пошатнулся и ударился объ край шкафа, отъ чего оспался у него на лицъ знакъ. Въ шу минушу вошелъ слуга, и Августа ушла въ другую комнату.

На другой день надлежало ему ишпи въ караулъ. Товарищи его спрашивали, отъ чего у него пятно на лицъ? Онъ рассказывалъ случившееся съ нимъ всякому, кто у него спрашивалъ, ничего не скрывая; и въ шотъ же вечеръ весь городъ узналъ, что одинъ офицеръ вышелъ отъ Августы съ ушибенымъ лицомъ. Весь городъ смѣялся: не на щепъ виноватаго офицера, но на щепъ невинной Августы.

„Кто бы осмѣлился выйши изъ благоприспойности, естли бы она сама не подала къ тому случая!“, говорила одна съ величавымъ видомъ.

„Я не хочу осуждать, говорила другая, шумя своимъ опахаломъ: „однакожъ надобно сказать, что излишня вольность до добра не доведетъ.“

„Ахъ, до какова разврату мы дожили! Это ужасно!“, говорила третия, нюхая табакъ, чтобы прогнать ужасъ.

СЪ

Съ того времени пріятельницамъ Августинымъ приказано было опъ матерей ихъ прекрапитъ знакомство съ Августою. Ни одна изъ нихъ не могла бытъ невиннѣе Августы; однакожъ думали, что честь не позволяла имъ имѣть никакого съ нею сообщенія. Совѣтница и дочь ея догадывались о причинѣ сего разрыва; но мать успокоивала себя тѣмъ, что въ домъ ея ничего худого не происходило; а дочь утѣшалась чувствованіемъ своея невинности.

Чрезъ полгода послѣ несчастнаго для Августы приключенія съ офицеромъ, случилось ему играть цѣлой вечеръ въ карты. По окончаніи игры, одинъ изъ его пріятелей спрашивалъ, щасливо ли онъ игралъ?

„Худое щастіе! отвѣчалъ онъ, собирая остальные деньги: „не было удачи.“

„Ха ха ха! бѣднякъ! ему съ полгода ужъ ни въ чемъ нѣтъ удачи, — сказалъ одинъ полстой Роммистръ, и хохоталъ такъ, что окна дрожали.

„Я радуюсь, господинъ Роммистръ! говорилъ шопъ, что вы такъ развеселились. Знаю, о чемъ вы вспомнили. Но виноваты ли мы съ Августою въ томъ, что проклятой слуга вошелъ не кспати?“

„Фи!

„Фи! какъ это дурно!„ — сказалъ другой офицеръ, который сидѣлъ подлѣ Ропмистра и знакомъ былъ въ домѣ Совѣшницы.

„Смѣю ли спросить, государь мой, что вамъ такъ не понравилось?„

„Я говорю, сударь, что дурно безславить честную дѣвицу.

„Дружечикъ мой! я не хочу себя знакомить съ пвоєю роднею, но за по и ты пожалуй не учи меня знашь честныхъ дѣвицъ.„

„Государь мой! не говорите такъ дерзко, или мы перевѣдаемся.„

„А, господинъ рыцарь! со всею охотою!„

„По чеспи, братцы! вамъ надобно послѣмать головы другъ другу, какъ бравымъ рабьямамъ, — сказалъ полетной Ропмистръ, влилъ въ себя спаканъ Бургонскаго, и вызвался быть секундантомъ.

На другой день поссорившіеся вышли на поединокъ. Обидчикъ возвратился домой безъ всякаго вреда, но вступившійся за Августу раненъ былъ въ плечо. Никто при семъ не былъ наказанъ столь жестоко, какъ невинная, ничего худого и въ мысляхъ не имѣвшая Августа. Злословіе

слово противъ нея устремилось, и она сдѣлалась посмѣшищемъ всему городу. Самые добросердечнѣйшіе люди пожимали плечами, говоря о такой дѣвушкѣ, за которую два офицера дрались.

Молодые люди мало по малу всѣ оставили домъ Совѣтницы. Одинъ позванъ былъ родителями своими въ деревню; другой женился на богатой наследницѣ; третій долженъ былъ повиноваться приказанію дяди, отъ котораго онъ зависѣлъ; четвертой не видѣлъ успѣха въ нѣкоторыхъ намѣреніяхъ; пятой опасался насмѣшекъ отъ сестры своей и отъ зятя; шестой нашелъ новое знакомство; а прочіе удалились изъ уваженія къ доброму имени Августы. Такимъ образомъ чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ послѣ поединка домъ Совѣтницы опустѣлъ, и спало въ немъ такъ же тихо, какъ было прежде.

(Окончаніе сообщено будетъ въ слѣдующемъ листѣ.)

~~XXXXXXXXXX~~

*Августа. Справедливая повѣсть.**(Окончаніе.)*

Бѣдная мать печалилась о томъ, что обманулась въ своей надеждѣ, и оплакивала свою неоспорожность. Августа грустила о потерѣ пріятелей и пріятельницъ, однако упѣшалась своею невинностію, разгоняла скуку работою и чтеніемъ, и надѣялась впредь лучшаго счастья. Но долго она должна была сего счастья дожидаться.

Всѣ прежніе знакомые принимали и мать и дочь съ холодностію и даже съ презрѣніемъ. И такъ онѣ принуждены были разорвать старое знакомство, совсѣмъ отказатьсь отъ большаго свѣта и жить въ совершенномъ уединеніи. — Августѣ было уже дваццать пять лѣтъ отъ роду, а она жила еще у своей матери. Исполнилось ей и триццать лѣтъ, но участь ея все еще не переменилась. Между тѣмъ тайная печаль снѣдала здоровье матери, а еще болѣе красоту дочери.

Наконецъ по долгомъ ожиданіи нашелся одинъ молодой достойной человекъ, который въ ближнемъ городѣ имѣлъ хорошее мѣсто, и мало знакомъ былъ

Часть XX. Но. 48. И шамъ,

шамъ, гдѣ жила Августа. Она дала ему свою руку. Мать ея, которая, казалось, того только и дожидалась, чтобъ дочь свою выдать, умерла чрезъ четыре недѣли послѣ свадьбы.

Чрезъ нѣсколько времени молодому довольному своимъ состояніемъ мужу Августы случилось въ другой разъ быть въ томъ городѣ, гдѣ она прежде жила. Онъ вошелъ въ кофейной домъ, чтобъ увидѣться съ однимъ изъ своихъ приятелей, котораго надѣялся шамъ найти; сѣлъ недалеко отъ стола, за которымъ нѣсколько человекъ пили пуншъ, и слушалъ, о чемъ они разговаривали.

„Знаете ли новостъ? сказалъ одинъ изъ нихъ: „говоряшъ, что Августа замужъ вышла.“

„Дочь Совѣшницы? сказалъ другой: это уже не новое. — Чтожъ? изъ распутныхъ дѣвушекъ бываюшъ иногда хорошія жены.“

„Правда, говорилъ претій, Августа провела молодость свою не въ сукъ.“

„Выпьемъ за ея здоровье! сказалъ четвертой: „а за кого она вышла?“

„Я позабылъ его имя, опечалъ другой: „говоряшъ, что онъ человекъ честной. Выпьемъ и за его здоровье!“

Чест-

Честной человекъ, за здоровье котораго было пишо, вышелъ пошихоньку, и съ того времени не имѣлъ уже спокойныхъ часовъ. Онъ возвратился домой. Августа встрѣшила его съ радостью, но ужаснулась, видя, что онъ отворачивался и не хотѣлъ на нее смотрѣть. Она спрашивала съ нѣжностью, что съ нимъ сдѣлалось; но онъ не отвѣчалъ. Она замолчала и оставила его, думая, что онъ имѣлъ какую нибудь досаду по своимъ дѣламъ.

Однакожъ поступки его не перемѣнились. Будучи дома, онъ занимался своими дѣлами; по помѣ уходилъ со двора, и весьма уже поздно домой возвращался. Не говоря съ Августою, онъ болѣе мучилъ ее, нежели тогда, когда бы дѣлалъ ей самыя жесточайшія укоризны. Наконецъ не могла она долѣе сносить сего оскорбительнаго молчанія. Въ одинъ вечеръ она дождалась своего мужа, упала къ ногамъ его, обнимала его колѣни, и со слезами просила, сказать ей, въ чемъ онъ ее виноватою почищаетъ.

„Оспавыше меня, сказалъ онъ съ холодностію: „не бышь бы вамъ нынѣ въ этомъ домѣ, естлибъ я вовремя узналъ о прежнемъ вашемъ поведеніи.“

Августа безчувственна упала на полъ, опнесена была на постелю, и нѣсколько дней послѣ того лежала въ горячкѣ; жизнь ея была въ опасности. Съ трудомъ избавилась она отъ смерти, но спокойствіе жизни ея на всегда удалось. Она безпрестанно грустила и наконецъ впала отъ того въ снѣдающую болѣзнь. Мужъ ея съ нѣжностію старался о сохраненіи ея жизни; но упрямо рѣшился не видѣться съ нею и не слушать ея оправданій. Она не имѣла пріятельницы, которая принимала бы участіе въ ея горести. Не можно описать, какъ жестоко она спрдала.

Нѣкогда была ярманка въ помѣ городѣ. Августѣ доложили, что пришла незнакомая башмашница и проситъ позволенія увидѣть ее. Она приказала пустить къ себѣ сію женщину.

„Вспомните ли вы, сударыня, говорила башмашница, какъ вы были еще маленькое дитя, пожаловали вы однажды башмаки свои нищей дѣвушкѣ. Я хотѣла продать ихъ башмашнику и деньги опнести бѣдной больной матери моей. Башмашникъ почелъ меня воровкою; однакожъ освѣдомился въ вашемъ домѣ, и узналъ, что это не правда. Онъ далъ
мнѣ

мнѣ денегъ, а самъ пошелъ вѣ слѣдъ за мною. Мать моя умерла вѣ ту самую минушу, какъ онъ къ намъ вошелъ. Я кричала и плакала; онъ надо мною сожалелся, и отвелъ меня къ своей женѣ. У добрыхъ эшихъ людей была одна полько дочь; они воспихали меня вмѣстѣ съ нею, какъ родное свое дитя. — Дочь ихъ выросла, и была очень хороша собою, такъ, что всѣ прозвали ее пригожею башмашницею. Она знакома была со многими молодыми людъми, бывала съ ними на гулякьяхъ, разговаривала у воротъ, и по вечерамъ прохаживалась по улицѣ. Не долго она такъ пожила, какъ пронеслась объ ней худая слава. Правда, что люди много и напрасно говорили. Однакожъ, сударыня, живучи съ людъми, надобно и о томъ думать, что объ комъ они говорятъ. Чѣмъ же это кончилось? Подруга моя вездѣ прослыла распушною; знакомцы всѣ ее покинули. Она вышла замужъ; однакожъ послѣ дошли до мужа ея худые слухи, и жизнь ихъ была не радостна. Бѣдная моя подруга умерла съ печали; и съ годъ ужъ тому, какъ я вышла за ея вдовца. Я прежде всегда жила смирно, мало зналась съ мущинами, и нынѣ мужъ мой

только что на рукахъ меня не носилъ. Сегодня, сударыня, мы приѣхали съ нимъ сюда на ярманку; онъ послалъ меня къ вамъ съ этими башмаками; мы просимъ принять ихъ, и хотя только посмотрѣть на нихъ иногда, когда они носилъ вамъ негодятся. Мы всякой день о васъ вспоминаемъ и молимъ за васъ Бога. Безъ васъ, сударыня, мы никогда бы другъ друга не узнали.,,

Августа не могла болѣе выдержать; она пожала руку сей доброй женщины, не въ состояніи будучи ничего выговорить, оппустила ее, и обливалась слезами. Но повѣсь простодушной женщины оставила перны въ сердцѣ Августы, которые сдѣлали конецъ послѣднимъ ея жизненнымъ силамъ.

Черезъ два года послѣ того, какъ она замужъ вышла, снѣдающая грусть прекратила жизнь ея. Достойная любви, невинная Августа умерла въ пренебреженіи отъ всѣхъ, оставленная пріятельницами, и мужемъ своимъ презрѣнна.

„Ахъ, сестрицы! сестрицы! говорила она часто въ своемъ спраданіи: „не довольно *быть* невинною; должно и *казаться* шакою.“

Малые міры въ большомъ мірѣ.

(Изъ Нѣмецкаго періодическаго изданія:
Ганноверской Магазины.)

Ни одинъ внимательный взоръ на Нашуру не оставляетъ размышляющаго испытателя безъ награжденія. Сердце и разумъ всегда находятъ при томъ себѣ пищу: они получаютъ или поводъ къ распространенію познаній, или случай удивляться Создателю, или матерію къ разумнымъ и мудрымъ заключеніямъ, или все сіе вкупѣ. И блестящій червячекъ, ползающій въ каменной ущелинѣ, и маленькой опломокъ раковины въ расколѣ камнѣ, и самой нѣжный ростокъ какого либо растенія наполняютъ умъ почтителя истины поучительными мыслями, никогда не входящими въ умъ пастуха, который пасетъ на горахъ свое стадо и хопя могъ бы гораздо болѣе знать Нашуру, но мало ее знаетъ, ибо только молнія и громъ могутъ возбудить его вниманіе.

Въ тѣнистой рошѣ, но довольно освѣщенной для усмотрѣнія множесва чудесъ Нашуры, увидѣлъ я нечаянно ли-

спокѣ, на которомъ маленькой червячекѣ провелъ свои кривыя изгибныя линіи разными заслуживающими примѣчаніе фигурами. Я сорвалъ сей листокъ, посмотрѣлъ на него пропивъ свѣшу, и увидѣлъ въ немъ маленькаго пуспынника еще работающаго. Онъ продолжалъ работу свою, не заботясь о томъ, что находится въ рукахъ, могущихъ самымъ легкимъ давленіемъ и все его жилище и его самого разрушить. „Сей листокъ, помыслилъ я, есть твой міръ, въ которомъ ты рожденъ, въ которомъ живешь, питаешься и исполняешь предписанія своея натуры, пока наступитъ время превращенія твоего. Возможно ли, чтобъ двѣ кожицы тонкаго листка заключали въ себѣ изобиліе для такой пвари, которая можетъ быть имѣеть множество удивительныхъ органовъ? — такое изобиліе, котораго едва ли только пятидесятая часть потребна ей для соблюденія бытія своего на нѣсколько дней? Я не брошу тебя, маленькой червячекъ! Если ли встрѣпится мнѣ недовольный своимъ состояніемъ человекъ, я покажу ему тебя и представлю въ примѣръ ропщущему его сердцу. Можетъ быть червячекъ, едва примѣтной, въ состояніи будетъ успы-

успыдидь того, кого вышшія ученія часто не могли пронушь.,,

Но какоежѣ множество малыхѣ міровѣ должно бышь вѣ большомѣ мірѣ! Вѣ одномѣ семѣ куспарникѣ, на пятьдесяцѣ шаговѣ вѣ окружности, какое множество разнообразныхѣ тварей! какой порядокѣ и какая связь вѣ семѣ разнообразіи! какое множество способовѣ, цѣлей и намѣреній! какой округѣ, исполненный чудесѣ Божіихѣ! Опѣ сего дуба, толь гордо возносящаго свою вершину, до самой нѣжнѣйшей правки, растущей подѣ его тѣнію, коликое число растеній! И всѣ сіи растенія населены толь многоразличными живыми тварями, изѣ которыхѣ инымѣ пространство ладони кажется можешѣ бышь столь же великимѣ, какѣ намѣ пространство нѣсколька миль. Сколько животныхѣ обитаетѣ вѣ семѣ куспарникѣ и совершаетѣ вѣ немѣ кругѣ своего опредѣленія! Крылашыя пѣвцы! пришельцы ли вы, или урожденцы вѣ сей роцѣ? Урожденцы; ибо и вы родились вѣ семѣ же куспѣ, который теперѣ тѣнію своею гнѣздо ппенцовѣ вашихѣ прикрываетѣ; здѣсь училище, вѣ которомѣ вы всѣмѣ знаніямѣ своимѣ учились; на сихѣ вѣтвяхѣ звали вы кѣ себѣ подругѣ

своихъ; изъ сего источника жажду, и сими падающими сѣмечками вы голодъ свой уполяли; — наконецъ, можешь быть чрезъ три лѣта и чрезъ двѣ зимы, охотникъ или хищный ястребъ кончитъ невинную жизнь вашу, и очистишь мѣсто вашимъ попомкамъ. Сколько переменъ происходитъ въ областяхъ вашихъ, о вы обитатели земли въ самомъ почномъ смыслѣ, ползающіе по ногамъ моими! Сколь бы искусно муравьиная куча ни была устроена, но хитрая птица вдругъ можешь произвести въ ней страшное разореніе, или рука, ищущая вашихъ яицъ на прокормленіе соловья, въ золотой клеткѣ заключеннаго. — О Боже! предъ очами Твоими и самыя сильнѣйшія обласпи человѣческія не подобны ли муравьинымъ кучамъ! Хотя несравненно паче уважены, благороднѣе устроены, и хотя опредѣленіе ихъ несравненно величественнѣе; но въ разсужденіи величины не подобны ли ульямъ пчелъ? Какъ же можешь смертный гордиться частицею земли, которая даже и не есть дѣло рукъ его?

Я нашелъ въ саду своемъ пеструю улишку. Прошедши нѣсколько шаговъ далѣе, нашелъ еще десять такихъ же ули-

улипокъ. Я разрылъ нѣсколько крошечныхъ кучь, и въ каждой изъ нихъ находилъ по три или по четыре маленькіе домика сихъ животныхъ. Я сравнилъ величину сего мѣста съ величиною всего саду, и по сему сравненію заключилъ, что нѣсколько тысячъ однихъ улипокъ живутъ въ семъ округѣ. Потомъ обратилъ я вниманіе свое къ прочимъ живымъ тварямъ, обитающимъ на семъ маломъ пространствѣ земли. На одной яблонѣ нашелъ я четыре рода несѣкомыхъ, и удобно нашелъ бы еще двадцать другихъ родовъ, еслибы могъ всѣ деревья со вниманіемъ осмотрѣть. Достойныя примѣчанія твари! Цѣлыя книги можно написать обо всемъ вашемъ устройствѣ, о цвѣтахъ вашихъ, органахъ, образѣ жизни, о составвахъ, которые вы прядете, о вашихъ бабочкахъ, — и такія книги уже написаны. Идучи далѣе, увидѣлъ я заботливаго золотого жука, который несъ малую добычу въ свое жилище. Я искалъ въ землѣ его жилища, но не нашелъ его: вмѣсто того попалась мнѣ куколка землянаго жука. Я находилъ земляныхъ пауковъ яркаго краснаго цвѣта; находилъ маленькихъ червей, которыхъ чудный составъ

при-

приводилъ меня въ удивленіе. Какъ наполнена земля сія тварями Божиими! — Я опломилъ вѣтвь опъ розоваго куста, и увидѣлъ на ней множество листвяныхъ вшей, родящихся поль опмѣннымъ образомъ опъ обыкновенныхъ правилъ рожденія въ Нащурѣ. Я пересматривалъ щели въ древесной корѣ, и насчиталъ въ одной только изъ нихъ пять различныхъ родовъ червей. Я поймалъ бабочку, которая передъ тѣмъ только на цѣшкѣ развернула свои крылья. Рои пчелъ, вылетѣвшихъ изъ ближнихъ ульевъ, жужжа летали около цвѣшущихъ деревъ. Комары полпились вокругъ меня; шмели и осы, мухи, ихневмоны, и множество иныхъ невѣдомыхъ тварей оживляли воздухъ. Проходя мимо зеленаго куста, нашелъ я въ немъ гнѣздо маленькой ппички, и самку еще сидящую на яицахъ. — О какое неизчислимое множество живыхъ существъ, большихъ и малыхъ, прекрасныхъ и безобразныхъ, летающихъ и ползающихъ, вредныхъ и безвредныхъ, въ одномъ только семъ саду! Какія опмѣны въ ихъ видахъ! какая разность въ цвѣсахъ! какое различіе въ пищѣ! Въ однихъ какая лѣность, въ другихъ какое провор-

ворспво! Какія различныя естешвенныя побужденія! какое шрудолубіе! какое не-прешанное движеніе! ВЪ работахъ ихъ искусство; хипросшь и оспорожность прошивъ неприятели. ВЪ одномъ мѣспѣ производися война между нѣкошорыми живошными особливо; вЪ другомъ между цѣлыми родами. Здѣсь хищники, ковар-спвомъ уловляющіе невинныхъ; шамъ сильные, одолѣвающіе беззащитныхъ. Об-ласть смыкаешся съ областію непре-рывно; и весь садъ сей что иное, какъ не *малой міръ въ большомъ?*

Говорятъ, что самой *человѣкъ* есть *малой міръ*; и шотъ не неправъ, кто первой имѣлъ сію мысль. Явленія бы-вающія вЪ мірѣ производятъ и вЪ нашурѣ каждаго человѣка, вЪ дѣйствіяхъ его и обшпояшельстввахъ. День и ночь, свѣшъ и шма перемѣняющся вЪ участи его, равно, какъ и вЪ большомъ мірѣ. Хотя не всегда производитъ сіе вЪ немъ съ такою размѣрною шочностію, какъ вЪ мірѣ; но находятся же и такія земли, вЪ кошорыхъ день или ночь долѣе, неже-ли вЪ другихъ. Приливъ и опливъ бы-ваешъ во всѣхъ предпріяшіяхъ смерт-ныхъ. ВЪ разумѣ ихъ — иногда какая мелкость, иногдажъ какая высокость!

ВЪ

Въ спрасяхъ — иногда пишина, иногда ярящаяся буря. Въ жизненныхъ духахъ — сегодня медленное слабое движеніе; завпра жаръ, иногда даже до бѣшенства доходящій. Царства возвышаются и разрушаются: такъ же и владычество желаній человѣческихъ перемѣняется. Въ цвѣтущей младости веселіе, радость и наслажденіе пріяностями управляютъ человекомъ. Старость отнимаетъ у нихъ владычество и отдаетъ мрачнымъ заботамъ, унынію и неудовольствію. Перемѣняется состояніе цѣлыхъ націй: такъ же перемѣняется и состояніе каждаго человека особливо. Нація, славящаяся между просвѣщеннѣйшими націями въ Европѣ, состояла нѣкогда изъ дикихъ варваровъ. Подобно тому часто случается, что и человекъ, на двацатомъ году отъ рожденія мало надежды о себѣ подававшій, на пятидесятомъ славится. Въ умѣ Ньютономъ на 14 или на 15 году было то еще слабымъ только разсвѣтомъ, что на сороковомъ спало ослѣпляющимъ сіяніемъ. Возвысившіяся области упадаютъ: равно и высокой умъ, великимъ свѣтомъ сіявшій, на осмидесятомъ году во второе младенчество падать можетъ. И такъ не правда ли, что каждой

каждой человѣкъ есть малой міръ, представляющій добрыя и худыя явленія, подверженный щасливымъ и нещасливымъ переменамъ, пока кругъ печенія его совершился? — Скудная мысль! Чшожь пользы, хопя и могу почипашь себя малымъ міромъ? — Нѣтъ, обильная мысль, подающая довольно матеріи къ важнымъ разсужденіямъ! Можетъ ли корабль благополучно продолжашь плаваніе свое безъ искуснаго кормчаго, безъ компаса, безъ благоразумнаго начальника? Можетъ ли устоять царство безъ законовъ, безъ укрѣпленій, безъ правителя? Человѣкъ! выведи изъ сего правила, которыя могли бы служить ко благому управленію самимъ собою.

(Окончаніе сообщено будетъ въ слѣдующемъ листѣ.)

Астрономъ и нищій.

Астрономъ, сидя въ своей обсерваторіи, обозрѣвалъ любопытными глазами безконечныя небесныя пространства. Нищій осмѣлился взойти къ нему, и со слезами просилъ у него небольшого подаванія. Философъ, преслѣдуя въ самое по время одного Сатурнова спутника, такъ углубился въ наблюденія свои, что не видѣлъ нищаго и не слышалъ его прозбы. Нищій повпорялъ прозбу свою нѣсколько разъ; но видя, что тотъ былъ глухъ, попянулъ его шихонько за рукавъ. Тогда Философъ пришелъ въ себя, оглянулся съ досадою, и бранилъ дерзновеннаго, который заставилъ его спуститься съ небесъ въ ту самую минуту, какъ онъ готовъ уже былъ войти въ черпоги древняго Сатурна. „Государь мой, отвѣчалъ нищій, дерзость ли по, когда несчастный проситъ у богатаго брата своего куса хлѣба, чтобъ не умереть съ голоду? Вы дерзски, потому, что хотите осмотрѣть безпредѣльныя пространства, удаленныя Провидѣніемъ отъ зрѣнія вашего. Чего вы смотрите на небѣ? Несчастные на землѣ живутъ.

Малые міры въ большомъ мірѣ.

(Окончаніе.)

Мірѣ видимый чрезѣ микроскопѣ, копорымѣ новѣйшіе испышашели Нашуры поль много занимаются, — сей - по естѣ подлинно малой мірѣ въ большомѣ; мірѣ, копорый предкамѣ нашимѣ почти совѣмѣ былѣ неизвѣстенѣ, пока посредствомѣ малаго спекла не были опкрыты во всѣхѣ спранахѣ неизчислимыя чудеса. — Я шелѣ мимо пруда. Чпо сей прудѣ въ сравненіи сѣ Океаномѣ? Однакожѣ и онѣ естѣ мірѣ, наполненный тысячами живыхѣ шварей, копорыя въ немѣ сыскивають себѣ пищу, исполняютѣ предписанія напуры своей, размножаются, ведутѣ войну между собою, впадаютѣ въ болѣзни и выздоравливаютѣ. — Я почерпнулѣ стаканѣ воды изѣ сего пруда. Чпо сіе количество въ сравненіи сѣ цѣлымѣ прудомѣ? Но и оно естѣ мірѣ, обипаемый неизчислимымѣ множествомѣ чудныхѣ шварей. Я видѣлѣ въ немѣ водяныхѣ блохѣ и жуковѣ, водяныхѣ клоповѣ и комаровѣ, куколки будущихѣ крылатыхѣ несѣкомыхѣ, и червячковѣ паскающихѣ сѣ собою свои домики. Они жили въ семѣ спаканѣ

Часть XX. Но. 49. I такѣ

пакъ вольно, пакъ спокойно, какъ бы
 въ цѣломъ мірѣ. — Я взялъ каплю сея
 воды и поднесъ подѣ увеличительное
 стекло. Что капля въ сравненіи съ цѣ-
 лымъ сосудомъ? Но и она малой мірѣ,
 наполненный шварями. Оставляю зна-
 покамъ наименовать всѣхъ животнохъ,
 плавающихъ въ каплѣ воды, какъ бы въ
 морѣ; скажу только то, что непримѣ-
 шныя почки спановились подѣ симъ
 стекломъ животнохъ съ удивительными
 органами; но и между ими можно было
 примѣшить еще другихъ, столь мелкихъ,
 что первыя противъ сихъ великанами
 казались. — Творецъ непостижимый!
 коль безпредѣленъ міръ Твой, какъ боль-
 шой, пакъ и самый меньшій изъ малыхъ!
 Естѣлибъ мы ничего болѣе изъ дѣлъ
 Твоихъ не вѣдали, кромѣ чуднаго устрой-
 ства самыхъ / малѣйшихъ животнохъ,
 узанныхъ и описанныхъ Реомюромъ и
 Боннетомъ, Ліонетомъ и Трамблелемъ, и
 многими другими, не должны ли бы мы
 были и тогда дивиться величеству Тво-
 ему въ малыхъ шваряхъ? Но далѣе отъ
 одного предѣла до другаго, отъ невиди-
 маго почти полипа до величайшаго мор-
 скаго животнога, отъ водяной блохи до
 кита, отъ сырнаго червя до слона, отъ

Венеры до Сатурна, отъ мѣста, на которомъ я спую, до самой крайней неподвижной звѣзды — разумъ изнемогаетъ, когда отваживается размышлять о сей сферѣ.

Всѣ земной шаръ со всѣми своими горами и холмами, морями и рѣками, лѣсами и равнинами, великими и малыми областями, многочисленными войсками и плавающими флотами, городами и селами, палатами и хижинами, драгоценными и простыми камнями, есть только *весьма малой* міръ въ сравненіи съ тѣмъ великимъ міромъ, который все швореніе составляетъ. Коликое множество такихъ земныхъ шаровъ потребно для составленія одного только солнца! Вокругъ солнца обращаются шесть большихъ планетъ, между которыми земля наша, содержащая въ себѣ толикое множество кубическихъ миль, есть только средняя. Десять извѣстныхъ и невѣдомо еще сколько неизвѣстныхъ меньшихъ шаровъ обращаются вокругъ сихъ большихъ планетъ. Всѣ они наполнены шварями, всѣ наполнены чудесами Натуры! Дивная огромность одной сей солнечной системы! Но естлибъ я былъ на мѣстѣ ближайшей къ намъ неподвижной звѣзды,

Чѣмъ бы мнѣ все сіе казалось? Звѣздою, и можешъ бышь не самой еще большей величины. Чшожъ есть сія ближайшая къ намъ неподвижная звѣзда? — Такой же міръ. А слѣдующая за нею? — Такой же міръ. А пысячная изъ сихъ звѣздъ? Такой же міръ. Чшо есть млечный путь? Безчисленные такіе міры. Чшо находится за млечнымъ пушемъ? шамъ, опкуда ни солнца нашего, ни ближайшей къ намъ неподвижной звѣзды, видѣшь не можно? — Не знаю. Знаю только шо, чшо нашъ міръ, который мы себѣ шоль великимъ представляемъ, изчезаетъ предъ симъ шoliko большимъ его міромъ, и чшо всея вѣчности едва ли довольно будетъ на обозрѣніе, понятіе и изслѣдованіе шого, чшо все швореніе вѣ себѣ содержитъ. — Прахъ ошъ праха! гордый смершный, шoliko увеличивающій себя вѣ воображеніи своемъ! Сравни швою великость съ оною, и сіе сравненіе да возбудитъ шебя ко смиренному благоговѣнію!

Обидагъ.

Восточная повѣсть.

Обидагъ, сынъ Абенсины, опспавши поупру отъ своего каравана, шелъ по лугамъ Индоспанскимъ. Ободренъ и укрѣпленъ покоемъ, оживленъ надеждою, желаніемъ восплаемъ, шелъ онъ скоро по долинамъ, смотря на холмы, постепенно предъ нимъ возвышающіеся. Утреннее пѣніе райскихъ пптицъ увеселяло слухъ его; послѣднее вѣяніе утихающаго вѣтра его прохлаждало, и онъ чувствовалъ себя окропленна росою съ ароматныхъ лѣсовъ. Онъ смотрѣлъ на высащійся дубъ, сего монарха горъ; наслаждался пріятнымъ запахомъ фіялки, старшей дочери весны; всѣ чувства его были услаждены, и всѣ заботы удалены отъ его сердца.

Такъ шелъ онъ, пока солнце взошло на югъ и увеличивающійся жаръ началъ истощать его силы. Тогда началъ онъ осматриваться, чтобъ найти удобнѣйшій путь. Онъ увидѣлъ въ правой сторонѣ лѣсъ, который, казалось, призывалъ его колеблющеюся своею тѣнію; вошелъ въ сей лѣсъ, и шолко плѣненъ былъ про-

кладностию его и зеленью, что не могъ уже лишиться сего удовольствія. Однако не забылъ онъ, куда ему итти надлежало, и нашедши пропинуку между цвѣтами, которая повидимому вела туда же, куда и большая дорога вела, радовался, что нашелъ способъ соединить удовольствіе съ трудомъ, и что могъ получить награду за трудъ свой, не претерпѣвъъ пыгостей онаго. И такъ шелъ онъ нѣсколько времени далѣе, ни мало не теряя охоты, кромѣ того, что иногда музыка пщицъ, укрывавшихся въ пѣни отъ жару, заставляла его останавливаться; иногдажъ забавлялся онъ срывая цвѣты, росшіе по обѣимъ сторонамъ пропинки, либо плоды, на деревьяхъ висѣвшіе. Наконецъ зеленая пропинка начала уклоняться въ сторону и извивалась уже между холмами и кустарниками, гдѣ нашелъ онъ студеныя ключи и шумящія водопады. Тогда Обидагъ остановился, и началъ размышлять, не лучше ли возвратиться ему на извѣстную и обыкновенную дорогу; но разсудивъ, что жаръ былъ тогда въ самой большей силѣ, и что дорога на открытомъ полѣ пыльна и неравна, рѣшился итти по новой своей стезѣ, которая, какъ онъ думалъ,

думалъ, только по причинѣ разности земли изгибается въ немногія кривизны, но наконецъ выведешъ на общую дорогу.

Успокоившись такимъ образомъ, продолжалъ онъ свое путешествіе, хотя все еще опасался, чтобъ оно не было безуспѣшно. Сіе непріятное опасеніе понуждало его оспанавливаться при всякомъ новомъ предметѣ и предаваться всякому чувствованію, которое могло польстить ему, или удовольствіе доставить. Онъ вслушивался во всякое эхо; всходилъ на всякую гору, откуда новые виды открывались; подходилъ ко всякому водопаду, и веселился преслѣдуя зрѣніемъ теченіе пріятной рѣки, которая протекала между деревьями и въ безчисленныхъ кривизнахъ напаяла обширную спрану. Въ сихъ забавахъ часы непримѣтно проходили; удалявшись часто отъ дороги, Обидагъ не могъ уже ея вспомнить, и не зналъ, въ которую сторону ийти ему должно. Онъ оспановился въ задумчивости и смущеніи; боялся ийти далѣе, чтобъ не заблудиться, но видѣлъ, что не было уже времени медлить. Между тѣмъ, какъ еще мучила его сія неизвѣстность, небо покрылось облаками, день

сокрылся отъ глазъ его, и вдругъ непогода наступила. Тогда опасность принудила его скоро и съ горестію вспомнить о своемъ неразуміи; тогда увидѣлъ онъ, сколько челоѣкъ теряетъ благополучія, повинуюсь склонности къ покою; оплакивалъ лѣноспную неперпѣливостъ, побудившую его искать въ лѣсу прикрытія; возненавидѣлъ безконечное любопытство, привлекавшее его отъ забавы къ забавѣ. Такимъ образомъ размышлялъ онъ; но вдругъ воздухъ помрачился, и громовой ударъ прервалъ его размышленіе.

Напослѣдокъ рѣшился онъ сдѣлать все то, что еще могъ, и иппи обратнo по своей пропикѣ, дабы испытать, не можеть ли изъ лѣсу выйти. Онъ повергся на землю и предалъ жизнь свою въ волю Царя напуры. По томъ вспалъ, исполненъ упованія и успокоенія, и взялъ саблю свою въ руку; ибо дикіе звѣри въ пустынѣ начали уже подниматься, и отовсюду слышанъ былъ смѣшенный ревъ ярости и страха, опустошенія и смертн. Всѣ ужасы мрака и уединенія окружали его; вѣтры ревели въ лѣсахъ, и рѣки свергаясь съ горъ шумѣли.

Лишенный всякой помощи, въ смущеніи шелъ онъ пустынею, не зная самъ,
куда

куда идетъ, и со всякимъ мгновениемъ къ спасенію ли, или къ гибели приближается. Наконецъ не страхъ, но трудъ, началъ преодолевать его; дыханіе его ослабло, колѣни дрожали, и онъ намѣренъ уже былъ лечь и совсѣмъ предаться судьбѣ своей, какъ вдругъ увидѣлъ сквозь малиновые кусты блескъ горячей свѣчи. Онъ пошелъ къ сему свѣшу и увидѣлъ, что оный былъ въ пустынной хижинѣ; попросилъ съ униженностью, чтобъ его впустили въ хижину, и былъ впущенъ. Преспарѣвый пустыжникъ поставилъ предъ него шу пищу, которую для себя собралъ; Обидагъ насладился ею и благодарилъ спарца.

„Скажи мнѣ, говорилъ пустыжникъ, какъ онъ уже насытился: „какимъ случаемъ заведенъ ты сюда? Двадцать уже лѣтъ живу я въ сей пустынѣ, и никогда еще не видалъ въ ней ни одного человека. „ Обидагъ рассказалъ ему свое приключеніе, ничего не скрывая и не стараясь прикрасить.

„Сынъ мой, сказалъ пустыжникъ: „зablужденія и неразуміе, опасности и „щасливое спасеніе твое сего дня, да „содѣлаютъ глубокое впечатлѣніе въ тво- „емъ сердцѣ. Представь себѣ жизнь че-

„ловѣческую дневнымъ путешествіемъ.
 „Упрямъ юности вспаемъ мы съ новою
 „силою и исполнены ожиданія. Опра-
 „вляемся въ путь съ живостію и наде-
 „ждою, съ веселіемъ и ревностію, и идемъ
 „нѣсколько времени по узкой стезѣ добро-
 „дѣтели къ обителямъ спокойствія.
 „Вскорѣ по томъ ревность наша ослабѣ-
 „ваетъ, и мы стараемся найти облегче-
 „ніе должностей нашихъ и какіе нибудъ
 „удобнѣйшіе способы къ достиженію той
 „же цѣли. По томъ ослабѣваемъ во бди-
 „тельность нашей, предприемлемъ не
 „спрашивая уже пороковъ, въ нѣкто-
 „ромъ опдаленіи показывающихся, пола-
 „гаемся на твердость свою, и дерзаемъ
 „приблизиться къ тому, до чего нико-
 „гда не касаться вознамѣрились. И такъ
 „вступаемъ въ сѣнь нѣги и покоимся въ
 „пѣни безопасности. Тамъ сердце наше
 „размяхчается и бдительность засыпа-
 „етъ. По томъ возбуждается въ насъ
 „желаніе испытать, не можемъ ли еще
 „пройти нѣсколько далѣе, не можемъ ли
 „по крайней мѣрѣ взоры наши обратишь
 „на садъ удовольствія. Приближаемся
 „къ нему безъ заботы и сомнѣнія; вхо-
 „димъ въ него, но входимъ съ боязли-
 „востію и препетомъ, и надѣемся прой-
 „ши

„ти чрезъ него не удаляясь никогда отъ
„стеши добродѣтели, ибо сначала нѣ-
„сколько времени еще не пераемъ ее изъ
„виду и хопимъ къ ней возвратиться.
„Но искушеніе послѣдуетъ за искушені-
„емъ, и уступая одному, приуговоря-
„емъ себя къ другому; современемъ те-
„ряемъ блаженство невинности, и упи-
„шаемъ безпокойство наше чувстванны-
„ми забавами. Мало по малу доброволь-
„но позабываемъ первое наше намѣреніе
„и оставляемъ шотъ предметъ, который
„одинъ разумнаго желанія достоинъ. За-
„пущываемъ сея въ дѣлахъ; ввергаемся въ
„роскошь, и скипаемся по лабиринтамъ
„непостоянства, пока ночь старости
„насъ заспигнетъ, и болѣзнь и скорбь
„воспретятъ намъ ишти далѣе. Тогда
„съ омерзѣніемъ, печалію и раскаяніемъ
„обращаемъ взоръ на прошедшую жизнь,
„и желаемъ, чшобъ никогда не оставляли
„мы путей добродѣтели. Но часто же-
„ланіе сіе бываетъ уже тщетно. Ща-
„спливы шѣ, сынъ мой, которыхъ при-
„мѣръ твой научитъ не опчаиваться,
„но помнишь, что хотя день уже про-
„шелъ и силы ихъ истощились, одна-
„кожъ осталось еще покушеніе, на кото-
„рое должно имъ отважиться; что въ
„обра-

„обращеніи никогда опчаиваться не должно, и что усердныя спаранія никогда безъ помощи не оспашюся; что странникъ, долго заблуждавшись, можетъ наконецъ возвратиться, и что испрашивающій себѣ укрѣпленія и ободренія свыше, откроетъ себѣ путь сквозь опасности и трудности. Теперь пойдіи успокойся, сынъ мой! Предайся попеченію Всемогущества. Когда же upro паки позовешъ себя къ трудамъ, начни снова швое путешествованіе и жизнь швою.“

Опеческая любовь и правосудіе.

Одинъ купецъ, выбранный въ 1526 году главнымъ судьей въ Ирландскомъ городѣ Галвеѣ, отправилъ сына своего съ кораблемъ въ Билбоу *) для покупки вина. Имѣвши уже нѣсколько лѣтъ дѣла въ семъ городѣ, онъ приобрѣлъ себѣ тамъ великой кредитъ. Сынъ его воспользовался симъ обстоятельствомъ, и ушайлъ деньги, данныя ему отъ отца на покупку

ку

*) Большой шорговой городъ въ Испаніи.

ку вина. Испанской купецъ, съ копорымъ онъ спорговался, послалъ съ нимъ въ Ирландію своего племянника для полученія денегъ и для поспановленія нужныхъ условій по ихъ дѣламъ. Оба молодые люди, которые были почти равныхъ лѣтъ, опправились изъ Испаніи, повидимому съ шѣмъ удовольствіемъ, какое согласныя души обыкновенно чувствуюшъ, находясь въ одинакихъ обстоятельствахъ. Чистосердечный и благородно мыслящій Испанецъ чувствовалъ живо всю пріятность благополучія, котораго надѣялся онъ отъ союза съ новымъ своимъ другомъ. Путешествіе ихъ продолжалось безъ всякаго препятствія и безопасно; они приближались уже къ берегамъ Ирландскимъ. По прибытіи въ Галвей обману молодаго Ирландца надлежало открыться. Для предупрежденія сего, онъ принялъ ужасное намѣреніе погубить своего друга. Выѣдавъ мысли своихъ спутниковъ, склонилъ онъ ихъ на свою сторону опчасти обѣщаніями, опчаскижъ угрозами. Ночью схватили несчастнаго Испанца съ постели и бросили въ море.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ того жорабль прибылъ въ Ирландію. Молодой

дой преступникъ принявъ былъ отцомъ его и родственниками съ радостію, и вскорѣ по помѣ получилъ немалый капиталъ на заведеніе собственнаго торгу. Онъ не опасался, чтооубъ злодѣйство его открылось, и въ сей надеждѣ былъ спокоенъ. Онъ вознамѣрился жениться на дочери одного изъ своихъ сосѣдей. День брака ихъ былъ уже назначенъ, какъ одинъ изъ мажоратовъ, участвовавшихъ въ его злодѣйствѣ, занемогъ, и чувствуя приближеніе смерти, призвалъ къ себѣ отца его и рассказалъ ему о семъ ужасномъ дѣлѣ со всѣми обстоятельствомами. Долго стоялъ несчастный отецъ безмолвенъ отъ ужаса и горести. „Должно удовлетворить правосудію!“, вскричалъ онъ наконецъ, и немедленно приказалъ захватить своего сына съ прочими его сообщниками, и опвесити въ темницу. Произведенъ былъ судъ; преступники всѣ признались, и вскорѣ по помѣ жители Галвейскіе видѣли рѣдкое въ исторіи зрѣлище: отца судящаго и осуждающаго на смерть сына своего. — „Естьлибъ кто либо другой, говорилъ онъ, а не твой несчастный отецъ, „былъ твоимъ судією, я со слезами „просилъ бы тебѣ пощады, хопя и. „осквер-

„осквернилъ ты жизнь свою убійствомъ;
„но я самъ судилъ тебя — и ты
„долженъ умереть! Вотъ послѣднія мои
„слезы; онѣ погасятъ плѣющую искру
„отеческой любви. Моли Небо, чѣмъ
„оно тебя убійцу не лишило вконцѣ
„милосердія своего. „ —

По помѣ отвели преступника обратно въ темницу, и день казни вскорѣ былъ назначенъ. Всѣ граждане, копорыхъ числомъ было около трехъ тысячъ, ожидали онаго съ удивленіемъ и печалію. Родственники осужденнаго неопшупно упрашивали отца пощадить его. Мать его взяла прибѣжище къ своей роднѣ, и склонила нѣкоторыхъ къ тому, что они обѣщали спасти жизнь сына ея; они хотѣли силою освободить его изъ шюрмы. Но отецъ, узнавъ о семъ, приказалъ привести его въ свой домъ, который окруженъ былъ караульными. Палачъ долженъ былъ въ его присутствіи наложить веревку на шею осужденному. „Тебѣ остается жить уже
„нѣсколько минутъ, сынъ мой! говорилъ отецъ: „употреби ихъ ко спасенію души своей. Твой несчастный
„отецъ обнимаетъ тебя въ послѣдній
„разъ. „

„разъ.“ — Веревка прикрѣплена была къ окошку, и чрезъ нѣсколько минутъ казнь была совершена.

Нравоучительныя изреченія.

Избери самой лучшей путь жизни: привычка сдѣлаетъ его и самымъ пріятнѣйшимъ.

Смотря на чужіе недостатки, благородные люди свои собственные исправляютъ.

Удовольствія умереннаго человѣка прочны, ибо порядочны; вся жизнь его тиха и спокойна, ибо невинна.

Никакое состояніе не дѣлаетъ безчестія человѣку, въ немъ находящемуся; но человѣкъ наноситъ иногда безчестіе пому состоянію, въ которомъ онъ находится.

Острота весьма полезна, естли служитъ въ помощь здравому разсудку; но весьма вредна, естли заступаетъ его мѣсто.

Человѣкъ безъ благоразумія, приобретающій знанія, приобретаетъ ихъ къ своему вреду: онъ получаетъ съ ними только болѣе способовъ опкрывать свой недостатокъ.

Нѣчто изъ практической Философїи. (*)

Довольные и веселые люди въ самомъ дѣлѣ поль рѣдки въ мірѣ, что вопросъ: для чего ихъ не больше? всегда оспаривается нужнымъ. Хотя находишься великое множество такихъ, которые кажутся совершенно довольными, и можетъ быть сами то о себѣ думаютъ, которыхъ дни проходятъ въ забавахъ и радости, и которыхъ душа всегда расположена къ чувствованію прїятности веселаго смѣха. Но наблюдая сихъ людей долѣе, усмотришь, что лѣта веселости скоро проходятъ; на мѣсто удовольствія вступаетъ угрюмость, на мѣсто рѣзвыхъ шутокъ жалобы на мірѣ и участь свою. Казавшееся поль долго постояннымъ удовольствіемъ было не иное что, какъ упорное легкомысліе, которое всякому важному размышленію заграждало входъ въ сердце, не допускало къ себѣ размышленія, всегда хватало полько настоящія минушы, естли онѣ представ-

Часть XX. No. 50. К ляли

(*) Изъ Нѣмецкаго еженедѣльнаго изданія:
Wöchentliche Unterhaltungen über die Erde und
ihre Bewohner.

ляли имъ пріятности, и старалось заглушать чувствованіе возбуждавшееся при досадныхъ опытахъ. Съ перваго взору сія веселость легкомыслія можетъ показаться достойною желанія; но кто разсмопритъ ее подробнѣе и щашпельнѣе, пошъ никогда не захочетъ, чшобъ все его благополучіе вѣ ней только соспо-яло. Есльи опредѣлено мнѣ прожити пятьдесятъ лѣшъ, то не пожелаалъ бы я, чшобъ послѣдняя шрешъ сего времени смѣшивала воспоминаніе первыхъ лѣшъ съ горечью; особлиожъ, когда бы мнѣ надлежало вкушати горечь сію съ шѣмъ большею непріятностію, что прежде надѣялся я навсегда быти отъ нея свободнымъ. Тогда только сносилъ бы я и сіе шерпѣливо, есльибъ не было никакихъ способовъ предохранити себя отъ шого: такъ, какъ вижу благоразумнаго старца сносящаго шягошы старосш, ибо онъ знаетъ, что испытати ущербъ силъ вѣ вечеру жизни естъ жребій челоѣчества. Тогда только назвалъ бы я легкомысліе молодосш благоразумнымъ, есльибъ оно не похищало истиннаго наслажденія жизни, есльибъ оно не дѣлало челоѣка неспособнымъ къ шакому наслажденію, и не открывало бы источниковъ шраданія.

нія. Однакожъ опытъ прошивное шому показываешъ.

Кто сей человекъ, ходящій медленно и съ пошупленными глазами въ пѣни уединенной липовой аллеи? Не Алцестъ ли, котораго за нѣсколько лѣтъ предъ симъ видалъ я подъ симижъ липами въ самомъ веселомъ кругѣ смѣющихся молодыхъ людей? Не онъ ли былъ тогда душою веселаго своего сообщества? Не всегда ли шутка была у него на языкѣ, улыбка на лицѣ, и рѣзвая радость въ сердцѣ? Не былъ ли они богатъ, здоровъ, любимъ въ кругѣ своихъ знакомыхъ? Опъ чегожъ сія переменна? — Это Алцестъ; онъ самъ, но нравъ его уже не тотъ. Онъ поставилъ себѣ за правило, наслаждаться жизнью въ полной мѣрѣ. Часто говаривалъ онъ: „ источникъ веселія неисчерпаемъ; я буду изъ него насыщаться! „ Онъ и сдержалъ свое слово, только опъ него зависѣло. Въ томъ только онъ ошибся, что способность свою къ наслажденію почипалъ столь же неисчерпаемою, какъ и источникъ веселія. Чувства его пришупѣли; пылающій жаръ воображенія погасъ; нервы, дополъ однимъ только удовольствіемъ потрясая, упомились. Сіи липы доставляютъ

К 2

таку-

пакуюжѣ прохладную пѣнь, какѣ и прежде; цвѣты ихѣ такой же пріятный запахѣ испускающѣ; въ рощахѣ такоежѣ радостное пѣніе слышно; въ собраніяхѣ молодыхѣ людсѣ такой же громкой смѣхѣ веселія раздается; мірѣ такѣ же прекрасенѣ, какѣ и прежде: — но уже не для Алцеспа. Дополѣ всегда наслаждался онѣ удовольствіемѣ, которое какѣ бы само себя ему представляло; но тогда началѣ онѣ уже искашь удовольствія. Рѣдко находилѣ онѣ его тамѣ, гдѣ найши завѣрное полагалѣ. Скоро наступило и такое время, когда удовольствіе опѣ него убѣгло, и казалось, убѣгло пѣмѣ быстрѣе, чѣмѣ ревностнѣе онѣ преслѣдовать его старался. Онѣ думалѣ, что называемое удовольствіемѣ можно гдѣ нибудѣ *купить*. Онѣ покупалѣ по нѣскольку изѣ всего того, что только за деньги достать можно, одно послѣ другаго: купилѣ сперва великолѣпный домѣ, по томѣ прекрасный садѣ, картинѣ, книгѣ, а наконецѣ и друзей.

Домѣ въ самомѣ дѣлѣ весьма веселилѣ его почти сѣ полгода; но по томѣ всѣ комнаты приведены были въ порядокѣ, всѣ прекрасные комоды, софы, зеркала, люстры и ковры были на своемѣ мѣстѣ. Всѣ знакомые ихѣ видѣли, при
хозя-

хозяинъ хвалили, а заочно изъ зависти пересмѣхали. Алцестъ на все довольно насмотрѣлся; и только изрѣдка приходилъ иногда посторонній человѣкъ, который напоминалъ ему, что домъ его убранъ великолѣпно; а наконецъ Алцестъ, ходя по прекрасному полу, думалъ только о томъ, что на немъ легко поскользнуться можно.

То же было и съ садомъ, или по крайней мѣрѣ не лучше. Прежній хозяинъ любилъ искусно подчищенные шпалерки, фигурные цвѣшники, усыпанные разноцвѣшными камышками площадки. Алцестъ завелъ густые кустарники, кривыя дорожки, скрытые холмы, неожиданные виды. Цѣлое лѣто занимался онъ шѣмъ, чтобы понуждать работниковъ, описывать своимъ знакомымъ, какъ все у него въ саду быть должно, и располагать по въ своемъ воображеніи. Онъ отдалъ бы половину своего имѣнія за то, чтобы не было зимы. Спужа никогда не бывала для него столь жестока; казалось ему, что зима прежде никогда столько не продолжалась. Куда онъ ни приходилъ, вездѣ жаловался на морозы, которые препяшествовали садовой работѣ.

По щастію, возвратился въ то время изъ путешествія одинъ его знакомой, которій видѣлъ около пятидесяти прекрасныхъ городовъ, болѣе семи славныхъ картинныхъ галлерей, и вытвердилъ наизусть имена слишкомъ пятидесяти живописцовъ. Сначала Алцестъ досадовалъ на то, что путешественникъ со своими рассказами не допускалъ его навѣдаться отъ знающихъ людей, можно ли ожидать теплой весны. Но мало по малу начало ему казаться, что не дурно имѣть картины; особливожъ, какъ путешественникъ упомянулъ нѣкогда при случаѣ, что одинъ принцъ занялъ расположеніе прекрасной части саду своего изъ Берггемова ландшафта. Алцестъ купилъ себѣ ландшафтовъ, и какъ не могъ доставать довольно живописныхъ, то выписывалъ дюжинами гравированные. Мѣсяца въ три имѣлъ онъ уже великое множество эстамповъ, и зналъ имена славныхъ мастеровъ ихъ наизусть, какъ азбуку. Наступила весна. Эстампы совсѣмъ были забыты. Въ саду Алцестъ отдалъ садовнику на волю, дѣлать что хочетъ. Ничто не было сдѣлано шакъ, какъ онъ располагалъ. „О небо! говорилъ онъ самъ съ собою, не уже ли нѣтъ никакого способа избавишься отъ скуки? „

Про-

Противъ его дому жилъ небогатой человекъ, который мало выходилъ со двора, и казалось, всегда былъ веселъ. Алцесту не много пруда споило узнать, въ чемъ попъ проводилъ время съ такою пріятностію. Поупру и въ вечеру видалъ онъ его сидящаго съ книгою у окошка. „Изрядно! сказалъ Алцестъ: накуплю себѣ книгъ, и спану чипашь!“, Алцестъ не былъ столько безразсуденъ, чтобъ всѣ книги безъ разбору почипашь годными. Онъ шребовалъ совѣта у одного ученаго человека, какихъ книгъ ему купить. Философы и стихотворцы, историки и замысловатые писатели, описанія путешествій и журналы принесены были отъ книгопродавца. Два переплетчика день и ночь работали надъ прекрасными переплешами; ибо чѣмъ менѣе Алцестъ имѣлъ удовольствія, тѣмъ неперпѣливѣе книгъ своихъ дожидался. Пять дней занимался онъ чпеніемъ; но по прошествіи сихъ пяти дней онъ пересматривалъ у всѣхъ книгъ только надписи, во многихъ перевертывалъ листы, въ нѣкоторыхъ прочипывалъ бѣгло первыя спраницы, но ни въ одной не находилъ ничего такога, чѣмъ бы на цѣлой часъ могъ заняться. Философы казались ему угрюмыми фан-

таспами, копорые умспвованіемъ своимъ хопѣли лишить людей всякаго удовольствія; спихопворцы пуспомелями, разсказывающими небылицу о любви и винѣ; историки скучными разсказиками такихъ приключеній, копорыхъ знашь ни малой нужды ему не было; замысловатые писашели бѣдняками, копорыхъ замыслы никого, кромѣ самихъ ихъ, смѣяшся не заставляли; описанія нутешеспвій были для него скучны, ибо онѣ почиталѣ сочинителей ихъ надмѣнными болтунами, копорые думали, что для всякаго невѣдомо сколь важно знашь, гдѣ они пили лучшее вино, гдѣ дали имъ лѣнвивыхъ лошадей, гдѣ имъ было скучно, и самую грубую ложь принимали за правду; журналы были ему совсѣмъ несносны, по тому, что онѣ изъ надписей книгъ ихъ не могъ угадывать содержанія.

Онѣ предпринялѣ, вѣ другой разѣ прибѣгнуть къ обществу, копорое прежде столько удовольствія ему приносило; но не къ прежнему его обществу, занимавшемуся легкомысленными шутками, необузданнымъ смѣхомъ, насмѣшками, танцами, и прочими подобными забавами. Все сіе ему омерзѣло; ибо онѣ давно уже испыталѣ сіи забавы во всей ихѣ

ихъ полношѣ. Имѣшь нѣсколько друзей, копорымъ могъ бы онѣ съ довѣренностію открываешь свое сердце, съ копорыми могъ бы разговариваешь о матеріяхъ заслуживающихъ вниманіе, изливаешь предъ ними негодованіе свое на мірскую превратность: — вошѣ что почиталѣ онѣ единственнѣмъ способомъ къ прогнанію скуки и къ наполненію пустошы въ сердцѣ. „Не можешѣ спаться, думалѣ онѣ, чшобѣ я не нашелѣ сообщесшва: столѣ мой всегда будетѣ покрытѣ лучшимъ кушаньемъ, дорогими винами, рѣдкими плодами; я буду спарашься предупредашь желанія гостей моихъ; буду приглашашь къ себѣ только такихъ людей, копорымъ пріятно бышѣ вмѣстѣ другѣ съ другомъ; часто буду доставляшь имѣ неожиданія увеселенія. „ Онѣ не обманулся: много было такихъ людей, копорые у него обѣдали и ужинали; но сообщесшва онѣ не имѣлѣ. Изѣ двацццци прехѣ пріятелей, копорыхъ онѣ приглашалѣ къ себѣ по порядку, чаще всѣхъ опзывались двое, шѣ самые, съ копорыми бы онѣ охотнѣе желалѣ бышѣ вмѣстѣ, нежели съ прочими; когдажѣ они и посѣщали его, шо одному всегда случались недосути, засшавлявшіе его приходить

вѣ по время, какѣ уже надобно было за столѣ садиться, и прямо изѣ-за стола уходилъ; у другогажѣ либо голова болѣла, либо нечаянно опзывали его домой. Прочіе по большей части, казалось, ничего инаго не знали, какѣ только ѣсть и пить, или хвалили кушанье и вино; инѣхѣ же разговоры вскорѣ спали Алцесту почти столь же, несносны, какѣ и его книги. Скоро всѣ пріятели его оставили, кромѣ нѣскопорыхѣ, которые изѣ дружбы кѣ нему наѣдались и напивались за его споломѣ, одобряли все, что онѣ ни говорилѣ, смѣялись при его замыслахѣ, когда только возможно было, еспылижѣ ничего уже болѣе не оспавалось дѣлашѣ, по сѣ непоколебимою твердостію зѣвали. Весьма еспественно, что сіи друзья были ему вѣ тягость, и онѣ старался избавишѣя опѣ нихѣ, чего бы то ни стоило. Докторѣ подалѣ случай кѣ тому, предписавѣ Алцесту, пить Пирмоншскую воду вѣ деревнѣ. Но Алцестѣ почти поколебался было вѣ своемѣ намѣреніи; ибо какѣ онѣ объявилѣ друзьямѣ своимѣ, что долженѣ на нѣсколько недѣль сѣ ними разспашѣя, по всѣ они начали жаловашѣя на сію печальную разлуку. Алцестѣ имѣлѣ столь-

ко

ко суешности, что почелъ сіи жалобы въ самомъ дѣлѣ производящими отъ сердца, или думалъ, что привязанность къ нему и къ обращенію съ нимъ заставляешъ ихъ жаловаться. Онъ опложилъ отъѣздъ свой еще на недѣлю. Однакожъ наконецъ уѣхалъ.

Какъ скоро пріѣхалъ онъ въ деревню, то вновь возбудилась въ немъ надежда бытъ щасливымъ. Простое, но столь великое удовольствіе, доставляемое многоразличными красотами Натуры, было для него совсѣмъ еще ново, и по тому произвело сугубо живое впечатлѣніе въ его сердцѣ. Высокіе тѣнистые дубы, стоявшіе позади саду того дома, гдѣ онъ жилъ; небольшой чистой ручеекъ, протекавшій по камышкамъ съ тихимъ журчаніемъ; просторное поле, на копоромъ Алцестъ въ первой еще разъ увидѣлъ зеленую рожь колеблющуюся отъ вѣтру подобно волнамъ; спада на пасствѣ и прыгающіе по правѣ ягнятки; лѣсныя птицы съ природнымъ ихъ пѣніемъ; самой чистой балсамный воздухъ, который при всякомъ дохновеніи, казалось, разливалъ по всѣмъ его нервамъ новую силу: — все сіе столь ново было для Алцеста, и имѣло въ себѣ столь много прелестна-

го для него, что онъ говорилъ самъ себѣ: „Для чего я не прежде узналъ блаженство деревенской жизни, и не ранѣе началъ ею наслаждаться, чтобы удовлетворить желанію пріятности и спокойствія, которыхъ понынѣ вездѣ тщетно я искалъ! Здѣсь, или въ другомъ подобномъ здѣшнему мѣстѣ, проведу остатокъ моей жизни!„ Но и сіе удовольствіе не долго продолжалось. Если вкусъ нашъ испорченъ, чувствованіе ослабло, и сердце опѣ пресыщенія загрубѣло, то весьма трудно имѣе находить себѣ долго пищу въ простомъ удовольствіи. Натура многоразлична, но только для того, кто еще имѣетъ чувство для ея красоты, чьи нервы могутъ еще потрясемы быть тихимъ прикосновеніемъ, кто еще способенъ къ наблюденію предметовъ порознь и ко внутреннему согласію съ натуральными сценами. Безъ сего жѣ можно живо быть пронуту первымъ впечатлѣніемъ простыхъ красотъ; но все удовольствіе, ими доставляемое, скоро испощается. По сей-то причинѣ люди, потерявшіе вкусъ въ простыхъ красотахъ Натуры, скоро начинаютъ скучать среди оныхъ, или по крайней мѣрѣ не находятъ ничего

чего спранныго въ помѣ, чшобѣ сѣсть за каршы и надѣ шпадиліею позабышь дерева и ручьи, спада и эхо. Алцестѣ обходилѣ всѣ ближнія мѣспа; зналѣ, что въ одномѣ мѣспѣ стояли деревья, въ другомѣ журчалѣ источникѣ, въ прешьемѣ пасли спадо, и ппицы вездѣ одинакія свои пѣсни повпоряли. Онѣ видѣлся и говорилѣ сѣ сосѣдами: спранный ихѣ выговорѣ смѣшонѣ ему казался; онѣ видѣлѣ креспьянскихѣ рабятѣ играющихѣ въ травѣ и въ пескѣ, и неопряшность ихѣ была ему пропивна; онѣ смопрѣлѣ, какѣ земледѣльцы въ полѣ рабошали, и зналѣ, что жизнь ихѣ нягостна; даже сдѣлалѣ онѣ себѣ сполько принушденія, что вспалѣ однажды до восхошденія солнца, чшобѣ видѣть ушреннюю зарю. Чшо жѣ еще ему оспавалось? „Вчера было шо же, говорилѣ Алцестѣ самѣ себѣ, чшо и прешьяго дни, сегодни шо же, чшо вчера, и завштра шо же будешѣ. Все одно! эшо несносно.“ Ештлибѣ не оспавалось ему допишь еще нѣсколько кувшиновѣ Пирмонтской воды, шо чрезѣ девять или чрезѣ десять дней онѣ немедленно возвратился бы въ городѣ, чшо и для здоровья его, и для душевнаго расшоложенія; было бы споль же

же хорошо, какъ и оспаться въ деревнѣ. Ибо съ того времени предписанныя прогулки казались ему мученіемъ, копорому онъ долженъ былъ подвергать себя для того, что докторъ сего пребовалъ; жуки и осы жужжали вокругъ головы его, какъ скоро выходилъ онъ изъ комнашы, что причиняло ему смертельную досаду; рано поуспру было для него холодно, въ полдень жарко, въ вечеру сыро; шумъ листьевъ, движимыхъ вѣтромъ, напоминалъ ему шумъ за большими столами, и возбуждалъ омерзѣніе. Въ дополнение неудовольствія его, зашедши нѣкогда въ задумчивости далеко въ поле, онъ застиженъ былъ грозою и дождемъ. Брань и досада были бесполезны; дождь промочилъ его до шѣла, и онъ опасался лихорадки. Онъ приказалъ, чтобъ на другой день поуспру коляска его была готова, и возвратился въ городъ.

Посреди шуму многолюдства, на одной изъ самыхъ большихъ улицъ, посреди публичныхъ веселостей, Алцестъ живешъ какъ пустынный. Еслибъ докторъ не угрожалъ ему продолжительными болѣзнями и неизбѣжною смертію, то онъ не выходилъ бы никогда изъ дому, гдѣ онъ занимается только счи-
сле-

сленіемъ имѣнія своего, сметною годовыхъ издержекъ впрядь, пересмаприваніемъ старыхъ счешовъ, и вычисленіемъ, на сколько въ дващцашъ лѣшъ обманушъ онъ былъ своими слугами. По щаспію, во всѣхъ его дѣлахъ столько беспорядка, онъ же столь неспособенъ къ расчешамъ, что сего упражненія, мало опъ праздности опличающагося, доспанешъ ему еще на дващцашъ лѣшъ. Въ хорошую погоду ходишъ онъ послѣ обѣда одинъ въ сихъ аллеяхъ; всякой день выбираешъ одну дорогу; не любишъ, чшобъ ему кланялись, а еще болѣе, чшобъ начинали съ нимъ говоришъ. На лицѣ его изображается горчайшее неудовольствіе; но сіе изображение на лицѣ едва ли столь сильно, какъ чувствованіе онаго въ его сердцѣ.

Алцешъ несчастенъ, хошя по видимому не имѣешъ недоспашка ни въ чемъ потребномъ для щасливой жизни. Чистая исторію его неудовольствія, не можно иногда удержатъся опъ смѣха; но шакже не возможно и не сожалѣшъ о немъ. Онъ подобенъ чешовку борющемуся съ волнами, кошорый вездѣ, гдѣ ни пристаешъ, находишъ не болѣе опдохнове- нія, какъ сколько ему необходимо нужно, чшобъ

чпобѣ не упонуть въ шу самую минушу. Есльибѣ одинѣ шолько Алцеспѣ была въ Нашурѣ, шо не споило бы шруда, разсуждашь о немѣ и о причинахѣ его участи, по крайней мѣрѣ не было бы опѣ шого никакой иной пользы, кромѣ удовлетворенія склонности нашей къ умспвованію. Но вездѣ находяшя подобные Алцеспу, и въ большемѣ числѣ, нежели обыкновенно думающѣ. Вездѣ находяшя люди, которые истощающѣ силы свои, гомясь за удовольствіемѣ, и никогда его не достигаая; которые всегда воздыхающѣ о шомѣ, что обманулись въ своей надеждѣ, но не хошяшѣ изслѣдовашь, не въ самомѣ ли свойствѣ надежды ихѣ содержшся причина ихѣ жалобѣ. Предпримемѣ вмѣсто ихѣ сіе изслѣдованіе, дабы предохранишь по крайней мѣрѣ себя опѣ ихѣ заблужденія, есльи имѣ помочь не можемѣ.

(Продолженіе будетъ впрядѣ.)

Изъто изъ праѣнической Философiи.

(Продолженiе.)

Когда ни разсуждаю обЪ Алцеспѣ и подобныхъ ему, всегда вывожу изъ того слѣдующее простое правило: Человѣкъ непремѣнно бываетъ несчастенъ, еслии поставляетъ цѣлю бытiя своего только удовольствiе чувствъ и удовлетворенiе страстямъ своимъ.

Я оставляю нравоучителямъ доказывать, что такое непрестанное ловленiе удовольствiя не достойно человѣка и противно его опредѣленiю. Имъ легко будетъ показать, что благосостоянiе человѣческаго общества тогда только твердо быть можеть, когда каждой членъ со своей стороны напряженiемъ силъ своихъ споспѣшествуетъ общей пользѣ; что для сего самаго мѣра силъ раздѣлена поль различно, и что никто не долженъ оставять въ дремотѣ большую или меньшую часть ввѣренныхъ ему способностей. Моралисты представляютъ намъ, что примѣльная разность между прочими животными и человѣкомъ есть несомнѣнное указанiе Творца напуры нашей на то, что мы сотворены для бла-

Часть XX. Но. 51. Л горо-

городнѣйшаго дѣйствованія, чего не исполняя, самовольно спускаемся съ вышшей степеня, на которую мы поставлены. Они показываютъ, что мы имѣемъ обязанность, быть полезными членами человеческого общества, и что отъ сея обязанности ничто освободить насъ не можетъ. „Естьли ты, говоряшь они, имѣешь преимущества предъ подобными тебѣ человекѣми въ богатствѣ, въ состояннн, въ большихъ дарованіяхъ, то получилъ ты большій капиталъ въ заемъ, и долженъ платити болѣе процентовъ съ онаго платити. Самыя сіи преимущества приводятъ тебя въ состояніе дѣлать болѣе пользы ближнимъ своимъ; они подають тебѣ способы пріобрѣтать болѣе знаній, упражняшь въ благороднѣйшихъ дѣлахъ, большія машины въ движеніе приводятъ, въ пространнѣйшемъ кругѣ дѣйствовать. И такъ что скажешь въ свое извиненіе, естьли при всемъ томъ дѣлаешь даже менѣе шѣхъ, которыхъ гораздо нижшими себя считаешь?“, Моралисты доказываютъ, что мы поступили бы глупо и непростительно, естьлибъ лишили себя зрѣнія, либо завязывали себѣ глаза, въ томъ мнѣннн, что и съ употребленіемъ четырехъ

рехъ только чувствъ прожить можно. Столь же, говорящъ они, глупо и непростительно пренебрегать и оставлять безъ употребленія благороднѣйшія душевныя силы, увѣряя себя, что и одного удовлетворенія чувствамъ и спрашямъ въ жизни довольно.

Но я оставляю сіе и все прочее, что еще нравоученіе можетъ сказать для побужденія разумнаго человѣка къ благородной дѣятельности; и покажу, что человѣку надлежитъ внимать только гласу собственной своей пользы, дабы выйши изъ ложнаго мнѣнія, будучи онъ удовольствіемъ чувствъ и желаній щасливъ бытъ можетъ, и что онъ въ разсмотрѣніи своей пользы не ошибется.

Вопервыхъ, чувствъ и желаній могутъ всегда наслаждаться. Они ревностно объ услажденіи своемъ заботясь, могутъ дойти до того, что находятъ гораздо болѣе опрады во вкусной пищѣ, нежели прочіе, которые не для того живутъ, чтобъ ѣсть, но для того ѣдятъ, чтобъ жить; онъ можетъ получить навыкъ находить такую многообразность въ пищѣ и питьѣ, которой другіе соесѣмъ не примѣчаютъ; онъ можетъ даже принудить желудокъ свой растяги-

вашься до ненатуральнаго пространства и вмѣщаютъ въ себя такое множество пищи, которое другихъ въ удивленіе приводитъ. Но сіе искусство, такъ же, какъ и все въ мірѣ, имѣетъ предѣлы. Самой продолжительный обѣдъ долженъ когда нибудь кончиться. Самыя поворотливыя челюсти наконецъ устаютъ; самыя прочныя нервы вкуса наконецъ когда нибудь расслабляютъ и спановятся нечувствительны. Самой прожорливый желудокъ наконецъ наполняется. Человѣкъ можетъ много, естьли захочетъ, но не все; онъ можетъ ѣсть и пить долго, но не безпрестанно. Когдажъ сдѣлаетъ онъ все, что только ему возможно было, за симъ слѣдуетъ естьли не боль, то пустота, непріятность и омерзение.

Я не хочу говорить о томъ, что всякое чрезмѣрное употребленіе пищи и питья вредитъ здоровью, приводитъ въ слабость жизненныя силы и полагаетъ основаніе сокращенію жизни. (*) Упомяну

(*) Обыкновенно дѣлаютъ противъ сего возраженіе, что находятся невоздержные люди, которые почти всегда здоровы

ну только о тѣхъ тягостныхъ часахъ, обыкновенно слѣдующихъ за пресыщеніемъ, въ которые обращеніе жизненныхъ духовъ какъ бы прерывается, и по крайней мѣрѣ не возможно уже бываетъ долѣе наслаждаться любимымъ удовольствіемъ. Кпо

Л 3

хо-

ровы и доживаютъ до старости. Но при семъ возраженіи забывають, что такіе примѣры необыкновенны и вообще рѣдко случаются; забывають о гораздо превосходнѣйшемъ числѣ такихъ, которые умирають прежде, нежели натура ихъ къ неумѣренности привыкнетъ, и о большемъ еще множествѣ такихъ, которые всегда подвержены болѣзнямъ и претерпѣвають тысячи спраданій, невоздержностію навлеченныхъ, хотя и приписываютъ оныя только случаю. Сверхъ сего какою глубокою, бодрою и веселою старостию наслаждался бы при потребной умѣренности тотъ человекъ, котораго щасливый составъ былъ въ состояніи выдерживать такія разстройки, и который уже на шестидесятомъ году умираетъ отъ неваренія въ желудкѣ, могущаго еще на тридцатомъ прекращать жизнь человека слабѣйшаго сложенія!

хочетъ жить только для удовольствія, тогда самъ поступаетъ явно противъ своего предмета, приготавливая себѣ самымъ удовольствіемъ такіе часы. И это еще рѣдкое щастіе, если такое не-пріятное состояніе ограничивается только часами, еслили почасту не продолжается оно цѣлыя дни и недѣли.

То же бываетъ и съ прочими чувствами; ни которое изъ нихъ не способно къ безпрестанному наслажденію; всѣ они рано или поздно насыщаются, и чѣмъ болѣе пресыщены бываютъ, тѣмъ долѣе не позволяютъ имѣть новаго удовольствія. Самая прелестная музыка не занимаетъ можетъ быть никого со всею пріятностію болѣе часа (*). Чѣмъ пре-
ле-

(*) Развѣ самого играющаго, или такого знающаго, который въ состояніи не только пріятность звуковъ чувствовать, но и примѣчать превосходство искусства. Но человекъ, живущій только для удовольствія и ничего кромѣ увеселенія не ищущій, не можетъ быть ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ. Кто хочетъ научиться играть на какомъ либо инстру-
ментѣ

лестнѣе поны для слуха, чѣмъ сильнѣе приводятъ они чувствованіе наше въ движеніе, чѣмъ сильнѣе попрысають сердце, тѣмъ скорѣе переспають приносятъ намъ удовольствіе. Когда напряженіе слуха опъ перваго сильнаго дѣйствія ослабѣетъ, то шумъ инструментовъ и голосъ самаго искуснѣйшаго пѣвца можетъ столь же усыпителенъ быть, какъ самое единообразное журчаніе водопада (*). Тѣ, ко-

А 4

рыхъ

меншѣ нѣсколько лучше, нежели посредственно, или кто хочетъ пріобрѣсти сколько знанія въ музыкѣ, чтобъ быть въ состояніи судить о достоинствѣ композитора и виртуоза и совершенно чувствовать оное: тотъ долженъ употребить къ сему прилѣжаніе и трудъ. А я то и намѣренъ доказывать, что прочное удовольствіе только дѣятельностію пріобрѣтаемо быть можетъ.

- (*) Спрашивали у одной госпожи, каково понравилось ей въ концертѣ. „Очень, бы хорошо, отвѣчала она, естлибъ, не досадная музыка; отъ нее иногда, и своихъ словъ не можно было слышать. „Можно биться объ закладъ, что сія госпожа до тѣхъ поръ слушала музыку

рыхъ понѣ гармоники приводитъ въ восхищеніе, признаются, что отъ долгаго слушанія они уставали; причиною жѣ сего вѣрно была не одна медленная поржесп-венность піэсъ, для какихъ только сей прелестный инструментъ удобенъ.

Кажется, что зрѣніе наше долѣе всѣхъ прочихъ чувствъ можетъ наслаждаться удовольствіемъ. Но главная причина сего есть то, что предметы, которыми зрѣніе занимается, доставляющъ упражненіе не одному только чувству, но и воображенію и благороднѣйшимъ душевнымъ силамъ. Одна игра цвѣшовъ безъ цѣли и значенія можетъ на короткое время быть пріятна зрѣнію, но послѣ теряетъ сію пріятность и не приноситъ уже

музыку со вниманіемъ, пока ей было возможно, и не прежде сшала разговаривать, какъ уже сонъ началъ ее клонить. По крайней мѣрѣ то вѣрно, что никакой человекъ, не будучи знашокъ въ музыкѣ, никогда еще не слушивалъ цѣлаго концерта съ неразвлекаемымъ вниманіемъ (то есть, ничего иного не слушая, или ни на что иное не смотря).

уже никакого удовольствія. Кто въ состояніи смотрѣть безъ скуки нѣсколько часовъ сряду на радуго, или на зеленое поле, на усѣянный цвѣтами лугъ, на гряды покрывшую прекрасными гіацинтами, аврикулами, или шюльпанами? Стоя на возвышенномъ мѣстѣ, мы наслаждаемся новымъ дальнимъ видомъ и веселимся многообразностію предметовъ; но на послѣдокъ лишаемся охоты обозрѣвать его; и лѣса, деревни, города и поля, усмотрѣнныя чрезъ полчаса, доставляющъ намъ уже гораздо менѣе пріятности, нежели тогда, еслибѣ мы ихъ съ перваго взора увидѣли. Кто смотрѣлъ вдругъ большую картинную галлерею, или собраніе эстамповъ, тотъ по опыту знаетъ, что въ такомъ случаѣ чрезъ нѣсколько часовъ происходитъ хоня не то самое, но подобное тому чувствованіе, какое испытываютъ за большимъ споломъ, по утоленіи голода, когда начнутъ уже примѣчать излишество.

Въ разсужденіи прочихъ чувствъ едва ли нужно доказательство, что удовольствіе, доставляемое ими, весьма скоро прекращается, если посредствомъ ихъ

возбужаемо въ насъ бываетъ какое нибудь пріятное чувствованіе. Подошедши къ цвѣтамъ, услаждаемся ихъ запахомъ; но чрезъ нѣсколько минутъ едва уже примѣтно, что мы обоняемъ нѣчто пріятное; а современемъ обоняніе наше привыкаетъ къ пріятному запаху равно, какъ и къ вонючимъ испареніямъ. Но хотя бы и въ послѣдствіи находили мы столько жъ удовольствія въ пріятномъ запахѣ, сколько сначала; однако вѣрно нѣтъ въ мірѣ человѣка, который бы поставлялъ главное благополучіе свое въ наслажденіи благовоніемъ, и думалъ бы, что оно можетъ замѣнять ему какой нибудь важной недостапокъ.

То же происходитъ и въ разсужденіи осязанія. Пріятность, получаемая нами посредствомъ сего чувства, по большей части тогда только бываетъ довольно ощущительна, еслии прежде подвержены мы были непріятному чувствованію. Теплоша тогда только приноситъ удовольствіе, еслии прежде страдали мы отъ стужи; тѣнь пріятна бываетъ тогда, когда мы терпимъ тягость жару; покой услаждаетъ только уставшаго. **Послѣ** первыхъ минутъ перехода

рехода изъ непріятнаго состоянія въ пріятное, мы становимся почти совсѣмъ нечувствительны къ послѣднему; или по крайней мѣрѣ радуемся оному только по сравненію настоящаго чувствованія съ прежнимъ.

И такъ ищущій только удовольствія чувствъ опчаспи непремѣнно долженъ имѣть множество праздныхъ и непріятныхъ часовъ; опчаспи при каждомъ наслажденіи становится болѣе или менѣе неспособенъ къ дальнѣйшему удовольствію; опчаспи ведетъ такую жизнь, которая для него неудовлетворительна; опчаспижѣ рано или поздно сдѣлается онъ нечувствителенъ къ сему такъ называемому наслажденію жизни.

Удовлетвореніе спрашямъ, не имѣющимъ самой близкой связи съ наслажденіемъ чувствъ, также не можетъ доставлять прочнаго, по справедливости желательнаго и ненаружимаго удовольствія.

Во первыхъ находится множество гесьма сильныхъ спрашей, которыя сами по себѣ уже тягостны, и слѣдовательно

тельно мучашь предающагося имь чело-
вѣка въ самое то время, когда имь
удовлетворяемо бываеть. Къ симь спра-
скамь принадлежатъ, напр., мспитель-
ность, гнѣвъ, зависть, и пр. Волнова-
ніе крови въ гнѣвливомь челоувѣкѣ, спрем-
леніе всѣхъ силъ къ изъявленію него-
дованія, неизвѣстность, на что ему
излишь желчь свою — все сіе не мо-
жетъ доставлять пріятнаго состоянія.
Блѣдность лица, дрожаніе членовъ, не-
вольныя движенія шѣла, и прочіе нару-
жныя признаки, сопровождающіе выш-
шую степень сея спраси, служатъ
доказательствомъ, что и при меньшей
степені оной шѣло должно претерпѣ-
вать такое потрясеніе, съ которымъ
чувствованію пріятности вкупѣ бытъ
не возможно. Сильный мяшежь, произхо-
дящій при томъ въ душѣ, не допускаетъ
ее заниматься радостными предсавле-
ніями. Страніе мспительнаго челоувѣ-
ка выдумывать способы, нанести оскорб-
леніе обидившему его, унизитъ своего
непріятеля и привести въ такое соспо-
яніе, чтобъ онъ не могъ уже впредь
дѣлать подобныхъ обидъ, — сіе стпана-
ніе всегда соединено бываетъ съ напоми-
наніемъ въ самомъ дѣлѣ полученной или
мни-

мнимой обиды, и слѣдовательно съ негодованиемъ, при которомъ никакого удовольствія имѣть не можно.

Пріятные склонности и спраспи хоща не имѣють сего пягоспнаго свойства, однакожъ не суть чистые источники удовольствія. Они часто возбуждаютъ спремленіе въ душѣ, не доставляя ей удовлетворенія; часто обманываются въ предметахъ своихъ желаній; часто раждаютъ неудовольствіе; по большей же части и тогда оставляютъ пустоту въ сердцѣ, когда желаемое наслажденіе получаютъ. Я покажу, какъ сіе происходитъ съ одною только изъ сихъ спраспей, а именно съ честолюбіемъ.

Честолюбивый желаетъ получать отъ другихъ знаки почтенія. Но можетъ ли онъ всегда окруженъ быть людьми усмапривающими подлинныя его достоинства, или принимающими мнимыя его достоинства за дѣйствительныя? Онъ льститъся надеждою, что славное имя его всякому должно быть извѣстно; но каждую минушу находитъ онъ такихъ людей, которые совсѣмъ о немъ не знаютъ, и которые въ присутствіи надмен-

меннаго славолюбиваго челоуѣка бывають совершенно равнодушны. Иногда сказываютъ ему учтивости, но не шѣ самыя, копорыхъ бы онѣ желалъ. Хвалять великолѣпное его платье; но онѣ хотѣлъ бы, чтобѣ остроуѣ его удивлялись. Удивляющся остроумному челоу разсужденію: онѣ торжествуетъ; но потчасѣ торжество его прекращается, ибо вскорѣ по томѣ хвалятъ другаго, копораго онѣ почитаетъ соперникомъ въ своихъ достоинствахъ. Но положимъ, что онѣ свободенъ отъ всѣхъ сихъ неудовольствій; положимъ, что все вокругъ его согласилось жертвовать его честолюбію, и что всякой имѣетъ столько остроумія и осторожности, чтобѣ избѣгать всего могущаго удовольствіе его нарушить: шѣмъ хуже для него! Онѣ не можетъ всякой день получать новаго приращенія почестей. Самой лестной и важной пишуль отзывается въ ухахъ его съ музыкальною пріятностію только дополь, пока онѣ не услышитъ его отъ всѣхъ своихъ знакомыхъ; но по томѣ слушаетъ онѣ звукъ сего пишула съ такимъ же равнодушіемъ, какъ звукъ родоваго своего прозванія. Сверхъ того жопящему наслаждается существенною

че-

честію надлежитъ поставлять предметъ жизни своей что либо иное, а не одно только удовольствіе; ибо никого истинно за то не почитаютъ, что онъ во всю свою жизнь насвистываетъ веселыя пѣсенки, пьетъ хорошія вина, искусно прыгаетъ, или проводитъ все свое время подобно бабочкѣ. Ктожъ довольствуется только пустою честію, того и сердце непременно останется при томъ пусто, и никогда не получитъ онъ ничего, кромѣ пѣни, которую ловитъ.

Размышленіе о свойствахъ прочихъ страстей и вниманіе къ опытамъ другихъ людей, иногдажъ и къ своимъ собственнымъ, могутъ увѣришь читателей моихъ, что удовольствіе, производящее отъ удовлетворенія какой нибудь страсти, не въ состояніи доставить намъ чистаго и продолжительнаго наслажденія жизни, и занять сердце наше такъ, чтобъ мы при томъ чувствовали себя щастливыми. Особливожъ откроется имъ, что весьма сильныя желанія всегда приводятъ душу въ такое движеніе, что мы не можемъ соблюдать при томъ столько спокойнаго расположенія,

сколько

сколько нужно, дабы и другими удовольствиями довольно наслаждаешься. И такъ минушы страсти по крайней мѣрѣ для другихъ удовольствій нашихъ пагубны. Онѣ напрягаютъ чувствованіе столь сильно, что слабѣйшее потрясеніе не можетъ уже для него быть примѣтно; отъ чего послѣ непременно должна произойти въ сердцѣ пустота, и тѣмъ ощущительнѣйшая и тягостнѣйшая пустота, чѣмъ чаще оно прежде страстию возбуждаемо было.

(Окончаніе сообщено будетъ въ слѣдующемъ листѣ.)

Нѣкто изъ практической Философiи.

(Окончанiе.)

Вѣроятно сдѣлаютъ мнѣ возраженiе, что доселѣ говорилъ я такъ, какъ бы человѣку, хотящему жить только для удовольствiя, необходимо надлежало почерпать удовольствiе свое изъ *одного только* источника, и ограничивать наслажденiе жизни удовлетворенiемъ *только одному* которомунибудь чувству, или *одной только* какой либо страсти. „Но „я (скажетъ такой человѣкъ) весьма далекъ отъ того, чтобъ искать удовольствiя одному только зрѣнiю моему, либо вкусу, либо слуху, и пр. Нѣшъ, я хочу срывать всякой цвѣтокъ, разцвѣщающiй предо мною; испощивъ одну забаву, примусь за другую, которая мнѣ представится. Удовольствовавъ слухъ мой музыкою, пойду къ благовонному цвѣтнику; насладившись довольно шамъ, буду шлупить съ моими прiятелями, танцовать, веселиться множествомъ удивляющихся мнѣ или завидующихъ, и проведу вечеръ за хорошимъ ужиномъ. Еслили останется еще праздный часъ, то буду вымышлять планъ, какъ бы унизить своего непрiателя; естълижъ

„не удастся мнѣ произвести планъ мой
 „въ дѣйство, но по крайней мѣрѣ тому
 „буду радоваться, что довольно хорошо
 „его выдумалъ. Однимъ словомъ, я уже
 „посшараюсь не имѣть недостатка въ
 „забавахъ!„

Разсмотримъ, удобенъ ли сей планъ
 жизни къ произведенію въ дѣйство, или
 нѣтъ; не есть ли онъ только порожденіе
 распаленнаго воображенія, не имѣющее
 ни малой твердости, и по тому исчезающее
 подобно пѣни, какъ скоро освѣ-
 щено бываетъ.

Ищущій увеселенія челоуѣкъ упоминалъ
 все о такихъ вещахъ, ошъ которыхъ
 онъ надѣется удовольствія, при чемъ не
 имѣетъ онъ никакой опредѣленной цѣли,
 но хочетъ только вообще чѣмъ нибудь
 съ пріяпностію заниматься. Для него
 совершенно равно, ишли ли сперва въ
 концертъ, оштуда къ своимъ пріяте-
 лямъ, по помѣ къ цвѣтнику, а по помѣ
 уже танцовать; или дѣлать все сіе со-
 всѣмъ въ иномъ порядкѣ. Ошибаюсь ли
 я, или не въ самомъ ли дѣлѣ есть сіе
 жизнь дѣтская? Дитя хочетъ что ни-
 будь дѣлать, не для того, чтобъ сдѣ-
 лать

лать что нибудь, но чтобъ избавишься отъ скуки. По сей причинѣ оно безпре-
спанно играетъ; и для него почти все
равно, какая бы игра ни была, только
бы играть. Чѣмъ менѣе дѣшя, тѣмъ
легче его удовольствоваться: ключъ, палоч-
ка, деревянной кружокъ, или какая либо
другая подобная симъ простая вещь, мо-
жетъ занимать его чрезъ цѣлые часы.
Но чѣмъ болѣе дѣшя спановишься, тѣмъ
болѣе хочешь имѣть перемѣны, и скорѣе
начинаешь чувствовать скуку даже и
при самой забавной игрѣ; то есть: какъ
скоро начнешь въ немъ развиваться тѣ
силы, посредствомъ которыхъ человекъ
собственно достоинство свое получаетъ,
то начинаешь оно чувствовать, что
оно не для игры только рождено. Оно
ощущаетъ (хотя еще темно) потребно-
сти ума, и ищетъ удовлетворенія онымъ,
котораго игра доставлять не можетъ.
Человекъ можетъ искусствомъ продол-
жить свое дѣйство; но какъ бы ни ста-
рался, однакожъ никогда не дойдетъ до
того, чтобъ во всю жизнь свою оста-
ваться дѣшятемъ. Вопреки усиленнымъ
его стараніямъ наступитъ наконецъ
такое время, въ которое онъ не въ со-
стояніи будетъ довольствоваться игрою,

такъ же, какъ наступаетъ такое время, когда онъ пребуешъ уже не молока своей кормилицы, но иной пищи. Естльижъ онъ пропивъ напуры своей захочетъ только играть, по необходимо долженъ будепъ испытать по же, что всякое нѣсколько взрослое дитя чувствуетъ при прежнихъ своихъ играхъ: пустопу въ головѣ и въ сердцѣ. Сія пустота можетъ наполнена быть только такими упражненіями, при которыхъ имѣемъ мы какую нибудь *цѣль* и приближаемся къ оной каждымъ особливимъ дѣйствіемъ. Цѣль сія должна быть нѣчто *полезное*; дѣйствія сіи должны производиться *правильно*; или иными словами сказать: должно заниматься *дѣломъ*. Одно только чувствованіе потребности ума побуждаетъ насъ къ тому; и естли мы не хотимъ удовлетворять оной, по непременно подвергаемся мучительному чувствованію непріятности.

Число забавъ, которыми человекъ наслаждаться можетъ, не безконечно; и сколь бы велико ни было богатство, сколь бы выгодны ни были обстоятельствова человека, посвящающаго всю жизнь свою удовольствію, однакожъ не можетъ онъ

онъ сдѣлать неизмѣримымъ круга увеселеній, въ которомъ онъ обращается. Всегда будущъ случаются минуты, часы и даже цѣлые дни, въ которые будешь недоставать ему предметовъ увеселенія посредствомъ чувствъ или спрасшей. Естьлижъ нѣсколько времени не случится сего недостатка, тѣмъ хуже для него: тѣмъ скорѣе наступитъ то время, въ которое почувствуешь онъ омерзение ко всѣмъ забавамъ, наслаждавшимся ими съ излишествомъ. Ибо сказанное выше сего о каждомъ чувствѣ и о спрасяхъ особливо, что они способны къ наслажденію только до нѣкотораго предѣла, а по томъ разслабѣвать начинаютъ, — и о всѣхъ чувствахъ человѣческихъ вообще сказать должно: чѣмъ менѣе даемъ мы отдохновенія нервамъ, тѣмъ скорѣе онъ лишаются силъ и перестаютъ служить намъ. И такъ живущему только для удовольствія человѣку въ обоихъ случаяхъ планъ его разрушается: если не находить онъ столько предметовъ удовольствія, сколько бы желалъ, то спрадаетъ отъ скуки; еслилижъ находить, скоро будешь жаловаться на омерзение.

Сверхъ того человѣкъ, хощащій жить только для удовольствія, долженъ

довольствоваться какъ бы одною скорлупою многихъ забавъ, и не можешь никогда наслаждаться самымъ ядромъ; ибо увеселеніе, онымъ доставляемое, должно сперва приобрѣтено бытъ прилѣжаніемъ и трудами. Если хочешь, чтобъ музыка доставляла тебѣ нѣчто болѣе одного только пріятнаго щекопанія уха: то надлежитъ стараться узнать правила гармоніи; надлежитъ самому учиться играть на какомъ либо инструментѣ, дабы прійти въ состояніе понимать теорію сего искусства. Если хочешь не только по справедливости, но и съ полнымъ чувствованіемъ и во всемъ пространствѣ удивляться Руисдалевымъ, Гакершовымъ и Дипериховымъ ландшафтамъ, или превосходнымъ картинамъ Рабаелевымъ, Корреджіевымъ и Тиціановымъ: то должно напередъ долго учиться Опшикъ, Перспективѣ, слушать крипическія изслѣдованія красоты, и проникнуть въ тайны живописнаго искусства, не для того, чтобъ бытъ въ состояніи крипиковать художниковъ, но дабы знать, что видишь, дабы разумѣть достоинство ихъ искусства, и смотрѣть картинную галерею съ такимъ же восхищеніемъ, съ какимъ читаетъ превосходнаго стихотворца

творва пошѣ, кто нѣскольکو лѣшѣ учил-
ся разумѣшь сего спихотворца. Хочешь
ли находишь удовольствіе вѣ чпеніи: на-
длежитѣ сперва, учишься Грамматикѣ,
узнаешь богатство языка, и сѣ прудомѣ
пріобрѣспи множество знаній, дабы шыся-
чи красотѣ вѣ писателѣ, и при томѣ еще
самыхѣ тонкихѣ, не оставались для шебя
пщелными. Хочешь ли почерпашъ удо-
вольствіе изѣ обращенія сѣ такими людь-
ми, которыхѣ разговоры вѣ самомѣ дѣ-
лѣ подавали бы пищу уму и сердцу
швоему: надлежитѣ обогатишь разумѣ
свой знаніями и размышленіемѣ изо-
спришь, однимѣ словомѣ, образовашь
духѣ свой. Короче сказаць, никакимѣ
увеселеніемѣ, содержащимѣ вѣ себѣ по
самому его свойству нѣчто болѣе одного,
только пріятнаго попрясенія чувствѣ,
не возможно наслаждашья вѣ полной мѣ-
рѣ, естли способность наша кѣ наслаж-
денію не возвышена сперва какими либо
шудами. И такѣ по сей уже одной
причинѣ человѣку, хотящему жить вѣ
мірѣ только для удовольствія, благораз-
уміе совѣшуетѣ: „не убѣгай шудовѣ,
дабы могѣ шы болѣе удовольствіемѣ на-
слаждашья. „

Послѣ работы душа наша чувствуетъ удовольствіе гораздо живѣе. Занимающемуся дѣлами челоуѣку и по уже пріятно, когда онѣ послѣ трудовѣ отдохновеніе получаетъ. Онѣ и въ томѣ уже находятъ удовольствіе, что напряженіе силѣ его прерывается, и пѣмѣ удобнѣе довольствуется какою либо забавою. Чувства его не привыкли къ сильному потрясенію и онѣ онаго не прищупѣли: по чему и не имѣетъ онѣ нужды въ искусственныхѣ способахѣ къ возоужденію оныхѣ. Какой нибудь источникѣ удовольствія для него всегда открытѣ бываетъ. Еслили погода позволяетъ ему выйши въ поле: и сіе для него уже забава. Въмѣсто пѣсной комнаты, въ которой шрудился надѣ своими дѣлами, видишѣ онѣ предѣ собою пространный храмѣ натуры; въмѣсто сжатого воздуха, дышаетъ онѣ тамѣ воздухомѣ чистымѣ, и купно съ онымѣ вбираетъ въ себя живительныя пары. Зрѣніе его укрѣпляется видомѣ свѣжихѣ луговѣ; простое пѣніе птицѣ кажется ему прелестною музыкою. Однимѣ словомѣ, въ немѣ происходитъ чувствованіе пріятности, составляемое множествомѣ простыхѣ ощущений, къ которому челоуѣкѣ, только за

удо-

удовольствіемъ гоняющійся, не способенъ, по причинѣ великой разности простоты сего чувствованія съ принужденными и только искусствомъ производимыми забавами, къ какимъ онъ привыкъ. Въ семъ случаѣ со всѣмъ чувствованіемъ бываетъ то же, что со вкусомъ. Воздержному человѣку, соблюдающему здорovia своею работою, простая пища вкусна; она питаетъ его и укрѣпляетъ силы его столько, что онъ снова можетъ употреблять ихъ къ трудамъ, а по томъ паки наслаждаться отдохновеніемъ. Но лакомому человѣку, котораго вкусъ приупульбль уже отъ пріятныхъ зелій, простая пища не пріятна; онъ ѣстъ не для утоленія голоду, по чему и не довольно для него того, чѣмъ только голодъ утоляется; онъ не истощаетъ работою питательныхъ соковъ, получаемыхъ отъ пищи, и по тому онъ бываетъ еще какъ бы полусытъ, когда приходитъ время ѣсть въ другой разъ.

Занимающійся дѣлами человѣкъ принимаетъ участіе въ общежитіи. Онъ не можетъ быть равнодушенъ ко всѣмъ подобнымъ ему человѣкамъ, такъ, какъ тотъ, кто не связанъ съ нѣкоторыми

изъ нихъ тѣснѣйшимъ союзомъ. Кпо ищетъ сообщества другихъ только для своего удовольствія, тошъ необходимо долженъ всегда чувствовать, что онъ можешъ завтра паки разорвать связь, въ которую сегодня вступилъ. Продолженіе такой свободы съ одной спороны имѣешъ въ себѣ нѣчто пріятное, но съ другой спороны наслажденію общественаго удовольствія пагубно. Одинъ только способъ пріобрѣстъ и соблюсти друзей: *должно самому быть имъ другомъ.* Можешъ случиться, что кпо нибудь искренно полюбитъ насъ; но сія склонность не будетъ продолжительна, естли онъ не видитъ въ насъ взаимной къ нему склонности. Почитая другаго только орудіемъ нашего удовольствія, мы такъ и поступашъ съ нимъ будемъ. Онъ, примѣшивъ сіе, никогда не будетъ имѣшъ къ намъ сердечной привязанности. Напротивъ того человекъ, упражняющійся въ дѣлахъ, научается цѣнить людей не по одному только своему удовольствію, но по инымъ правиламъ. Приличное каждому уваженіе оказываешся само собою во всѣхъ его поступкахъ. Видящіе отъ него къ себѣ уваженіе охотно платяшъ ему взаимнымъ уваженіемъ. Отъ сего произ-

произходятъ связи, которыя хотя и не имѣютъ всѣхъ прелестей пылкаго юношескаго дружества, но по истинѣ драгоценны для сердецъ, и по тому не легко разрывающся.

Человѣкъ, упражняющійся въ дѣлахъ, главною цѣлю увеселенія своего всегда поставляетъ то, чтобъ собрать новыя силы для трудовъ. Одно напоминаніе сея цѣли удерживаетъ уже его отъ выбора такихъ забавъ, которыя могли бы привести жизненные духи его въ излишнее движеніе, возмутить спраси, истощить силу и оставить по себѣ чувствованіе непріятности. Бодрость, съ какою онъ отъ простаго своего увеселенія къ трудамъ возвращается, служитъ ему довольною наградою за небольшое принужденіе, котораго воздержность его иногда ему стоить. Величайшую радость доставляетъ ему та мысль, что онъ дѣятельностію своею другимъ приноситъ пользу. Напротивъ того человекъ, живущій только для своего удовольствія, можетъ ли когда нибудь съ награждающимъ чувствованіемъ при концѣ дня самъ себѣ сказать: „сегодня „сдѣлалъ я пользу моимъ ближнимъ; сего-
 „дни

„дни наслаждался я плодами моего прилѣ-
 „жанія; сегодня награжденъ я за труды,
 „которыя надежда, или полько долж-
 „ность, предпринявъ меня заспавила.“

Предскажемъ себѣ Алцеспа, во
 всемъ прочемъ такимъ, каковъ онъ есть,
 но полько дадимъ ему какое нибудь дѣ-
 ло, которое надлежало бы ему почипать
 должностію: онъ вдругъ спановится со-
 всѣмъ уже не потъ! Онъ не потъ уже
 Алцестъ, который прежде вставая по-
 упру, не зналъ, за что принялся. Дѣло
 его предисываетъ ему расположеніе вре-
 мени, и принимаясь за оное, онъ чув-
 ствуетъ, что сонъ его укрѣпилъ (и
 можетъ бытъ чувствуетъ сіе съ радо-
 стнымъ благодареніемъ Богу). По про-
 шествіи опредѣленнаго для трудовъ вре-
 мени онъ радуется, что провелъ время
 свое съ пользою, и съ симъ чувствованіемъ
 идетъ къ тѣмъ предметамъ, ко-
 торымъ надлежитъ увеселять его. Эспам-
 пы его, садъ, сообщество, прогулки,
 получаютъ большую пріятность отъ
 того самаго, что онъ нѣсколько времени
 не могъ ими наслаждаться; они какъ бы
 нечаянно ему встрѣчаются, и имѣютъ въ
 себѣ нѣчто для него новос, чего прежде

совсѣмъ не имѣли, пока онъ одними только ими занимался. Онъ знаетъ, что онъ полезенъ человѣческому обществу, и что каждой празднолюбецъ не можетъ заступать его мѣста. Сіе увѣреніе даетъ ему большую важность: другіе цѣнятъ его надлежащимъ образомъ, за что и его сердце плашишь имъ такимъ же уваженіемъ. Кругъ знакомыхъ его не состоитъ уже изъ однихъ только празднолюбцовъ; разговоры съ ними не суть уже пустословіе безъ всякой цѣли. Онъ смѣется съ живѣйшимъ веселіемъ, ибо смѣется рѣже. Онъ привыкъ находить удовольствіе въ трудахъ, и потому удовольствіе уже не кажется ему трудомъ. Онъ имѣетъ вѣрной способъ къ избавленію себя отъ скуки, а съ нею купно и отъ всѣхъ страданій, неразлучно ее сопровождающихъ.

Алцестъ терпитъ неудовольствіе, для того, что безпрестанно удовольствіемъ наслаждаешься хочешь; но пусть не поспавляетъ онъ удовольствія главнымъ своимъ предметомъ, и тогда будешь находить его не искавши. Да послужишь примѣръ его въ пользу всякому, кто находится въ его обстоятель-

шель-

пельствахъ, или къ онимъ близокъ! Люди, не копящіе принявъ на себя никакой должности, говорящъ: „развѣ не можно вести полезной жизни, не обязываясь никакою должностію?“, Безъ сомнѣнія можно; но рѣдко въ самомъ дѣлѣ исполняется. Кругъ полезныхъ дѣлъ не имѣетъ предѣловъ. Еслили должность не назначишь, чѣмъ намъ заниматься, по обыкновенно находимъ мы столько зашрудненій въ выборѣ, что рѣдко однажды навсегда рѣшимся. * Даже и рѣшившись, не всегда почишаемъ за необходимость, ненарушимо слѣдовать сему рѣшенію. Я знаю довольно людей, начинавшихъ безъ должности множество полезныхъ дѣлъ, но весьма мало такихъ, которые довели бы предпріятое ими до конца.

Содержаніе XX часши.

Стран.

Прилѣжаніе и Покой, аллегорическая повѣсть. - - - -	3
Различныя опредѣленія, Персидская баснь. - - - -	12
Разныя мысли. - - - -	15
Рейнской водонадѣ. (Изъ описанія одного путешественника.) -	17
Письмо сельскаго священника къ Милорду ***. - - - -	22
Дѣйствіе совѣсти. - - - -	29
Неравные братья, Испанская повѣсть. - - - -	33
О деревѣ Саго. - - - -	77
О хлѣбномъ деревѣ. - - - -	81
О енѣвѣ. (Изъ Англійскаго, періодическаго изданія: Бродяга.) -	85
Садоводство. - - - -	94
О стыдливости и смѣлости. (Изъ Англійскаго Спектатора.) -	97

Описаніе

Стран.

Описаніе жилища Надежды. (Изъ Англійскаго періодическаго изда- нія: Бродяга.)	- - -	101
Скупой.	- - -	111
Августа, справедливая повѣсть.	-	113
Малые міры въ большомъ мірѣ. (Изъ Нѣмецкаго періодическаго изданія: Ганноверской Магазины.)	-	135
Астрономъ и нищій.	- -	144
Обидагъ, Восточная повѣсть.	-	149
Отечская любовь и правосудіе.	-	156
Нравоучительныя изреченія.	-	160
Нѣчто изъ практической Философій.	-	161

